Арчил Сулакаури

Лука

Дирекция школы №9
и комитет школы награждают
ученицу 9 "В" класса [redacted]
Наталию за хорошую учебу, отличное
поведение и активное участие в общест-
венной жизни школы.

Директор: Богова

Министерство ... Казахской ССР ... Костанайской обл.

Арчил Сулакаури

ЛУКА

ПОВЕСТИ

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕРАНИ» ТБИЛИСИ 1976

Г2
899.962.1—3
С896

В своей новой повести «Лука» известный грузинский писатель А. Супакаури разворачивает перед читателем картину жизни Грузии военных лет. Война аторгается в судьбы героев, меняет их характеры, способствует ловзрослению, возмужанию главного лерсонажа повести.

Повесть-сказка «Вопшебное ллатье» заинтересует как юных читателей, так и самую широкую аудиторию пюбителей лирической лрозы. Это веселое яркое повествование лроникнуто любовью к жизни и к пюдям.

С $\frac{70303—36}{М604\ (08)—76}$ 101—76

ЛУКА

Луку разбудил пронзительный свист. Он сел в кровати и протер глаза. Затем прислушался: свист доносился с улицы. Он быстро подбежал к окну и высунулся наружу. Мито, школьный товарищ Луки, прислонясь спиной к платану перед ветеринарной клиникой, отчаянно свистел, оглушая всю окрестность.

— Эй, Мито! — окликнул его Лука.

— Чего тебе? — покосился снизу Мито.

— Чего ты свистишь? — спросил Лука. При этом он улыбкой и жестами выражал готовность поддержать друга. Лука сгорал от желания залиться свистом.

— Да так... хочу и свищу... А что, нельзя? — прислонившийся к платану Мито сердито передернул плечами и снова засунул в рот пальцы.

Лука, разумеется, огорчился, и не только огорчился, но и разобиделся от-

того, что в это раннее утро ему не дали возможности посвистеть. Мито не назвал причину, а без причины Лука свистеть не станет. Пусть теперь стоит на улице и как дурак свистит в одиночку. Лука, в майке и трусах, босиком, прошлепал в галерею.

Тетушки сидели возле маленького стола и беззвучно обливались слезами.

Лука впервые видел слезы у них на глазах и, честно говоря, удивился. Он только успел подумать, что лучше побыстрее смыться, чем слушать их сдавленные всхлипывания, но старушки сразу заметили Луку и теперь уже запричитали в голос:

— Пропали мы, Лука!.. Пропали!.. Война началась!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Говоря по правде, в то утро, когда он узнал от тетушек, что началась война, это сообщение его не особенно встревожило. Его представление о войне исчерпывалось сценами боев между красными и белыми, запомнившимися по кинофильмам. Там обычно побеждали красные, и у Луки не было никаких сомнений, что и на этот раз они победят так же, как бывало на экране. Особенно он надеялся на Буденного.

В то утро он даже усмехнулся про себя: что понимают старушки в войне, — и вышел на балкон. Это насмешливое отношение к тетушкам подкреплялось еще и тем обстоятельством, что отец Луки был кавалерийским офицером.

Но когда Лука вышел на балкон, Андукапар сказал такое, что Луке и в голову не приходило. «В этой войне,— сказал Андукапар, — лошади если только для подвоза боеприпасов сгодятся, или для транспортировки раненых

и беженцев, другого назначения у них быть не может».

Еще более страшную весть услышал Лука от Андукапара и только тогда понял, почему так горько рыдали тетушки. Мать Луки за пять дней до начала войны отправилась в Западную Украину навестить мужа, как раз туда, на самую границу, где раньше всего запылал разрушительный огонь войны. Хотя у Луки и сжалось от боли сердце, но он все-таки не ощутил приближения опасности, потому что не мог себе представить, какая беда должна была обрушиться на их семью.

Потом он вспомнил, как провожали маму, вспомнил вокзальный перрон, мамину улыбку сквозь слезы, сердитых, мрачных тетушек.

Мама давно уже готовилась к отъезду, но свое решение держала в тайне, скрывала от старших сестер. Лука знал, почему мама не раскрывала своих планов. Она была уверена, что старушки ненавидели зятя. По их мнению, младшая сестра, которую они вырастили, как родную дочь, вышла замуж за недостойного человека. Этот человек приобретал жен повсюду, где располагалась его военная часть. Этого мнения мать и сын, разумеется, не разделяли.

В тот день Андукапар сказал: если твоя мать успела встретиться с отцом, то ей нечего бояться. Лука тоже так считал, и слова Андукапара подбодрили его.

Андукапар был соседом Луки. Когда ему было три года, от полиомиелита у него отнялись ноги, так он и вырос и возмужал в полной неподвижности. Пока он был маленьким, его на руках спускали во двор гулять. Потом купили ему кресло, обитое клеенкой с большими велосипедными колесами, и на этом кресле Андукапар разъезжал по балкону. Отец Андукапара давно умер, мать вторично вышла замуж и переехала к новому мужу. Впро-

чел, она не переставала заботиться и о калеке-сыне, навещала его не меньше трех раз в неделю, убирала комнату, готовила еду, стирала и гладила.

В школу Андукапар никогда не ходил. И несмотря на это, Лука считал его самым умным и образованным человеком на земле. Он часто помогал Луке готовить уроки, и Лука убеждался, что его сосед был одинаково силен по всем предметам, новый материал объяснял лучше всякого учителя. Во всяком случае так казалось Луке.

Лука и в комнате Андукапара любил бывать. Одна стена комнаты была занята книжными полками. Лука испытывал истинное удовольствие и наполнялся гордостью, когда Андукапар поручал ему достать с полки какую-нибудь книгу.

«Хорошо еще, что Андукапар мой сосед, иначе туго бы мне пришлось», — частенько думал Лука.

Во всех неприятностях и даже в том, что началась война, тетушки винили отца Луки, как будто он был на этом свете причиной и источником всевозможных бед. Днем и ночью проклинали они его, проклинали вместе со всей его родней, отныне и навечно. В этих проклятьях иногда они упоминали и Луку, причем порой совсем без всякой причины.

— Вылитый отец, из тебя никогда человека не получится! — говорили старушки.

То, что он как две капли воды был похож на своего отца, Лука и прежде слышал от тетушек, но раньше он не заострял внимания на смысле, заключенном в этих словах, потому что считал, что эти слова существовали только как мера наказания, так же, как дергание за уши или стояние в углу.

Лука вырос, можно сказать, без отца. С отцом он виделся только во время летних каникул. Месяца на два приезжали они с мамой в военную часть. Дни, проведен-

ные в лагере, Лука считал самыми счастливыми днями в своей жизни. Солдаты учили его сидеть на лошади, управлять ею; как настоящий кавалерист он мчался на своем скакуне и саблей рубил колья, торчавшие справа и слева. А по вечерам они шли на реку и поили коней, купали, чистили, терли... Никогда он не представлял себе, что уход за конем, близость коня могут доставить человеку столько радости и наслаждения.

Лука видел, как уважали отца в военном лагере. Все считали его мужественным и бесстрашным наездником. Хотя в течение этих двух месяцев им редко приходилось бывать вместе, но подобное отношение солдат и командиров все-таки создавало у Луки определенное представление об отце. В глубине души он гордился им, а перед одноклассниками даже хвастался его достоинствами.

Теперь же он понимал, что означали слова тетушек. Озлобленные старухи не считали своего зятя человеком и бесконечно поносили его. Лука молчал, и в душе у него накапливалась горечь.

«Как хорошо, что на свете есть Андукапар», — думал, оставаясь один, Лука.

На протяжении лета Лука почти не вспоминал о матери. Вернее заставлял себя не думать о ней, потому что, как только он вспоминал ее, сердце больно сжималось и сразу хотелось плакать. И в то же время про себя он был уверен, что мать избежит самых страшных опасностей, скоро вернется, вернется такая же красивая, добрая и счастливая, какой он видел ее на вокзале в тот день, когда она уезжала.

Но дни шли, прошел месяц, другой, а мамы все не было. Те края, где была расположена военная часть отца, оккупировали немцы и не только те края — враг занял почти всю Украину.

Дома тетушки не находили себе места и бродили, на-

тыкаясь друг на друга, каждый день писали письма и куда-то их отправляли: они искали свою младшую сестру, мать Луки, но никак не могли напасть на ее след, на всем свете никто ничего о ней не знал.

Тетушкам по-прежнему было не до племянника, и Лука еще больше привязался к Андукапару, доверился ему, тот его подбадривал и утешал, держался с ним, как с равным, развлекал и забавлял его как мог. А когда Лука грустил, он часами рассказывал ему о полной опасностей жизни Джеймса Кука и Ливингстона, или о страшных приключениях искателей кладов и ловцов жемчуга.

Внезапно изменилась и жизнь всего двора.

До войны, казалось, соседям нечего было делить и скрывать друг от друга, большую часть жизни, начиная с ранней весны и до поздней осени, люди проводили во дворе и на балконах. Во дворе готовилась еда. На балконе завтракали, обедали и ужинали. Здесь же спали, здесь же устраивали словесные или рукопашные битвы, все, что попадалось на язык или под руку, не стесняясь, швыряли друг в друга. Правда, ссорились ненадолго, победитель на второй или на третий же день подсылал к побежденному посредников, но послы должны были делать вид, что никто их не посылал, что ими движет только и только желание восстановить мир между соседями. После долгих просьб и уговоров обе стороны смущенно улыбались и роняли головы на грудь. Этим выражалось горькое сожаление по поводу вчерашней или позавчерашней стычки. И снова продолжались мирные, сладкие добрососедские отношения.

Таков был распорядок дворовой жизни, уклад, которому все одинаково подчинялись.

Но и этот уклад был неожиданно нарушен.

Люди со дворов и балконов спрятались и укрылись в

комнатах. Балконы опустели, опустел двор и берег Куры. Казалось, будто все это очень давно покинуто людьми. Все что-то скрывали. Не делились радостью, не признавались в печали. Прятали достаток и так же тщательно скрывали бедность. Можно было подумать, что в этом старом доме поселились совсем другие люди. И как временные постояльцы, плохо знающие друг друга, они друг другу не доверяли.

Только Андукапар не изменил своим правилам, жил по-старому, по-старому катил свое кресло на велосипедных колесах, останавливался возле перил с балясинами, на углу, который одной стороной выходил во двор, а другой — на Куру, и до вечера читал книги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Все лето Лука провел на берегу Куры. То купался в реке, то валялся на солнцепеке, то рыбачил.

— Лука! — окликнул его однажды знакомый голос.

Лука повернул голову и увидел дядю Ладо, стоявшего во дворе под липой.

— Ты что, не слышишь, Лука?!

— Слышу, дядя Ладо, иду!

Босой Лука с трудом пробежал по каменистому пляжу и остановился у кирпичной стены, которая вырастала прямо из берега и кончалась на уровне двора.

Дядя Ладо присел на корточки и, словно доверяя большую тайну, тихонько, почти шепотом, проговорил:

— Пошли порыбачим, отведем душу хоть немного.

— Пошли, дядя Ладо! — сразу согласился Лука, боясь, как бы сосед не передумал взять его с собой на рыбалку.

До сих пор дядя Ладо никогда ему такого не предла-

гал, и неожиданное доверие старого рыбака взволновало Луку.

— Подожди меня здесь, я сейчас, — сказал дядя Ладо и ушел.

Дядя Ладо был старый рыбак, когда-то рыбной ловлей он зарабатывал себе на жизнь. А теперь работал лодочником. От старого Воронцовского моста до Мухранского простирались его владения. Он всегда сидел на длинной скамье под липой и не сводил глаз с Куры, следил, чтобы не случилось какой-нибудь беды, чтобы коварная и жестокая река не заманила кого-нибудь и не потопила. Доброму делу служил дядя Ладо, много добра посеял он на этой земле. Кто сосчитает, сколько жизней вырвал он из волн Куры, сколько людей спас от погибели!

— А-ну, держи, парень! — услыхал Лука голос дяди Ладо.

Дядя Ладо на веревке спустил с кирпичной стены ведро. Лука тотчас схватился за дужку ведра.

— Постой, не спеши, там сеть, с этим ведром так легко не управишься.

Ведро и в самом деле оказалось тяжелым. Лука обхватил его обеими руками и с трудом сдвинул с места.

Дядя Ладо ловко сполз по стене и спрыгнул на берег. Взяв ведро, он направился к реке. Лука последовал за ним. Голый по пояс рыбак был в холщовых штанах, старых и потертых.

— Ступай, отвяжи лодку.

Лука побежал.

Лодка была привязана цепью к свае, воткнутой в грунт. Лука отвязал дребезжащую цепь. Тем временем подошел и дядя Ладо. Сначала он поставил ведро, потом и сам сошел в лодку и взял в руки багор.

— Садись!

Лука в ту же секунду спрыгнул и обеими руками вце-

пился в борта закачавшейся лодки, испуганно съежившись.

— Ну и храбрец!! Чего струсил?!

Лука виновато поглядел на дядю Ладо и улыбнулся. Постепенно он осмелел, повернулся поудобнее и устроился на носу. И верно, чего ему бояться, когда он и сам прекрасно плавает. Уж не говоря о том, что рядом с дядей Ладо еще никому и никогда не угрожала опасность.

Дядя Ладо вел лодку вдоль берега против течения, он очень ловко управлялся с багром. Жилы на его шее напряглись, под кожей, на плечах и на руках вздувались и перекатывались мускулы. Лука, сидя на носу лодки, наблюдал за каждым движением рыбака.

— Привяжи к этому кольцу веревку!

— Какую веревку?

— Которая в ведре.

Лука продел один конец веревки в железное кольцо, ввинченное в нос лодки, и крепко завязал. Он часто наблюдал с берега или с балкона, как рыбачил дядя Ладо. И потому уже знал, зачем была нужна эта длинная веревка. Тот, кто помогал дяде Ладо во время рыбалки, привязывал второй конец веревки к стене, вклинивавшейся в реку, или к дамбе, а потом по мере необходимости удлинял и укорачивал веревку, чтобы рыбак закидывал сеть не на одном и том же месте. Причем эта веревка удерживала лодку, без веревки быстрое течение Куры унесло бы и лодку, и рыбаков.

Дядя Ладо предупредил Луку, чтобы он держался покрепче и изменил курс. Со всей силой налегая на багор, он вывел лодку почти на середину реки. Потом отбросил багор и потянулся за веслами. Первая волна обрушилась на нос, распалась надвое и рассыпалась в воздухе крупными брызгами. Лодка колебалась, раскачивалась, поднималась и опускалась на волнах. Наслажде-

ние, вызванное скольжением по волнам, хмельной дрожью прошло по всему телу Луки. Одурманенный, он улыбался сам себе, как пьяный.

Окрик дяди Ладо вывел его из забытья.

Вскоре они пересекли реку. Дядя Ладо снова взялся за багор и осторожно подогнал лодку к стене набережной. Теперь, держась у стены, они поплыли вдоль набережной, потом дядя Ладо дал Луке знак, и Лука накинул второй конец веревки, завязанный петлей, на железку, торчавшую из бетонной дамбы. Железку он загнул, чтобы петля не соскальзывала с крюка.

— Молодец!—похвалил рыбак Луку.—Я знал, что ты толковый парень. Из тебя получится хороший лодочник.

Дядя Ладо сел на борт лодки, обтер руки о свои холщовые штаны и бережно открыл жестяную коробку.

Лука не заметил, когда дядя Ладо достал эту коробку из кармана.

Лодочник положил коробку на колени и долго, старательно заворачивал табак в обрывок газеты.

По ту сторону реки виднелся двухэтажный, крытый черепицей дом, в котором жил Лука. Виднелись резные балконы, галереи, покосившиеся деревянные лестницы. Такие домишки подступали к берегу Куры от одного моста до другого. Одноэтажные... двухэтажные... трехэтажные... прилепившиеся друг к другу, громоздившиеся один над другим... Некоторые балконы висели прямо над рекой. На черепичные крыши взирал с высоты купол бездействующей церкви...

На балконе, опустив голову, сидел Андукапар и по обыкновению читал книгу.

«Вот было бы хорошо, если бы он меня увидел», — думал Лука и то и дело оглядывался на балкон. Конечно, ему было бы ужасно обидно, если бы его выезд на рыбалку остался никем не замеченным.

Дядя Ладо медлил. Присев на борт лодки, он молча дымил самокруткой. Зеленоватая прозрачная вода нежно касалась бока лодки с мелодичным плеском, от которого дрожь пробегала по всему телу. Лука заметил арбузные корки, плавающие у берега, и вспомнил недавно сказанные дядей Ладо слова: «Запомни, если Кура несет арбузные корки, значит, пришло время усача». Лука твердо верил, что они вернутся домой на лодке, до краев полной усачей. Он мечтал как можно скорее вытянуть из воды рыбу, у которой была темно-серебристая, такая знакомая спинка и белое брюшко. Эти два цвета природа распределила так точно, будто от передних плавников до хвоста шла невидимая ровная линия. Дядя Ладо швырнул окурок на середину реки и встал. Веревку от невода он привязал к левому запястью и обмотал вокруг руки. Потом он нагнулся и приподнял сеть. Прежде чем выпрямиться, он пристально взглянул на Луку своими синими глазами. Лука весь напрягся в ожидании очередного приказа.

Рыбак некоторое время смотрел на мальчика, потом выпустил сеть из рук и снял с запястья веревку. Он снова сел на прежнее место и устремил взгляд на противоположный берег. Лука только теперь заметил, какое утомленное, невыспавшееся было у дяди Ладо лицо, он показался ему почему-то очень постаревшим. Спадавшие на лоб рыжеватые волосы не скрывали глубоких морщин.

— Что же тут поделаешь? — спросил дядя Ладо, беспомощно развел в стороны огромные руки и растерянно повертел ими. Совсем не подходила его сильным рукам такая беспомощность.

— Что поделаешь, ушел... Но ведь и другие ушли... Ведь не он один ушел.

— Кто ушел, дядя Ладо?

— Мой Котико... Вчера вечером я его проводил.

— Куда проводили?

— Туда, куда все идут, — рассердился вдруг дядя Ладо, — на войну... на фронт... Куда еще я мог его проводить?!

На некоторое время он задумался, потом снова продолжил:

— Я вырастил его, этого паршивца. И какой парень вымахал? Щедрый и справедливый! Таких парней немного! Лука, ты же знаешь: я в людях редко ошибаюсь.

— Знаю, дядя Ладо.

— Так вот, я говорю, хороший парень ушел.

Котико, пасынок дяди Ладо, работал наборщиком в типографии. Был он долговязым, худым, сутулым. Походка у него была такой неуклюжей, будто он волочил не свои, а чужие ноги. Лицо у Котико было болезненно бледное, и при этом он всегда выглядел таким удрученным, как будто у него что-то постоянно болело и он эту боль ничем не мог заглушить. «Интересно, что он будет делать на фронте? — подумал Лука. — Такой слабый и бессильный. Лучше бы дома остался!» Лука почему-то считал, что идти или не идти на войну зависело от желания Котико.

— И Митуша ушел, — сказал дядя Ладо, — который жил напротив нас, в каморке. Его тоже вчера проводили.

Дядя Ладо опять достал из кармана жестяную коробку с табаком.

— И Гогия ушел, Меквабишвили, и Пето... И Джибо, сын Чолаха... Все отличные ребята... Да... Кто же еще ушел? Кокило... Озо... Многие... Потом еще вспомню... Постепенно.

Из перечисленных здесь ребят Лука знал всех. Это были парни из Чугурети[1], закаленные солнцем и водой

[1] Чугурети — квартал старого Тбилиси

Куры, полные сил. Когда по субботам и воскресеньям они собирались на берегу, их шутками и хохотом наполнялась вся набережная. Эти парни, само собой разумеется, должны были уйти на фронт, и они ушли, но для чего Котико пошел, — этого Лука никак не мог понять... «Наверно, не захотел от них отставать», — заключил Лука под конец.

— И Зипо проводили... И Конягу... И Джеко, — дядя Ладо затянулся и выпустил дым в бетонную стену. — И Курку, и Пупуза... И еще... Вот как звали сына Машо?

— Эзекия.

— Да, и Эзекия ушел. А Эзекию брать еще рано было, он ведь совсем ребенок, несмышленыш... Рубен тоже вышел на станцию Навтлуги вместе со всеми. Проводил ребят... Так плакал, несчастный. Какое доброе сердце у этого уродца. А я почему-то не любил безбородых мужчин. «Рубен, не плачь», — успокаиваю я его, а он слезами обливается, как женщина, — дядя Ладо взял весло и поднялся. А это означало, что он собирается возвращаться домой и сегодня больше рыбачить не будет.

Лука подтянул веревку, и лодка ударилась носом о бетонную стену. Он быстро схватился за крюк, торчащий из стены.

— Думал душу отвести, — сказал дядя Ладо, — ничего не получилось... Руки ослабли, сила вся вышла.

Через пять минут они уже причалили к своему берегу. Лука быстро выскочил из лодки, взялся за цепь, притянул лодку и остановил ее. Дядя Ладо вышел на берег и направился к дому.

— Дядя Ладо, — позвал его Лука. — Эту сеть в лодке оставить?

— Совсем забыл, будь она неладна! — чертыхнулся дядя Ладо. Потом задумался и спросил Луку: — А что слышно от ваших?

— Ничего.
— Не нашли их?
— Нет.

Дядя Ладо вернулся обратно, одной ногой стал в лодку и, вытащив сеть, запихнул ее в ведро. Потом поднял ведро и медленно направился во двор. По дороге он снова обернулся к Луке, который привязывал лодку цепью к свае, всаженной в грунт.

— Хорошо еще, тебя с собой не взяли.
— Да он и маме говорил, чтобы не ехала.
— Почему же?
— Не знаю, — вспомнив о матери, Лука расстроился. Сердце билось где-то в горле, на глаза набегали слезы.
— Может, он знал, что немцы войну начать собирались? — усомнился старый рыбак.

Лука пожал плечами. Заговорить он побоялся, знал, что сейчас расплачется. Дядя Ладо в задумчивости смотрел на Луку, его лицо, выдубленное водой и солнцем, выражало глубокое сомнение.

— А может, он все-таки знал, а?

Солнце уже высоко поднялось над крышами. Лука обмотал цепь вокруг сваи, завязал узлом и пошел за дядей Ладо. Солнце уже так накалило прибрежные камни, что идти босиком было трудно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хоть Андукапар и сказал Луке, что он зря идет в школу, что в нынешнем году занятия начнутся первого октября, старые девы-тетушки все же не уступили. Откуда ему знать, говорили они, он в своей жизни из дому не выходил. Тетушки сунули Луке тетрадь с карандашом и выпроводили в школу.

Лука сначала не узнал школьного здания. Белоснежные стены были перекрашены в темно-серый цвет. У подъезда стояли солдаты и у всех спрашивали пропуск.

Из открытых окон на Луку глядели раненые, наверно, потому, что в эту пору на целой улице кроме него не было ни одной души. Лука почувствовал какую-то неловкость или смущение, вдобавок ему показалось, что весь мир глядит на него и думает: и чего этот остолоп явился сюда в эдакую рань? Понурясь, Лука пошел вдоль железной ограды. У ворот он замешкался, остановился ненадолго, потому что на воротах висел большой замок.

Лука заглянул в глубину двора. Во дворе стояло несколько военных санитарных машин.

Было ясно, что школы, в которой он учился столько лет, больше не существовало. Наверно, так и бывает во время войны, думал Лука, наверно, теперь военные госпитали нужнее. Но с другой стороны, не может же быть, чтобы детей совсем освободили от занятий. Лука повернул назад, решил спросить у раненых, может, школу перевели в другое здание.

Раненые указали на объявление, приклеенное к стене. Лука прочел объявление и поблагодарил солдат. Потом он сунул в карман тетрадь и карандаш и очень довольный, успокоенный зашагал к дому. Школу перевели в другое здание, причем Андукапар, конечно, оказался прав — занятия начинались первого октября.

Дойдя до угла, Лука изменил маршрут. Вместо того, чтобы пойти налево и по проспекту выйти к дому, он повернул направо и по узенькой корявой улочке зашагал к берегу Куры в надежде столкнуться там с товарищами по школе, которые так же, как и он, не знали, что учеба начнется с первого октября.

По обе стороны узкой улочки стояли низенькие и ветхие домишки. Единственное исключение составляли трех-

четырехэтажные строения психиатрической больницы, окруженные высокой оградой. Несколько корпусов этой больницы (которую все называли просто сумасшедшим домом) своими зарешеченными окнами выходило прямо на Куру.

Железные ворота были всегда на запоре, и внутрь даже муха не могла залететь. Мальчишки изнывали от любопытства, чего только ни делали, чтобы хоть раз заглянуть во двор больницы и увидеть, что там творится, но это им никогда не удавалось.

Проходя мимо сумасшедшего дома, Лука не поверил своим глазам: ворота были открыты. Вернее, чуть приоткрыты. Пораженный Лука невольно остановился. Любопытство, накопившееся за долгие годы и вроде бы несколько затихшее, пробудилось вновь. Сейчас он мог беспрепятственно толкнуть ворота рукой и увидеть, наконец, что же происходит там, в том незнакомом, окутанном тайной мире.

Лука осторожно открыл ворота и просунул в щель голову. Больничный двор оказался значительно более просторным, чем он себе представлял. Его затеняли огромные деревья; посреди двора круглый пустой бассейн бессмысленно пялился в небо. Во дворе не было ни души. Все вокруг дышало удивительным покоем и тишиной. Зеленые скамейки, поставленные для больных в тени деревьев, казались навсегда и безвозвратно покинутыми.

Ободренный этим Лука открыл ворота пошире и протиснулся во двор. У него создалось впечатление, будто двор был окружен не домами, а высокими серыми стенами, и в этих стенах было прорезано множество темных окон. Одни окна казались открытыми, другие — занавешенными, но и те, и другие, все без исключения, были забраны железными решетками.

— Мальчик! — послышался ему вдруг женский шепот, и он вздрогнул от неожиданности. — Мальчик!

Лука не мог понять, откуда доносился голос. Растерянный и испуганный, он обернулся, уже собравшись улепетывать: и зачем только я сюда притащился! — сердился он на себя.

— Мальчик, поди сюда, подойди на минутку! Я хочу тебя о чем-то попросить! — снова услышал он шепот, раздававшийся теперь где-то совсем рядом.

Лука повернул голову и чуть не свалился с ног от удивления. В двух шагах от него, слева, у открытого окна стояла совсем голая девушка, которая, подняв над головой руки и вцепившись пальцами в железную решетку, печально смотрела на Луку большими зеленоватыми глазами. У Луки от смущения вспыхнуло лицо, и он постарался не смотреть на голое тело. Если смотреть — так только в глаза. Он стоял, как завороженный, и не двигался с места. Но глаза — не гвоздь, их к одному месту не приколотишь, поле зрения было значительно шире, чем точка, в которую он уставился. Кроме остриженной головы, удивительно нежного, бледного и красивого лица Лука видел голые руки, две молочно-белых округлости и вздернутые вверх бэльшие розовые соски...

Девушка была видна по пояс, заключенная в бурую раму открытого окна.

— Тебе так трудно подойти, мальчик? Иди сюда! Подойди поближе, я хочу тебя о чем-то попросить! — девушка резко опустила руки, скрылись темные подмышки, и Лука увидел гладкие покатые плечи.

Он сделал несколько шагов по направлению к окну, и девушка показалась ему еще красивее со своей маленькой изящной головкой и красивыми маленькими ушами. Он только сейчас заметил, что у девушки губы были точно такими же розовыми, как соски.

— Я — Мтвариса[1]. Слыхал такое имя? Мтвариса. Нет? Я живу в Тбилиси, на улице Верхарна... Ах, боже мой, номер дома забыла. Ничего. Вспомню... А теперь ступай, мой славный мальчик, и сообщи нашим, что Мтвариса здесь. Они знают, что я здесь, но все же напомни им... Вдруг они забыли... Знаешь, что скажи им? Скажи, что это место не подобает Мтварисе. Скажи, что Мтвариса тут нечего делать, запертой в четырех стенах... Пусть они завтра же заберут меня отсюда...

Лука явственно слышал слова, но не осознавал, что ему говорила Мтвариса или о чем просила. Восторженно смотрел он на молочно-белое девичье тело, отделенное от него железной решеткой. Он весь дрожал, как будто ему раскрыли большую и важную тайну и позволили увидеть то, что всегда было окутано мраком и что от него постоянно скрывали. Это было первое посвящение, первое откровение. Первое пробуждение от долгого мучительного сна.

— Да, так и скажи, так и скажи... — продолжала Мтвариса. — Скажи, что и боли меня беспокоят. Ты знаешь, они и в самом деле меня донимают... Все тело ломит... Только по ночам. Днем нет, днем все хорошо. Ничего не болит... Но в этих муках виновата не я, это все луна...

Лука вдруг почему-то почувствовал, что девушка, устремившая на него зеленые, печальные глаза, не видит его. Взор, падающий из открытого окна, не достигал Луки или рассеивался и таял в воздухе, не успев до него добраться.

— Ужасные боли мучают меня. По ночам начинает болеть все тело, и все по-разному. И голова болит, и глаза, и руки, и грудь, и спина, и ноги, но знаешь, что происходит? Голова болит иначе, а глаза как-то иначе. Боль

---

[1] Мтваре (груз.) — луна.

в руках не похожа на боль в пальцах или ногтях. А грудь и подавно болит совсем по-особому. Знаешь, что со мной происходит? Тело разрывается на четырнадцать частей, и каждая частица болит в отдельности. Да, да, именно так. Каждый кусочек болит своей, особенной болью, и как только стемнеет и на небе появится луна, боль навещает выбранную для себя часть. Но я знаю, в чем тут дело. Ведь по ночам луна тоже лопается и распадается на части. А ну, приглядись внимательней. С каждым кусочком разбитой луны связана часть моего тела. Мы одинаково разламываемся... Потому и болит мое тело, во всем виновата луна. Только ты никому об этом не говори, я не хочу, чтобы пошли слухи. Будет неудобно, если об этом узнает луна.

Мтвариса грустно улыбнулась, отвернулась от окна и, безмятежно напевая, исчезла в сумрачной глубине палаты.

Лука долго стоял перед темным окном, пораженный увиденным и услышанным. Мтвариса больше не появлялась, не подходила к зарешеченному окну.

Подавленный, с тяжелым сердцем, Лука вышел из больничного двора. К берегу реки он сворачивать не стал, отправился прямо домой.

На остановке троллейбуса он столкнулся с Мито и поболтал с ним немного. Выяснилось, что Мито шел в кино на утренний сеанс. Мито пригласил и Луку, обещал взять ему билет. Но Лука отказался и, когда Мито ушел, посмотрел ему вслед с некоторым чувством превосходства.

Потом Лука сорвался с места и некоторое время шел быстро, как будто спешил по неотложному делу или убегал от преследователей. Эта поспешность не была невольной, он и в самом деле спешил, только не домой, а туда, где оставил открытыми ворота, и надеялся, что

они все еще открыты. Он промчался мимо своей бывшей школы и в мгновенье ока очутился у знакомых ворот. Тяжело дыша, осторожно толкнул одну створку. Ворота не поддавались. Тогда он изо всей силы стукнул кулаком, но ворота и на сей раз не двинулись с места, потому что они были так же прочно заперты, как прежде, как всегда, и не было никакой надежды, что они когда-нибудь отворятся.

Лука стал прохаживаться мимо ворот, попытался заглянуть во двор, но тщетно.

Разбитый и усталый, он спустился к Куре и остановился у края улочки, откуда начинался зеленый склон и узенькая крутая тропка. Отсюда он уныло поглядел на безлюдный, сверкающий под солнцем берег.

Потом он рассказал обо всем Андукапару и вздохнул с некоторым облегчением, как будто тащил тяжелый груз и теперь половину этого груза переложил на плечи друга. Андукапар слушал его молча. Обросший, как обычно, трех-четырехдневной щетиной, он сидел, откинувшись на спинку клеенчатого кресла, и задумчиво разглядывал свои беспомощные, бесполезные ноги.

Лука не думал, что во время пересказа уже однажды пережитое вновь так взволнует его. Все струны его души были натянуты и напряжены до предела, а воспоминание об утреннем происшествии невидимыми пальцами касалось этих струн и заставляло их вибрировать. В то же время он верил, что Андукапар объяснит, растолкует ему то, что для него оставалось необъяснимым, непонятным, окутанным мраком. Но Андукапар молчал, задумчиво катил свое кресло на велосипедных колесах взад и вперед по балкону. Прислонясь спиной к деревянному барьеру, Лука следил за движениями узких и длинных рук. Эти ловкие руки, казалось, для того и были созданы, чтобы на протяжении всей жизни крутить вело-

сипедные колеса и заменять ноги человеку, бессильно распластанному в кресле.

Некоторое время оба провели в молчании. Андукапар подкатил свое кресло к крану. Наклонился и отпустил воду. Порылся под сиденьем, откуда-то выудил чашку и напился. Потом устремил на Луку свои глубоко посаженные черные глаза и так тихо спросил, что можно было подумать, что он разговаривает сам с собой.

— Ты говоришь, ворота были открыты?

— Да.

— А прежде никогда не бывали открытыми?

— Никогда.

— Ты уверен, что они были открыты?

— Я же говорю тебе, что я вошел во двор.

— А во дворе ты никого больше не видел?

— Никого.

Видимо, Андукапар кое в чем усомнился, но Лука не стал доказывать свою правоту, он повернулся и, перегнувшись через барьер, выглянул во двор. Во дворе Коротышка Рубен возился возле своей голубятни. В ней заключалось все его богатство. Он разводил голубей и существовал за счет их купли-продажи. Рубен особенно любил один город — Самтредиа[1]. Он никогда там не бывал, но, по его представлению, этот маленький и красивый городок был заселен одними голубями.

— Так и сказала, что луна лопается и распадается на части? — услышал Лука голос Андукапара.

— Да, говорит, распадается, — ответил он, взглядывая на своего собеседника.

— Именно так сказала, что каждая частица ее тела связана с распадающимися кусками луны?

— Да, именно так.

[1] Мтреди (груз.) — голубь.

— И что ее тело на четырнадцать частей разрывается?

— Почему ты спрашиваешь? Ты что, мне не веришь?

— Верю... Так просто... Это очень интересно...—Андукапар покатил свое кресло в глубину балкона и также быстро вернулся. — А что это за улица Верхарна?.. Хотя, возможно, она и вправду там живет. Если не ошибаюсь, в Тбилиси есть такая улица, где-то в Дидубе или в Наваловке.

Лука слушал затаив дыхание — Андукапар разговорился и, наверно, теперь многое мог сказать, но Андукапар покатил коляску к своей комнате и только крикнул Луке, въезжая в дверь:

— Странный ты человек, Лука, вечно с тобой что-нибудь случается!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Через несколько дней Лука улучил время и убежал из дому. На протяжении всей этой недели он часто думал о Мтварисе; иногда она ему даже снилась. Несколько раз он принимал решение доверить свою тайну Андукапару, но когда наконец решился сказать, вдруг понял, что говорить ему не о чем, он и сам не знал, что тревожило его, почему он не находил себе покоя. Но какая-то загадочная сила влекла его к тому затемненному окну, откуда впервые засиял ему дотоле неведомый свет.

Он снова подошел к знакомой ограде, железные ворота были заперты. Он толкнул их рукой, налег плечом, все напрасно! Железные ворота были так же крепко закрыты, как и в прошлом и в позапрошлом году. Огорченный и разочарованный, он несколько раз обошел вокруг высокой кирпичной ограды и спустился вниз по переулку.

Дойдя до конца улицы, он взглянул на берег Куры. Берег показался ему пустынным, но когда он присмотрелся повнимательней, над Верийским мостом заметил сидящего на отмели парня. «Кто-нибудь из наших», — решил про себя Лука и побежал вприпрыжку по крутому зеленому склону.

Мальчишка наверно почувствовал, что кто-то идет, и через плечо оглянулся на Луку.

Лука не знал этого мальчишку, впервые его видел. Он замедлил шаг и решил вернуться назад, но незнакомец приветливо ему улыбнулся и даже рукой помахал, дескать, иди, присаживайся.

У незнакомца были рыжие кучерявые волосы и конопатое лицо. Живые светлые глаза затенялись удивительно короткими и густыми бровями. Он был очень худой, но загар придавал ему здоровый вид.

Конопатый похлопал тощей рукой по песку и сказал Луке:

— Садись, куда спешишь?

Лука покорно присел.

— Плавать умеешь? — неожиданно спросил Конопатый.

— Умею, — ответил Лука.

— А я не умею, — быстро отозвался Конопатый таким тоном, как будто хвастался этим или упрекал кого-то в том, что не умел плавать.

— Это же очень легко, научишься...

— Интересно, как я научусь, если я тону.

— Когда научишься, не утонешь.

— Что ты за человек! — засмеялся Конопатый, — как же я научусь, если сразу тону...

Луке нечего было возразить, и он умолк, Конопатый тоже молчал. Помолчав, он добавил:

— Наверно это потому, что я худой.

Лука ничего не ответил.

— Ты думаешь, я мало ем? Ем, но не жирею, — и вдруг: — А где ты живешь?

— В Чугуретах. — Лука протянул руку к мосту и указал на двухэтажный дом за крайним пролетом. Конопатый, конечно, не мог разглядеть дома Луки в сутолоке покосившихся стен, балконов, выкрашенных в разные цвета галереек и черепичных крыш.

— А что же ты тут делаешь, если там живешь? — снова неожиданно брякнул Конопатый.

— Здесь моя школа. — Лука еще хотел добавить, что его школу перевели в другое место, а в здании школы теперь военный госпиталь, но поленился. Вернее, поленился потому, что подумал, что этому мальчишке наверняка безразлично, куда перевели школу Луки.

— Значит, ты там живешь, а сюда в школу ходишь?

— Да.

— Ничего себе! А как тебя зовут?

— Лука.

— Что это за имя — Лука?! — от души расхохотался Конопатый. — Первый раз слышу!

— Не знаю, так меня назвали... — потом смущенно добавил: — Деда моего так звали.

— А меня зовут Альберт.

— Альберт?

— Красиво, правда?

— Правда, — согласился Лука.

— Да, ничего себе, — Альберт взял камень и швырнул в воду. Лука тоже бросил в реку камень.

— Давай-ка поплавай, а я погляжу, как ты плаваешь,— попросил Конопатый.

Лука сейчас был совсем не в настроении плавать, да и лень было выжимать потом мокрые трусы и ждать, когда они высохнут... Поэтому он на словах объяснил

Конопатому, как он плавает, и впоследствии был достаточно сурово наказан за хвастовство, и горечь еще долго оставалась в его душе.

— Я могу отсюда доплыть до своего дома, — гордо заявил Лука.

— Ва?! — Поразился Альберт. — А туфли, брюки, сорочка... Одетый поплывешь?

— Нет, — улыбнулся Лука, — когда у нас кончаются уроки, все ребята спускаются сюда. Когда наплаваемся, я отдаю одежду товарищам, а сам плыву по течению.

— По течению? — почему-то именно это слово выбрал Альберт, чтобы выразить свое удивление.

— Да, по течению.

— А ну, покажи!

Лука с улыбкой покачал головой: в другой раз.

— Покажи, прошу, как ты плаваешь. Твое барахло я сам понесу. Только ты плыви, а я бегом побегу... Честное слово!..

— Сейчас мне неохота. Настроения нет. И потом, еще рано, вода холодная.

— При чем здесь настроение? Если бы я умел плавать, все время бы в воде сидел. Раздевайся, давай... Покажи хоть разок, как ты плаваешь.

Лука поднялся и стал снимать ботинки, потом снял брюки и накрахмаленную, нынче утром тщательно вычищенную белую сорочку. Следом за ней снял и майку. Все это аккуратно сложил и передал Альберту.

— Знаешь, куда нести?

— Откуда же мне знать?

— Слышал о Речной улице?

— Это Пески, да?

— Точно.

— Пески-то я знаю, а номер какой?

— Семнадцать. Войдешь во двор и подождешь меня под липой. Только поторапливайся.

— Ва, могу даже на троллейбусе поехать! — Альберт протянул руку по направлению к склону и сказал:—Я оттуда посмотрю на тебя, а потом побегу... Если ты опередишь меня, я подарю тебе этот нож, — он достал из кармана перочинный ножик с несколькими лезвиями и показал Луке, — а если я приду раньше, ты мне что-нибудь подаришь.

— Ладно, — согласился Лука.

Альберт побежал по отмели и в несколько прыжков очутился на самом верху. Оттуда он крикнул Луке:

— Давай быстрей, а то я уже ухожу.

Зеленоватая вода оказалась на диво теплой и прозрачной. Подняв руки вверх, словно сдаваясь в плен, Лука медленно входил в воду. Неожиданно он подпрыгнул и нырнул. Несколько метров проплыл под водой и под водой же перекувырнулся. Потом спокойно высунул голову из воды и левой рукой стряхнул воду с лица и глаз.

Альберт стоял на склоне. Радостно смеялся и скакал, махая ему рукой. Некоторое время он наблюдал за Лукой. И Лука тоже не сводил с него глаз, улыбался: знай, мол, наших! И тоже махал ему рукой.

У Конопатого еще раз вырвался из глотки победный клич. Потом он подпрыгнул, резво затрусил и исчез внезапно, как во сне.

Лука не спешил, он доверился течению, вынесшему его на середину реки. Чего ему было спешить? Если бы даже Конопатый лопнул на бегу, он бы все равно никогда не опередил Луку, ибо Лука здесь, на Куре, доказал, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками.

«Неужели он думает, что я возьму его нож?» — думал

Лука, спокойно, размеренно двигая руками и ногами. Ножик, судя по всему, был в порядке, и именно поэтому Лука не хотел его отбирать, не хотел огорчать Конопатого. «Видно, неплохой парень. Веселый, даже чересчур простоват».

Вдоль Куры до самого Мухранского моста справа тянулась высокая бетонная стена. Слева набережной еще не было, и берег был пологий. Когда Лука плыл к дому, он всегда глядел на левый берег. Любил смотреть на маленькие домики и пестрые галереи и балконы. Все это было для него чужим и знакомым, близким и далеким. Наблюдая за городом с середины реки, он всегда обнаруживал между двумя домами какой-нибудь домишко, которого не видел или не замечал прежде. Иногда останавливал взгляд на каком-нибудь ажурном балконе. Разумеется, и этот нарядный резной балкон он видел впервые. А иногда он находил совсем незнакомое окно. Окно и впрямь дивно сверкало на солнце своими разноцветными стеклами.

Проплывая под мостом, Лука уже был совершенно спокоен. Отсюда начинался его район — Чугурети, его владения.

Сразу за мостом реку рассекал надвое маленький песчаный островок. Слева, прямо из реки поднималась белая стена высокого здания. Только не подумайте, что она крашеная, это она от муки такая белая. Из окон здания всегда вытряхивали мешки из-под муки или бесцеремонно высыпали сверху прямо в Куру ненужные отруби.

Потом показывались барабан и купол бездействующей церкви. Во дворе этой бездействующей церкви жила Маико, одноклассница Луки. Худенькая, бледная, как растение, выросшее без солнца... Когда Лука думал о Маико, то почему-то представлял себе, что она сидит,

забившись в какой-нибудь темный угол и грызет там орешки.

Ниже церкви снова начиналась отмель, она врезалась в реку и от гаража автошколы до «Бабушкиной стены» тянулась вдоль нескольких дворов. Лука огибал островок и как раз там, где рукав присоединялся к главному руслу реки, начинал подумывать о выходе на берег.

Отсюда уже хорошо был виден двор Луки, двухэтажный дом и раскидистая липа. Лука тотчас взглянул на липу — не опередил ли его Конопатый Альберт. Двор оказался пустым. И под липой никто не стоял.

Лука подплыл к берегу и уцепился за борт лодки. Только выйдя на берег, он почувствовал усталость, тело его словно отяжелело, но эта тяжесть не была ему внове; с ним всегда так случалось, когда он возвращался из школы вплавь.

По балкону второго этажа раскатывал на своем клеенчатом кресле с велосипедными колесами Андукапар. Тетушки, как обычно, сидели, запершись в комнате.

Лука стоял на солнце и обсыхал. Ему было холодновато, тело посинело и покрылось пупырышками. Не снимая, он на себе отжимал мокрые трусы. Потом пересек отмель и, укрывшись за стеной, снял трусы, чтобы выжать их получше — когда еще они высохнут! Натянув выжатые трусы, он вышел на солнце. Если Конопатый шел пешком, думал Лука, то он еще не скоро появится. Да и на троллейбусе получается ненамного быстрее, троллейбус ходил редко и едва плелся, делая остановки на каждом шагу.

Ножик с разными лезвиями он уже выиграл, заработал: считай, что у тебя в кармане! Дело в том, что по дороге Лука передумал. Во-первых, Конопатый, пожалуй, был не из тех, чтобы пожалеть для Луки ножика, а во-вторых, чем больше проходило времени, тем сильнее нравился

Луке маленький хорошенький ножик с перламутровым черенком...

Капли воды на коже уже обсохли, синева прошла. Лука согрелся и перестал дрожать. Мокрыми оставались только трусы и волосы. Хотя волосы даже нельзя было назвать мокрыми, а скорее влажными, как бы покрытыми росой.

На кирпичной стене показался дядя Ладо — в холщовых штанах и куртке. Засунув руки в карманы, взглянул на берег.

— Поднимайся, чего стоишь? — сказал он Луке.

— Товарища жду.

— Здесь жди. — Дядя Ладо сел на скамейку и начал заворачивать табак в обрывок газеты.

Луке не хотелось торчать в одних трусах в пустом дворе. Теперь же, когда появился дядя Ладо, он подскочил к стене и с кошачьей быстротой и ловкостью взобрался наверх. Очутившись во дворе, он отряхнул пыльные руки и сел на ту же скамью, вернее, на длинную дощатую перекладину рядом с дядей Ладо, спиной к Куре. Так он сел для того, чтобы видеть ворота, ведущие с улицы во двор. Конопатый вот-вот появится, — думал Лука.

Но Конопатый запаздывал.

Дядя Ладо задымил вонючим самосадом, потом вытянулся и прислонился спиной к стволу липы. Эту скамью, на которой они сейчас сидели, сколотил дядя Ладо. Мужчины всего двора по вечерам собирались под липой, а сидеть было не на чем. Дядя Ладо распилил бревно, которое выловил в Куре, обтесал, заострил концы, врыл в землю поодаль друг от друга, сверху настелил обструганную доску и прибил ее гвоздями. Потом к этой скамье приладил стол. Одной скамьи, разумеется, соседям не хватило, тому, кто запаздывал, приходилось стоять. По-

этому дядя Ладо поставил такую же скамью и по другую сторону стола.

А Конопатого Альберта все не было видно.

— Чего ты ждешь, — спросил дядя Ладо. — Почему не идешь, домой?

— Да так, жду одного Конопатого, Альберт его зовут.

— А чего ему от тебя надо?

— Ничего. Он должен мою одежду принести.

— Откуда?

— Я от Верийского моста сюда приплыл, а вещи ему оставил.

— А ты его знаешь?

— Нет. Сегодня познакомился.

— Ну, ты отличился, брат! — Дядя Ладо вдруг разволновался и, как показалось Луке, даже рассердился. — Незнакомому парню вещи оставил?!

— Да так получилось...

— Как это получилось?!

— С виду он вроде хороший парень.

— Хороший! — Дядя Ладо сплюнул со двора на берег и выбросил дымящийся окурок. — Какой он хоть из себя?

— Конопатый, худой... Волосы рыжие, как огонь.

— Ну и растяпа же ты!.. Идем со мной.

— Нет, дядя Ладо, он парень такой, что не обманет.— Лука все еще верил, что Конопатый придет и принесет вещи. Дядя Ладо зря волновался.

— Идем, я сказал. — Старый лодочник схватил его за руку повыше локтя, перешагнул через скамью и перетащил Луку за собой.

Они вышли на улицу.

Волнение и гнев дяди Ладо показались Луке совершенно непонятными. Дядя Ладо вдруг стал на себя не похож, лицо его напряглось и вытянулось. Узкие, погас-

шие глаза вспыхнули и расширились. Он наверное и сам не чувствовал, как крепко сжимал ему руку. Лука морщился от боли и думал: только бы отпустил и черт с ними, с вещами.

— Идем со мной. Может, мы наткнемся на него где-нибудь! — дядя Ладо отпустил Луку и быстро зашагал по улице в сторону церкви.

— Дядя Ладо, мне стыдно, я совсем голый! — высвободившись из железных тисков, Лука облегченно вздохнул.

— Стыдно было, когда ты позволил себя провести. Терпеть не могу, когда кого-то обманывают... Пусть он только попадется мне в руки!..

Возле церковного двора Лука заметил Маико. Она стояла с какими-то тремя девочками. Все четверо оживленно беседовали и грызли семечки.

Лука как сумасшедший помчался назад. Даже не предупредив дядю Ладо, он устремился к дому.

Пристыженный Лука, с видом раскаявшегося грешника, предстал перед тетушками. Старые девы, конечно, ужаснулись тому, как бессовестно облапошили и ограбили их племянника, но вся тяжесть вины легла тем не менее на плечи отца Луки. Как мы уже говорили, он был источником всевозможного зла, так считали старые девы. И Лука — олух и лоботряс только потому, что он — вылитый отец. Лука соврал — опять же отец виноват, потому что он лгун и обманщик. Лука вернулся домой с опозданием или задержался у друзей, или гонял в мяч, играл в лахти или отурму[1] — все равно отец виноват, потому что он всю жизнь только и думал о том, как провести время и развлечься.

Лука предпочитал, чтобы буря разразилась над его

[1] Лахти, отурма — грузинские национальные игры.

собственной, а не над отцовской головой. Когда дурно отзывались об отце, он злился и обижался. Мягкое и отходчивое сердце по капле наполнялось ядом и желчью. Прикусив язык, он сидел и наблюдал за бессмысленной суетой тетушек, и тонкое чутье ребенка подсказывало ему, что эта суета была рассчитана на него, имела воспитательное значение: смотри, мол, сколько мы трудимся, а ты — лодырь и бездельник, как и твой отец, не знаешь, чем себя занять.

Иногда он думал, что близнецы-тетушки только затем и появились на свет, чтоб его мучить. Они ежеминутно искали повода, чтобы выбранить и наказать Луку. Кроме того, что они одинаково одевались, они так же одинаково мыслили, имели одинаковое представление о явлениях и предметах, и поэтому с редким согласием выступали против Луки. А в последнее время они придумали для него самую жестокую пытку: бранить отца.

Лука сидел, набрав в рот воды, мечтал о мести, о расплате. Старушки были так похожи друг на друга, что до прошлого года Лука не различал, которая тетя Нато, а которая тетя Нуца.

Они были одного роста, долговязые, сухопарые, у обеих были длинные морщинистые руки, большие черные глаза, довольно прямые маленькие носы; ни единого седого волоска, если не считать седой пряди, которая с девических лет пролегла в их черных волосах. Лука слышал от матери и от многих других, что лет пятьдесят назад его тетушки считались первейшими красавицами.

Лука хорошо помнил, как они сердились и как бранили его, когда он путал их имена. Хоть бы эта седая прядь была бы у них с разных сторон, часто думал Лука, тогда бы не так трудно было их различать.

Теперь, раздосадованный, он дал себе слово никогда

не называть тетушек их настоящими именами: тетю Нуцу он будет называть тетей Нато, а тетю Нато — тетей Нуцой. Он был убежден, что это приведет тетушек в исступление.

Но, поделившись своим решением с Андукапаром, он почувствовал, что тот отнесся к его плану неодобрительно. Это было заметно по холодному выражению лица, и к тому же Андукапар, раскатывавший по балкону на своем кресле, вообще перевел разговор на другую тему и спросил:

— На какой улице теперь ваша школа?

Лука счел план отмщения провалившимся и, опираясь на балконные перила, стал смотреть на Куру. Снова вспомнил свое утреннее поражение.

Внутренне он все-таки не был убежден, что Конопатый обманул его и украл одежду. Скорее всего, не нашел наш двор, думал Лука и надеялся непременно встретить завтра рыжего Альберта на месте их знакомства. Он, конечно, будет там, и там же в ожидании хозяина будет лежать одежда Луки, так же аккуратно сложенная, как он оставил ее Альберту.

Так Лука и поступил. Наутро отправился к Верийскому мосту. До нынешней площади Марджанишвили, где тогда еще стояла кирка, он доехал на троллейбусе. Потом вернулся назад и неторопливо побрел по Ленинградской улице к своей бывшей школе. Одежда, из-за которой возникло столько неприятностей, за один этот день стала ему ненавистной, и несмотря на то, что он остался в дырявых башмаках и старых брюках, он с удовольствием бы отказался от пропавших вещей навсегда.

Миновав Ленинградскую улицу, он повернул налево. Вскоре появилась и его школа—теперь уже военный госпиталь. У подъезда по-прежнему стояли солдаты. Там же было наклеено объявление. Лука прошел мимо подъ-

езда и пошел по улице вдоль забора. Впереди он увидел три темно-зеленых санитарных машины. Они осторожно, одна за другой въезжали в ворота. Когда Лука подошел к воротам, длинноусый солдат запирал ворота на замок. А в глубине двора зеленые санитарные машины ползли медленно, как на параде.

Лука перешел на другую сторону улицы и по узенькому кочковатому проулку спустился к Куре. Ему очень не хотелось идти туда, и он мечтал, чтобы Конопатого там не оказалось. Но если другие могли усомниться, то Лука знал наверняка, что огненно-рыжий Альберт должен был ждать его на берегу Куры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В средних числах сентября тетя Нуца, которая была старше своей сестры на пятьдесят минут, скоропостижно скончалась. Скончалась во сне, в собственной постели, безмолвно и безропотно. По всей вероятности, в полночь, потому что тетя Нато приблизительно в шесть часов утра подняла ужасный крик и переполошила весь двор. Балкон второго этажа заполнили соседи. Перепуганные они взбегали по лестнице и спрашивали, в чем дело. Потом, узнав, что произошло, сокрушенно качали головами и молча стояли, выстроившись вдоль стены. Некоторые успокаивали и утешали тетю Нато, в основном — женщины.

Затем все стихло. Тетя Нато с опухшими от слез глазами сидела возле покойной, уставясь в одну точку, и на негромкие вопросы соседок отвечала шепотом, словно все они старались что-то скрыть от усопшей. Соседки из этой беседы узнали, что у бедной Нуцы на протяжении семидесяти лет даже ноготок ни разу не заболел.

И все единодушно заключили, что ее смерть вызвана волнениями по поводу младшей сестры.

Пожалуй, это и в самом деле было так. Близнецы уже закончили гимназию, когда их сестра — впоследствии мать Луки — вздумала появиться на свет. К несчастью, мать их умерла родами, и старшим сестрам пришлось взять на себя все заботы о младенце. Кстати сказать, они неплохо воспитали младшую сестру. Ради того, чтобы она могла закончить университет, переехали из Кутаиси в Тбилиси. Они ее любили какой-то особенной любовью, холили и лелеяли, буквально тряслись над ней — ветерку не давали на нее подуть. Первый удар младшая сестра нанесла им, когда, еще не окончив университета, заявила, что выходит замуж, и представила им молодца в военной форме — Гоги Джорджадзе. Возмущение старших сестер не принесло никакого результата, разумеется, они вовсе не хотели, чтобы младшая сестра тоже оставалась старой девой, чо им было жаль отдавать свою любимицу какому-то кавалеристу, кочующему по свету, не имеющему ни кола, ни двора.

А теперь они и вовсе потеряли покой — прошло почти три месяца, а они ничего не знали о своей младшей сестре. С утра до вечера, каждую минуту, каждую секунду тревожились и беспокоились сестры, и не только до вечера. Лука до поздней ночи слышал их голоса. Иногда он просыпался среди ночи и прислушивался к ним, хотя заранее знал, о чем они говорили и что лишало их сна.

Лука, не находя себе места, бродил по комнатам и галерее. Время от времени он выходил на балкон. Облокотясь на перила, следил за течением Куры. Ему было жаль тетушку, неподвижно застывшую в своей постели, у которой лицо еще больше сморщилось и пожелтело. Правда, вместо муки и боли лицо усопшей выражало полный покой.

Когда соседи выспрашивали у тети Нато причину смерти сестры, Лука пугался — вдруг она и в этом станет обвинять его отца. Но тетушка и словом не обмолвилась об отце. Она все время вспоминала пропавшую сестру, звала ее, умоляла в последний раз взглянуть на свою заботливую наставницу.

Но первоначальное оцепенение прошло. Онемевшие соседи вновь обрели дар речи и приступили к похоронным приготовлениям. Они совещались и спорили. Лука издали к ним прислушивался, и ритуал похорон казался ему столь сложным, что он испугался: если все эти правила необходимо соблюсти, тетю Нуцу наверно никогда не похоронят!

Датико Беришвили, который жил на первом этаже, между делом заметил: говоря по правде, я еще не разобрался, которая умерла — Нуца или Нато? Кое-кто хихикнул по поводу его непонятливости, но весельчаков тотчас же урезонили. Датико все равно настаивал на своем, — не знаю и все тут! Как же не знаешь, — втолковывали ему, — когда мы пришли, Нато кинулась к нам со слезами и сообщила, что Нуца, Нуца умерла! На это Датико Беришвили отвечал, — она наверно так сказала в страхе, чтобы мы не подумали, что это она сама умерла. Здесь некоторые опять тихонько засмеялись. Но смех сразу же пресекся, видно, соседи заметили Луку прежде, чем он успел повернуть голову и посмотреть в глаза людям, так свято чтущим традиции; сейчас в этих глазах нельзя было прочесть ничего, кроме искреннего сочувствия.

А уже вечером нагрянули родственники. Из этой родни Лука почти никого не знал. Они, едва успев появиться, деловито засуетились, тотчас составили текст для телеграмм и отправили человека на почту, чтобы сообщить родным и близким, живущим за пределами Тбилиси, известие о смерти тети Нуцы.

Зря они старались, всего каких-нибудь пять человек приехало из деревни. Из этих пятерых только один верзила убивался — румяный, лысый дядька. Едва ступив во двор, он завопил отчаянным голосом: горе мне, сестра, что ты наделала, почему погубила нас! — при этом слезы у него лились градом. А ночью, когда он стал прикуривать от свечи, горевшей на гробе, и получил за это выговор: что, мол, ты делаешь, Поликарпе, где это слыхано, от святой свечи прикуривать?! — Поликарпе взъерепенился:

— Теперь не внушайте мне, что и я должен вслед за этой дряхлой старушонкой в землю сойти! Подумаешь, Нуца, — сейчас молодые ребята, кровь с молоком, на войне погибают!

— Но ты же сам недавно вопил не своим голосом: почему ты нас погубила, на кого ты нас покинула?!. — насмешливо передразнил дотошный родственник.

— Ради бога, оставь меня в покое! И не учи взрослого человека, как себя вести. Уж как-нибудь пять десятков родственников я похоронил, если не больше! — не успокаивался почтенный Поликарпе.

Андукапар почти не выходил из своей комнаты. Луке он предложил ночевать у него, пока тетю не похоронят. Другие посоветовали то же самое, и Лука три ночи проспал у Андукапара. Точнее не проспал, а прободрствовал, ибо сон бежал от него. Если ему и удавалось ненадолго задремать, то перед глазами сразу вставал военный лагерь отца, как будто он вел коней на реку, или — того больше — мерещилась Мтвариса. Чаще снилась Мтвариса, на лице у нее играла странная улыбка, одновременно выражавшая и радость, и печаль, как будто боль приносила ей и муку, и наслаждение.

Из школьных товарищей его навещали только Мито и Маико. Видимо, остальные не знали о смерти тетушки,

а некоторых, возможно, просто не было в городе. Мито и Маико приходили каждый вечер и оставались допоздна. Они сидели на балконе, особенно ярко освещенном в честь траура. С балкона добрая половина Тбилиси открывалась как на ладони: слева старый Мухранский мост, за мостом — Метехи, вверху Нарикала, и над всем этим возвышалась Мтацминда. Справа тоже виднелся старый мост (мостов этих уже не существует, вместо них построены новые, современные), повыше — дома на Пикрис-Гора, вдали — склоны Триалетского хребта. С балкона также был виден купол старой церкви, во дворе которой жила Маико.

Все темы для разговора они исчерпали в первый же день и большую часть остального времени проводили в молчании, но Лука даже в этом молчаливом сидении с друзьями находил облегчение, ибо похоронные хлопоты, нервная, нескончаемая суета и беготня раздражали и угнетали его. Среди множества родственников не нашлось хотя бы двух, сходившихся во мнении по поводу похорон. Каждый настаивал на своем, причем каждый подтверждал свою точку зрения следующими словами: мы, грузины, испокон веков так хороним своих покойников, а если вы придумали новые правила, так не скрывайте от нас. Ответ, конечно, тоже не запаздывал: я сам грузин, дорогой, и, бога ради, не учи меня, как хоронить людей! — возражал почтенный Поликарпе, тот самый, который прикуривал от свечи, горевшей на гробе.

Беседы школьных друзей ограничивались школой. Они были растеряны и не знали, как освоятся с новым зданием, с новыми классами. Особенно взволновало их сообщение Мито.

— Я точно знаю, — сказал Мито, — что всех нас распределят по разным школам, в зависимости от местожительства. Об этом нам объявят 20-го сентября.

Сообщение Мито походило на правду, и Лука с Маико сразу ему поверили. Их пугала новая незнакомая обстановка, хотя в ней и была некоторая привлекательность, именно потому, что она была новой и незнакомой.

Потом Мито и Маико собирались уходить. Все втроем спускались по лестнице, потому что Лука провожал их до ворот. Накануне похорон Мито ушел чуть пораньше.

— Завтра утром мой старший брат уходит на фронт, и мне что-то не по себе, — сказал Мито.

Маико осталась.

Панихида закончилась. Музыканты с удивительным проворством сложили свои инструменты в футляры и почти бегом спустились по лестнице. Так же бегом миновали они двор. Люди тоже стали расходиться. Постепенно просочились с балкона в нижний этаж, затем во двор, откуда каждый пошел своей дорогой. А в комнате наиболее близкие родственники все еще сидели по обе стороны гроба на стульях, поставленных вдоль стен. Остальные толпились в галерее и обсуждали планы на завтрашний день.

Маико придвинула стул к перилам и сидела молча. Лука, который до тех пор стоял, весь напряженный, немного успокоился, когда умолкла траурная музыка, женский плач, крики и причитания, но теперь он не мог найти себе места. Ходил взад-вперед по балкону, заходил в галерею, заглядывал в комнату и возвращался назад.

— Лука! — позвала Маико.

Лука подошел к перилам и сел на стул.

— Ты устал?

— Нет.

— У тебя такой утомленный вид.

— Не знаю, может, и устал... Я ничего не чувствую.

Фуникулер был освещен. По склону Мтацминды навстречу друг друг ползли два вагона — один сверху

вниз, другой снизу вверх. Ползли по одной линии, медленно, незаметно. Так же незаметно приближались друг к другу.

— Отсюда, оказывается, и купол нашей церкви виден, — сказала Маико.

— Да, виден, — поспешил согласиться Лука.

— Знаешь, что сейчас в этой церкви?

— Нет, не знаю.

— Склад.

— Какой?

— Декораций.

— Каких декораций?

— Там хранятся оперные декорации. Наш сосед, старичок-пенсионер, раньше играл в оперном оркестре на доли[1] — аккомпанировал грузинским танцам, назубок знает, какие декорации к какой опере. Только затарахтит машина, а он громко объявляет: «Аиду» привезли, а это «Кармен», а вот это — «Абесалом и Этери».

Вагоны, казалось, бесконечно долго ползли друг другу навстречу, один сверху вниз, другой снизу вверх, медленно, незаметно приближались друг к другу.

— А ты ходишь в оперу, Лука?

— Редко.

— А я почти каждое воскресенье.

— Молодец!

— Смеешься?

— И не думаю.

Лука и в самом деле и не думал смеяться над Маико. У него безотчетно вырвалось это слово. Но оно, судя по всему, испортило ей настроение. Маико съежилась на стуле в углу балкона, и без того худенькая, стала еще меньше.

---

[1] Д о л и — грузинская разновидность барабана.

А вагоны все ползли, постепенно сближаясь, а сблизившись, разошлись, разминулись и снова двинулись по одной линии, медленно отдаляясь друг от друга, так же незаметно, как совсем недавно сближались.

— Я пойду.

— Что ты сказала?

— Ничего. Мне надо идти. — Маико встала, поправляя подол платья.

— Как хочешь. Но ты могла бы еще немного посидеть.

— Нет, я пойду.

— Хорошо.

Они вместе пошли по балкону и спустились по деревянной лестнице. Маико слишком быстро сбегала по ступенькам, и Лука предупредил ее, что перила расшатаны. Ступеньки кончались почти у самого барьера первого этажа, и там же, слева, начиналась другая лестница, которая соединяла первый этаж со двором. Но перила первого этажа были уж не так расшатаны, чтобы кто-нибудь мог свалить их одним махом, а тем более Маико. Маико совсем не прикасалась к перилам, свернула влево, и так же быстро сбежала по другой лестнице во двор.

Обиделась, подумал Лука, наверно заметила, что я невнимательно ее слушал. И чего он, в самом деле, прицепился к этим вагончикам, как будто в первый раз фуникулер увидел! Но в том-то как раз и дело, что с того самого времени, как младенцем он научился различать предметы, только и делал, что с балкона глядел на Мтацминду и настолько привык ко всему, что ничего не замечал. Если он и взглядывал туда иной раз, то это был скользящий, поверхностный взгляд, словно тень облака, мелькнувшая по склону.

Маико и Лука прошли через деревянные ворота и очутились на улице. В окнах уже горел свет. В ста шагах, на

телеграфном столбе мерцала электрическая лампочка, но, несмотря на это, было довольно темно.

— Ты замечаешь, Лука, как опустели улицы?

— Да, очень, — согласился Лука и немного погодя, когда Маико собралась уходить, сказал: — Я провожу тебя.

— Проводи меня до угла, а дальше я не боюсь. Оттуда уже наш двор виден.

Они шли медленно, не спеша. Возле хибарки, в которой жил старый чувячник, Маико взяла Луку под руку. Лука, честно говоря, почувствовал себя неловко, скованно, как будто ему на руки и на ноги навесили кандалы. Ему казалось, что он не шел, а ковылял, стараясь попасть в ногу с Маико. Но чем больше он старался, тем меньше ему это удавалось. Однако Лука ощутил и то, что это были прекрасные кандалы. Несмотря на безусловную неловкость, он был бы все-таки огорчен, если бы Маико убрала свою руку. Эта маленькая легкая рука невидимыми нитями связывала Луку с худенькой девчушкой и приводила его в необычайно хорошее настроение, вернее, возбуждала в нем желание исповедаться.

Луке казалось, что он никогда и ничего не скрывал от Маико. Доверял ей все тайны, все мысли и огорчения. И теперь, молча идя рядом с ней, он думал, что давно не встречался с Маико и у него скопилось много такого, о чем хотелось ей сказать. Его переполняло желание открыть ей душу, но он так и не сказал ничего, возможно, оттого, что ему нечего было сказать.

Так, не проронив ни слова, они дошли до Водовозной улицы, откуда уже виднелся купол церкви, служившей оперным складом. Маико остановилась и сказала Луке:

— Теперь я пойду сама.

— Давай я проведу тебя до ворот.

— Нет, я уже не боюсь, — сказала Маико и убежала,

не попрощавшись. Она пересекла Водовозную улицу и исчезла в темноте.

Лука повернул назад. Теперь он быстрым шагом возвращался домой. Возле хибарки чувячника он замешкался и подумал: интересно, что сказали бы Андукапар или Мито, если бы увидели меня гуляющим под ручку с Маико. Андукапар — неизвестно что бы сказал, но Мито наверняка растрезвонил бы по всей школе эту новость, и Луке пришлось бы сносить подозрительные расспросы и насмешки товарищей. Вообще-то, говоря по правде, было немного смешно гулять под ручку по полутемным улицам, как будто они взрослые!

Когда он прошел через глубокую арку ворот и повернул к своему дому, он услышал голос дяди Ладо. Дядя Ладо сидел под липой, одной рукой опираясь на стол.

Лука свернул с дороги и подошел к дяде Ладо.

— Присаживайся, — сказал дядя Ладо.

Лука покорно сел.

— Как поживаешь?

— Ничего, дядя Ладо, спасибо.

— Спер у тебя одежду этот негодник.

— Да.

— Много проходимцев на свете. Это, конечно, нелегко, но ты тогда человеком станешь, когда научишься различать мерзавцев... Я много таких встречал. — Дядя Ладо замолчал ненадолго и потом неожиданно спросил у Луки: — Ты можешь завтра встать в шесть утра?

— Могу, дядя Ладо.

— А не врешь?

— Не вру, дядя Ладо, я теперь почти не сплю.

— Должен спать... Детям нельзя не спать. Теперь ступай, а на рассвете я тебя жду, не подведи, пойдем на рыбалку. Я бы не стал тебя поднимать чуть свет, но не смог найти помощника, все ушли... Проклятая война.

В другое время такое доверие необычайно обрадовало бы Луку, но завтра был день похорон тети Нуцы, и у Луки не лежало сердце к рыбалке.

— Знаешь что, Лука? Рыба все равно нужна для поминок. Часа за два мы наловим, сколько надо. А варить я сам буду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лука и в самом деле не спал всю ночь. Метался, ворочался, изредка погружаясь в дремоту. И тогда ему снилась голая Мтвариса. Только во сне ей как-то удавалось пролезть сквозь прутья решетки, и они вдвоем, Мтвариса и Лука, под руку прогуливались по больничному двору. Бассейн был наполнен прозрачной голубоватой водой, и в нем скользили золотые рыбки.

Лука просыпался от сильного внутреннего толчка. Потом его опять одолевала дрема, и теперь в прозрачном голубом бассейне вместо золотых рыбок плавали Лука и Мтвариса.

Во сне бассейн был намного больше, чем тот, который Лука видел в больничном дворе — высохший и замусоренный. Или он сам во сне уменьшался, потому что он вплавь догонял Мтварису и никак не мог поймать. Но это преследование или стремление к Мтварисе приносило ему невероятное, дотоле неведомое наслаждение. Мтвариса, словно рыба, скользила в воде. «Какое счастье — купаться в луне, — говорила она, — это ведь луна, мы плаваем в луне, Лука, понимаешь...»

— Что с тобой, Лука?! Хочешь, я зажгу свет? — это голос Андукапара.

— Не знаю, — бормотал Лука.

— Зажечь?

— Как хочешь.

— Спи...

— Не сплю и все равно вижу сны.

— Ты, наверно, задремал. Чтоб увидеть сон, достаточно одного мгновенья. А за две секунды можно увидеть целую эпоху.

Лука не пытался в это поверить, но и противоречить не стал. Обалдевший от бессонницы, полной сновидений, он подумал, что так, наверно, оно и есть, раз это говорит Андукапар. Это была уже третья ночь, которую он проводил в комнате Андукапара. Он спал на старой, всеми забытой скрипучей тахте, стоявшей в дальнем углу. Иной раз целый год проходил так, что никто на нее даже не садился.

— Что ты видел, что тебе приснилось?

— Не знаю.

— Нельзя на все отвечать «не знаю».

— Мне снилась Мтвариса, как будто мы купались в бассейне, и я хотел ее поймать...

— Ах, вот как?! — сказал Андукапар и надолго замолчал. Потом в темноте Лука снова услышал голос Андукапара:

— Ты часто думаешь о Мтварисе?

— Нет... не очень...

— Лука, не надо, перестань о ней думать.

— Я совсем и не думаю... просто иногда вспоминаю о ней.

— Лука, давай больше о ней не думай. Бедняжка — душевнобольная, и думать так о больной — кощунство. Ты знаешь, что значит «кощунство»?

— Знаю, — ответил Лука после довольно долгих колебаний.

— Вот и не думай о ней.

— А я ничего плохого не думаю.

— Поверь мне, Лука. Я знаю, что и как ты думаешь.

Лука почувствовал, как вспыхнуло у него лицо. Хорошо еще, меня не видно в темноте, подумал он. Потом затих и долго лежал, притворяясь уснувшим, — обманывал Андукапара.

— Это грех так думать о душевнобольной. Ты меня слышишь, Лука?

— Слышу.

— Дай мне слово, что больше не будешь о ней думать.

— Хорошо, не буду.

— Постарайся.

— Я же сказал, не буду, — упрямо повторил Лука.

— Ты сам не знаешь, какой ты парень, Лука...

— Который час?

— Наверно, три. Спи...

— В шесть я должен встать... Не встать, а уже быть во дворе.

— Тем более... Не пойдешь же ты на рыбалку невыспавшимся.

— Хороший человек дядя Ладо, верно?

— Исключительный. У него была очень нелегкая жизнь. Другой бы на его месте озлобился, обозлился... Удивительно, как ему удалось сохранить такое доброе сердце.

До шести утра Лука притворялся спящим, чтобы Андукапар поверил, что он спит крепким и безмятежным сном. На самом же деле он не сомкнул глаз. После ночной беседы он чувствовал себя виноватым перед Мтварисой, несмотря на то, что упрек Андукапара не казался ему справедливым.

В шесть часов Лука спустился во двор и под липой стал ждать дядю Ладо.

Было еще темно.

Ждать пришлось недолго. Дядя Ладо почти тотчас же вышел на балкон первого этажа и окликнул Луку. Он передал ему багор и весло.

Лука спустил багор со двора на берег и прислонил к кирпичной стене, а деревянное весло взял с собой, боясь сломать. Спускаться по кирпичной стене и без весла было не очень просто.

Вскоре появился и дядя Ладо с огромным ведром.

— Чего ждешь? — крикнул он. — Неси все в лодку.

Дядя Ладо вытаскивал по ночам лодку на берег. Лука бросил шест и весло в лодку, потом ухватился за нос, но не смог сдвинуть его с места. Тогда он решил до прихода дяди Ладо отвязать хотя бы цепь.

Дядя Ладо сначала столкнул в воду корму, потом велел Луке отойти и схватился сильными руками за нос. Днище заскрежетало по камням, и, скользнув в воду, лодка закачалась. Лука, хоть и отошел от лодки, но цепь из рук не выпускал, держал ее обеими руками, чтобы лодку не унесло течением.

Дядя Ладо влез в лодку и перенес в нее ведро. Потом он показал рукой, чтобы Лука тоже садился, и взялся за багор. Лука пристроился на носу, и лодка двинулась вдоль берега, против течения.

Лука взглянул на балкон второго этажа. На балконе, залитом ярким электрическим светом, никого не было. Все еще спали. Когда Лука выходил из комнаты, Андукапар сладко посапывал.

Дядя Ладо изо всех сил налегал на багор, и лодка резво передвигалась вдоль берега. Поравнявшись с гаражом автошколы, лодка резко и быстро изменила курс и устремилась к середине реки. Лука тем временем протянул один конец веревки сквозь кольцо, укрепленное на носу, и завязал ее узлом.

Лодка пересекла реку и очутилась прямо напротив

«Бабушкиной стены», у другого берега, возвышавшегося над парапетом набережной. Лука не знал, почему эту стену называют «Бабушкиной стеной». Но зато знал, что к этой прочной кирпичной стене, врезавшейся в реку, в старину толстыми цепями привязывали водяные мельницы. Одну из них даже Лука хорошо помнил, не так много времени прошло с тех пор, как мельница Степане была уничтожена наводнением.

— Я не замечал в темноте, что Кура чуточку поднялась, — сказал дядя Ладо. — Запомни, это плохо. Когда река разливается, рыба теряет дорогу. Но сегодня мы все же не останемся без улова, вода не очень высокая.

Когда дядя Ладо закинул в первый раз сеть, небо прояснилось и посветпело. Наступило утро. Первый улов принес трех карпов и одного усача. Закидывая сеть, старый рыбак попутно учил Луку, что и как делать, и Лука старательно выполнял все его указания: отпускал веревку, чтобы лодка свободно шла по течению, а когда дядя Ладо говорил «довольно», Лука продевал веревку в железное кольцо и обеими руками тянул ее на себя. Прикрепленная к дамбе веревка натягивалась, и лодка останавливалась.

Старый рыбак левой рукой собирал верхний край сети, зубами удерживал веревку со свинцовыми грузилами, продетую над ячейками, а правой рукой сжимал одну треть «мешка». Затем на одну секунду задерживался, как бы измеряя глазом тот участок реки, который должна была накрыть сеть, взмахивал правой рукой, и раскинувшаяся сеть, блеснув в воздухе, с всплеском шлепалась на воду. Край неба постепенно бледно окрашивался, и на нем вырисовывались крыши и трубы стареньких домишек, лепившихся поближе друг к другу. Высился в пространстве стройный барабан и купол старой

церкви. Незаметно меняла окраску река, к ней возвращался обычный, чуть мутный, зеленоватый цвет.

В лодке время от времени собиралась вода, стекавшая с сети. Лука возвращал эту воду обратно реке. Вычерпывать воду доставляло ему особое удовольствие.

Во время рыбной ловли Лука часто поглядывал на свой двор и балкон. На балконе долго никто не показывался. Но вот появился на своей коляске Андукапар, подъехал к перилам и стал наблюдать за рыбаками. Он даже делал Луке знаки: как дела, много ли поймали? Много, много! — руками же показывал Лука. Потом Андукапар исчез и стали появляться другие соседи. Они бесконечно сновали взад и вперед, суетились, толкались на ярко освещенном балконе, что-то уносили и приносили. Одним словом, на балконе царило утреннее оживление.

— Счастливая у тебя рука, — сказал Луке старый рыбак, когда они снова пересекли Куру и привязали лодку на место. — Но и я удачно с первого раза закинул сеть, что скажешь, а?

Что мог сказать Лука? Рыбы они наловили вдоволь, и он возвращался домой с чувством человека, выполнившего свой долг. Рыбу дядя Ладо понес варить к себе. С головы до ног вымокший Лука взбежал вверх по лестнице. В башмаках смачно хлюпала вода. Поднявшись на балкон, Лука прежде всего столкнулся с почтенным Поликарпе, тот, зажав в пальцах папиросу, искал спички. При виде мокрого Луки, он сначала ужаснулся, но потом обратился к нему с ласковой укоризной: «Где ты умудрился так вымокнуть чуть свет? Иди переоденься, скоро люди придут, неудобно... Надень что-нибудь понаряднее», — добавил он.

Лука ввалился к Андукапару, скинул мокрую одежду и начал «наряжаться». Андукапар, подкатив к окну свое

кресло, читал. Как только Лука вошел, он кинул книгу на кровать.

— Я не слышал, когда ты встал. Должно быть, уснул под утро.

— Да, ты крепко спал.

— Поймали что-нибудь?

— Много наловили. Дядя Ладо сказал, что, если б Кура не поднялась, поймали бы еще больше.

— Ладо знает свое дело.

— Эх, уметь бы так сеть закидывать!

— Ты не замерз?

— Нет, было совсем не холодно.

— Но вымок ты изрядно.

— Что с ботинками делать, не знаю.

— А в чем дело?

— Совсем мокрые. Как их высушить?

— Других у тебя нету?

— Нет.

— Конечно, свои отдал кому-то, а сам босиком остался. — Андукапар руками развернул кресло и подъехал к гардеробу. Потом ловко нагнулся, выдвинул нижний ящик, набитый тряпками и старыми вещами. Андукапар бесконечно долго рылся в ящике, потом выудил откуда-то из глубины один ботинок и кинул Луке:

— А ну, примерь, может, подойдет.

Лука повертел ботинок в руках и примерил. Андукапар смотрел на него через плечо.

— Должен подойти, — сказал Лука.

Андукапар вытащил из ящика второй ботинок и со своего кресла опять бросил Луке.

— Это мои детские ботинки. Я думал, они рваные... Хотя, отчего им было рваться, я их не носил, просто они стали мне тесны.

Лука оделся «понаряднее», хотя трудно было на-

звать нарядными купленные прошлым летом и уже достаточно выцветшие, узкие и короткие штаны и линялую рубашку. Однако эти обноски были тщательно выглажены (их гладила Эмма, сестра Коротышки Рубена). Судя по всему, и рубашке и штанам сильно досталось за этот год, особенно много испытаний выпало на долю штанов. Серое сукно прохудилось на коленях и на заду и было испещрено чернилами, а также другими пятнами неизвестного происхождения. Но ничего не поделаешь! Новые брюки Лука собственноручно передал конопатому Альберту — аккуратно и красиво сложенными. Лучше всего выглядели ботинки Андукапара, если не принимать во внимание, что ботинки и Лука появились на свет примерно в один и тот же год.

На балконе толпилась уйма народу. Но из всех неиссякаемой деловитостью выделялся все-таки почтенный Поликарпе. Он щедро раздавал распоряжения и советы. Неутомимо сновал вверх и вниз по лестнице. Во дворе уже развели огонь. В котлах варились фасоль и рис, по неслыханным ценам купленные у спекулянтов. Там же, под краном, перебиралась и промывалась различная зелень.

Часть родственников — восточное ответвление — внесла предложение зарезать барана, вторая же сторона — западная — категорически этому воспротивилась: где это слыхано — есть мясо до сорокового дня! Последних возглавлял Поликарпе, и битву, разумеется, выиграла Западная Грузия, поскольку и сама тетя Нуца была оттуда родом. Происхождение, как видно, сыграло в данном случае решающую роль.

Поликарпе громко, чтобы слышала Восточная Грузия, сокрушался: вот если бы вместо барана купить рыбу, стол бы получился что надо. Лука хотел сказать, что рыба будет, но воздержался. Поликарпе так был

увлечен делами, что все равно бы не услышал, а если бы и услышал, то не поверил — слишком подозрительным человеком он был. В хозяйственных хлопотах незаметно проходило время. Наконец Луке сказали, что начинается панихида, и велели занять свое место. Прежде чем направиться в комнату, Лука заметил проходящую по двору Маико и почему-то обрадовался ей больше, чем вчера и позавчера.

Луку поставили у изголовья гроба рядом с другими близкими родственниками. Поликарпе стоял там же. Вчера Андукапар спросил:

— Кто этот Поликарпе, какой отвратительный тип!

Лука не знал, кем приходится Поликарпе тетушкам, и ничего не ответил. Но он и сам удивлялся: если у них был такой близкий родственник, где он пропадал до сих пор?

В комнате стояла тяжелая, затхлая духота, разбавленная запахом лекарств, духов и сладковатым ароматом цветов.

На панихиде только тетя Нато оплакивала и покойницу, и мать Луки, как будто вместо одного здесь стояли два гроба. Среди соболезнующих, вытянувшихся цепочкой, показалась Маико. Она шла, грустно понурясь, маленькая, совсем крошечная. Она протянула Луке руку, потом приподнялась на цыпочки и поцеловала в щеку. Маико ушла, оставив в душной комнате неожиданную прохладу и запах только что выкупанного младенца.

Так или иначе, панихида закончилась, и все вышли во двор. Оставшиеся в комнате мужчины трижды обнесли гроб кругом, трижды стукнули углом о притолоку. Соблюсти это правило не составляло труда. Главное еще предстояло преодолеть. Не просто оказалось выносить гроб по узкой лестнице. Если бы не ловкость и

проворство неутомимого Поликарпе, еще неизвестно, чем бы все это кончилось. Между гробом и лестничными перилами зажало несколько человек, и гроб невозможно было сдвинуть с места. Народ загалдел, и поднялась паника. Еще хорошо, что истошные вопли заглушил духовой оркестр, который яростно грянул траурный марш Шопена.

Почтенный Поликарпе чуть из кожи вон не вылез. Обливаясь пòтом, с помощью нескольких мужчин, он благополучно миновал плечи и спины застрявших на лестнице и подобрался к грóбу снизу. Теперь он приналег отсюда — ну и тяжелый, будь он неладен! — и гроб каким-то чудом, наконец, сдвинулся с места.

На улице уже стоял похоронный катафалк. Бедную тетю Нуцу положили на помост, обтянутый черным плюшем, и процессия пешком двинулась к кладбищу.

Воздух был недвижим и зноен. Лошади, тащившие катафалк, поднимали тучи пыли, окутывавшей всю улицу и похоронную процессию. Лука сначала шел один, потом с обеих сторон к нему пристроились Маико и Мито. Если она сейчас возьмет меня под руку, испугался Лука, завтра мне не спастись от насмешек Мито. Но Маико, по всей видимости, даже не думала брать его под руку.

Лука, словно дурной сон, помнит эту бесконечную, знойную и пыльную дорогу: Сванетский район, узкие, раскаленные улочки, ведущие на Кукийское кладбище. Любопытные лица людей, высыпавших на балконы и выглядывающих в окна, и духовой оркестр, который оглушительно гремел. Мито и Маико не отходили от Луки, молча шли рядом. Так же молча проводили они его до самого кладбища. На кладбище толпа быстро разбрелась, рассеялась. Усталые и изнуренные зноем люди укрылись в тени кипарисов. Лука обычно едва сознание

не терял, когда гроб засыпали землей. На сей раз он решил избежать этого, поэтому ушел подальше и долго бродил среди незнакомых могил. Наконец, решив, что так далеко страшный звук не дойдет, остановился и спрятался за кустами.

Бессонная ночь, рыбалка, панихида, бесконечный путь до кладбища под палящим солнцем так утомили и оглушили его, что он уже не мог стоять на ногах и сел на цоколь незаконченной или заброшенной могилы. Отсюда он не видел похоронной процессии, и гром духового оркестра доносился приглушенно, издалека. Лука, видимо, долго сидел в одиночестве, потому что ему наскучило сидеть, но подняться не было сил. А потом его одолела дремота...

Лука заранее знал, что ворота будут открыты, и когда он приблизился к больнице, они и в самом деле оказались не на запоре. Он беспрепятственно проник во двор, залитый лунным светом. Прошел мимо знакомого окна и остановился возле бассейна. Бассейн был тоже наполнен лунным сиянием и отливал золотом. Лука внезапно вздрогнул. Он всем своим существом ощутил, что к зарешеченному окну подошла Мтвариса. Лука быстро обернулся и явственно увидел отделившееся от мрака обнаженное золотистое тело. Дремлющий Лука чувствовал, и не только чувствовал, но знал наверняка, что все это ему снилось, что сейчас он видел Мтварису во сне, и удивленно думал: «Почему же она мне снится, я же обещал Андукапару больше о ней не думать, и весь день прошел так, что я ни разу о ней не вспомнил». Пока он во сне думал об этом, Мтвариса вышла из зарешеченного окна и направилась к Луке. На лице ее сияла безмятежная и блаженная улыбка. Это блаженство, очевидно, она испытывала при виде Луки. Лука разволновался. В его трепещущее сердце ударила теплая

волна незнакомого чувства и рассыпалась по всему телу брызгами, вызывающими дрожь. Мтвариса подошла совсем близко и обняла Луку обеими руками...

— Лука!

Лука сквозь сон узнал голос Маико и проснулся с таким чувством, будто его застали на месте преступления.

— Куда ты запропастился, Лука!

— Не знаю. Я не мог там стоять.

— Я столько времени тебя ищу, даже устала!

— Иди сюда, садись.

— Какое время садиться. Уже больше половины народу ушло.

— Ну и что, не оставаться же им здесь! А меня не спрашивали?

— Еще бы! Особенно один лысый дядька тебя разыскивал и очень сердился, я, говорит, в жизни не встречал такого бессердечного и невоспитанного мальчишку! Почему, говорит, он не хочет проститься с родной тетушкой? Не думает ли он, что увидит ее еще и завтра?

— Это наверное Поликарпе.

— Кто такой этот Поликарпе?

— Не знаю... Впервые вижу. Иди, садись, — снова предложил Лука.

Маико присела на цоколь рядом с Лукой.

— Хоть бы поскорее занятия начались, надоело дома сидеть, — сказала Маико.

— И мне надоело, — Лука так внимательно разглядывал худенькую чернявую Маико, словно видел ее впервые.

Интересно, она когда-нибудь вырастет или навсегда останется такой маленькой, думал он.

Солнце склонилось к западу, и на могилах лежали

длинные тени кипарисов. Лука только теперь вспомнил, что ему опять снилась Мтвариса, и настроение у него испортилось. Ему показалось, что втайне ото всех он совершал преступление. В его сознании вдруг всплыло одно слово, значение которого он не до конца понимал, но чутье и ночная беседа с Андукапаром подсказывали ему, что «кощунство» должно означать примерно то-то и то-то. Возможно, потому он и обманул Андукапара, когда сказал ему, что понимает смысл этого слова. В общем так или иначе, до конца он его не понимал, и это до конца непонятное слово приводило его в ужас.

— Мне так жаль твою тетю, — нарушила молчание Маико. — Она осталась совсем одна...

— Мне тоже ее жаль...

— Говорят, что близнецы бывают особенно привязаны друг к другу.

— Должно быть...

— Мне ее очень жаль, — в больших глазах Маико стояли слезы, и она отвернулась, наверно, для того, чтобы Лука не видел, как она плачет.

Лука придвинулся поближе к Маико. Так близко, что рукой ощутил прикосновение ее плеча, наклонился и осторожно, как будто сдувая пыль, поцеловал ее в щеку. Лука ясно видел, как из выреза ситцевого платья Маико расползлась краснота. Эта предательская краснота сначала охватила шею, а потом вспыхнула на лице. Маико не проронила ни слова, не шелохнулась, сидела затаив дыхание.

Тогда Лука еще раз поцеловал Маико. Маико на этот раз встала и строго взглянула на него. В глазах ее по-прежнему стояли невысохшие слезы. Лука тоже поднялся, хотел что-то сказать, но язык не подчинялся ему. Маико, не дав ему опомниться, повернулась и пошла.

Она медленно шла среди могил, опустив голову и задумавшись. Лука покорно следовал за ней.

Словно сговорившись, они остановились у могилы тети Нуцы. На свеженасыпанном холмике лежали венки из живых и искусственных цветов. Вокруг не было ни души. Видно, все давно ушли. Маико и Лука и эту могилу покинули без слов и направились к выходу. Но не так-то просто оказалось выбраться из кладбищенского лабиринта; они еще долго блуждали и, наверно, блуждали бы еще дольше, если бы случайно не наткнулись на сторожа.

Они спустились по той же улице, по которой сюда пришли, перешли через железнодорожные пути и очутились в Сванетском районе. Оба не произнесли ни слова. Шли молча, как будто были в ссоре. «Зря я ее обидел, — думал Лука, — надо попросить прощения. Если простит — хорошо, если нет, завтра или послезавтра попробую помириться!»

— Маико!

Маико так быстро вскинула голову, словно всю дорогу только и ждала, когда он ее позовет, причем лицо ее светилось каким-то особым светом. Теперь она глядела на Луку совсем не так строго и обиженно. Маико не выглядела ни сердитой, ни обиженной. Напротив, Луке она показалась веселой. Лука хотел спросить, не обиделась ли она, но теперь спрашивать об этом не имело смысла. Он это почувствовал сразу, как только встретился с ожидающими глазами Маико. Но, несмотря на это, он все-таки спросил:

— Ты обиделась, Маико?

Маико сначала затихла, потом снова нахмурилась, как будто успела уже все забыть, а его слова причинили ей боль.

— Не сердись, пожалуйста! — Лука взял ее за руку.

Маленькая, приводящая в трепет рука затихла в его ладони. Она не делала попытки высвободиться, как будто добровольно сдавалась в плен. Но как только они вышли к трамвайной линии, Маико неожиданно вырвала руку и побежала. Она быстро миновала улицу и скрылась за углом. А за углом уже показался знакомый купол церкви. Лука видел, как Маико обгоняла всех пешеходов, быстро лавируя среди прохожих, мчалась без оглядки, как в ту недавнюю ночь. У Луки было такое чувство, будто у него отняли что-то очень дорогое и что он мог догнать и вернуть то, что у него вырвали из рук, но почему-то сдерживался и не пускался в погоню.

До своих ворот он добрался в каком-то тумане. Проходя мимо липы, Лука явственно услышал голос почтенного Поликарпе. Пьяный Поликарпе обнимал дядю Ладо и целовал его, не в силах сдержать льющейся через край благодарности.

— Ты настоящий человек, Ладо! Представь себе, рыбы хватило на всех! Меня зовут Поликарпе Гиркелидзе, и я тебе никогда этого не забуду, Ладо!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

После похорон не прошло и месяца, как Датико Беришвили, который так и не выяснил, которая из сестер умерла, подослал к тете Нато человека и предложил обменяться квартирами. Беришвили жили в одной комнате на первом этаже. Комната была довольно большая, Датико с женой свободно в ней умещались, но, как говорили, комната была темноватая и не проветривалась. Единственное окно и дверь выходили во двор.

За две комнаты Датико давал одну. Вернее, за одну

комнату и галерею он выплачивал деньги. Посредник так и закончил свою речь:

— Больше мне нечего сказать. О деньгах договоритесь сами.

Тетя Нато разволновалась и рассердилась. Она побелела, задрожала всем телом и долго не могла произнести ни слова. Посредником выступал старый чувячник, тихий, порядочный человек, живший в хибарке. Лука сразу заметил, что Беришвили не очень удачно выбрал посредника, который, успокаивая тетю Нато, говорил следующее:

— Не волнуйтесь, уважаемая, разве стоит нервничать из-за таких пустяков. Я — человек маленький, мне поручили — и я пришел. А меняться или нет — дело ваше. Мой совет такой: эта проклятая война в конце концов кончится. Ваши вернутся. Да и малец растет, скоро своей семьей обзаведется. В той темной каморке вам будет тесно. Людям к нужде не привыкать, можно и перетерпеть маленько.

Старый чувячник говорил спокойно, неторопливо, в его голосе звучали какая-то боль и горечь. Но тетя Нато все равно никак не могла успокоиться.

— Да как он посмел! — возмущалась она, нервно ломая пальцы. Потом обратилась к старому чувячнику:

— Уж не думает ли он, что мы сироты безродные! Мой зять на фронте, воюет с фашистами. Каждую минуту смотрит смерти в глаза, а этот пристроился в тылу и на нашу квартиру зарится!

Позиция тети Нато была ясна, и старый чувячник поднялся, прощаясь, почтительно пожал протянутую руку; остановившись на пороге, даже за что-то поблагодарил тетю Нато и вышел. Лука не шибко смыслил в квартирном обмене. Ему было все равно, где жить, в одной комнате или в пяти. Его потрясло совсем другое.

Из слов тетушки он понял, что их семья имела покровителя, сильного, непобедимого. Достаточно только упомянуть его имя, чтобы многих заставить отступить. Этим покровителем был его отец, и главное, это признавала сама тетя Нато.

Лука внезапно растрогался и на цыпочках вышел из комнаты, чтобы не раздражать и без того расстроенную тетушку. Он сел на подоконник спиной к окну и увидел через открытую дверь, как тетя Нато дрожащей рукой наливала в стакан какие-то капли. Лука сейчас сожалел о своем давешнем упрямстве. Тетя раза три попросила его пойти с ней на кладбище, но Лука не пошел, заявил, что ему надо готовить уроки. Но в учебники он даже не заглядывал. Все воскресенье бездельничал, сидя на балконе или во дворе под липой.

Накануне Лука услышал от Андукапара интересную новость: оказывается, к дяде Ладо явилась женщина неопределенной национальности, возраста и профессии, привела с собой девочку лет 15—16 и сказала, что это его внучка. Я, говорит, не только ее, но и себя одну прокормить не в состоянии. Оставила девочку и ушла. Ничего, говорит, не поделаешь, как-нибудь присмотрите за своей внучкой. Крепко задумался дядя Ладо — как же это он до сих пор не знал, что у Котико была жена да еще такая взрослая дочь?! Котико приходился ему пасынком: когда дядя Ладо женился, у его жены был уже довольно взрослый сын, и вполне возможно, что дядя Ладо ничего о нем не знал, потому что юноша рос замкнутым, молчаливым, хмурым и необщительным. Дядя Ладо потребовал, оказывается, свидетельство о браке, а женщина неопределенной национальности отвечала: какое там еще свидетельство, я была любовницей Котико, а если вы не верите, что это его дочь, напишите ему, он вам ответит.

Эта история весьма заинтересовала соседей. Лука давно не видел, чтобы они так дружно высыпали во двор. Сам он тоже не остался равнодушным к новости. Сидел под липой рядом с Коротышкой Рубеном и одним глазом поглядывал на балкон дяди Ладо. Рубен знал об этом не больше других и не особенно старался получить какую-нибудь дополнительную информацию. Он больше переживал из-за своих голубей.

— Что делать, — вздыхал он, — корм достать невозможно, наверно, придется всех продать.

Соседи, и в том числе Лука, напрасно томились в ожидании. Дочка Котико, как видно, появляться не собиралась. Только дядя Ладо вышел на балкон и посмотрел на Куру, несколько раз подряд затянувшись самокруткой.

Наутро по дороге в школу Лука поздоровался с Рубеном, сидящим под липой. Лука очень удивился и даже что-то заподозрил, когда вежливый Коротышка не ответил на приветствие. Теряясь в догадках, Лука приостановился, и еще большее удивление отразилось на его лице.

Рубен плакал, по безбородому, сморщенному личику текли слезы. Лука подошел к нему и спросил:

— В чем дело, Рубен, почему ты плачешь?

— У меня голубей украли! — не сразу выговорил Коротышка, вытирая кулачком слезы.

Дверца зеленой голубятни была открыта. Этой ночью сломали, говорил Рубен, вместе с Лукой осматривая выломанную дверцу. Опустевшая голубятня пахла заплесневелым хлебом и птичьим пометом.

В такую минуту трудно найти слова утешения. Особенно трудно пришлось Луке, который невнятно пробормотал, что искренне сочувствует Рубену. Лука и в самом деле жалел Рубена, он и вправду был огорчен.

Хотя Коротышка и трясся над своими кормильцами-голубями, брать их с собой на стадион он все же иногда разрешал. И Лука не раз уносил птиц за пазухой и выпускал их, как только забивали первый гол. Потом он всегда тревожился: а вдруг голуби не отыщут своего дома и потеряются. Но тревога оказывалась напрасной. Едва войдя во двор, он видел гордо улыбающуюся физиономию Коротышки Рубена — и понимал, что голуби не заблудились и безошибочно сели на черепичную крышу своего дома.

— Сколько их было? — спросил Лука.

— Двадцать пар, — не задумываясь, ответил Рубен.

Лука сочувственно покачал головой и нехотя побрел к воротам, расстроенный голубятник, ковыляя за ним следом, продолжал жаловаться. Коротышка еще не совсем расстался с надеждой. Если их не съедят, говорил он, или не запрут на несколько месяцев, то они непременно вернутся, если не все, то больше половины. И верно, четыре голубя прилетели через неделю. Бедняжки были очень грязные, голодные и усталые. Судя по всему, они пролетели долгий путь, прежде чем добрались до старого гнезда. Потом вернулись еще три голубя, они выглядели так же, как те, которые прилетели раньше. Коротышка себя не помнил от радости, но торжество его оказалось преждевременным: из сорока вернулись только семеро.

В тот день Лука, разговорившись с Рубеном, опоздал на первый урок. Он еще по дороге понял, что опаздывает, если бы он даже бежал изо всех сил, все равно не успел бы к звонку, и поэтому спешить не стоило.

Школу перевели на Бельгийскую улицу. Здание было вполне приличным, но своими узкими коридорами и маленькими классами со старой школой, конечно, срав-

ниться не могло. Крошечный дворик на переменах безжалостно ограничивал возможности ребячьих шалостей и развлечений. Единственное преимущество нового помещения заключалось в том, что оно находилось ближе, и Лука выходил из дому на десять минут позже.

Если он опаздывал, то бежал напрямик, по маленькой узкой улочке. Эта улица была бы очень удобной, если бы не низкорослый чернявый мальчишка, который не давал Луке проходу. Этот мальчишка с черным пушком под острым носом и густыми бровями наводил на Луку ужас. Он останавливал Луку в самом начале улицы и тотчас отбирал у него портфель. Оставлял себе резинку, карандаш, ручку или чистую тетрадь, одним словом все, что ему приходилось по вкусу, потом разок поддавал Луке коленкой под зад и отправлял его в школу.

Лука был не таким уж слабым и трусливым, но в данном случае, как видно, особую роль играл район — географическая обстановка. Мысленно Лука часто заманивал этого чернявого мальчишку на свою улицу и беспощадно колотил его, но это было только воображение, мысли и мечты оскорбленного и униженного человека.

Лука, разумеется, мог привести друзей и сквитаться с этим разбойником или непрошеным таможенником на его же собственной территории. Но этого он не мог себе позволить, так как считал нечестным нападать всем на одного. И потом, струхнув в первый же день, он стыдился обнаружить свою трусость. Стыдился настолько, что, вспоминая об этом, заливался краской. В своем позоре он никому не признавался, даже Андукапару. Таил обиду в сердце и исходил желчью. Назавтра, жаждущий мщения, направлялся к роковой улице, чтобы один на один рассчитаться с противником. Но стоило ему лишь завидеть наглого вымогателя, как

хорошо продуманная и тщательно взвешенная месть откладывалась на следующий день, а Лукой вновь овладевал отвратительный, неодолимый страх, из-за которого он потом сам себя ненавидел.

Три дня назад Лука опять заметил стоявшего на углу Чернявого и, стараясь не глядеть в его сторону, — авось хоть на сей раз оставит меня в покое, — быстрым деловым шагом продолжал идти к школе. Когда он считал себя уже спасенным, именно в тот момент окликнул его «таможенник»:

— Эй, дружок!

У Луки от страха екнуло сердце.

— Иди сюда! — позвал Чернявый с той стороны улицы. Прислонясь к стене, он манил Луку пальцем.

«Не пойду!» — упрямо подумал Лука.

— Иди сюда, говорю!

— Чего тебе?

— Иди сюда!

— Не пойду! — ответил Лука, хотя и сошел с тротуара на мостовую.

Краешком глаза Лука заметил, что там же стоял парень, который только что вышел из подъезда и теперь, сунув руки в карманы, наблюдал за ними. Может, он именно из-за этого парня так заартачился; раньше никто не присутствовал при его позоре и унижении, а теперь посторонний человек становился невольным свидетелем его трусости и слабости. На лице у «таможенника», уверенного в собственном превосходстве, погасла ядовитая улыбочка. Он отошел от стены и лениво сделал несколько шагов вперед.

— Так, значит, не пойдешь?!

— Не пойду!

Незнакомый парень направился к ним, он тоже шел неторопливо, не спешил приблизиться, наверно, ему бы-

ло интересно, как будут развиваться события без его вмешательства. Чернявый стоял на краю тротуара, с лица его сошла недавняя улыбочка, и ее место заняло хорошо знакомое Луке выражение. Это был тот самый взгляд, который наводил на Луку ужас. Теперь уже Лука твердо решил не уступать, хотя бы сопротивление и стоило ему жизни.

Лука внезапно обнаружил, что прежний страх и робость исчезли. Удивительно, но это было именно так. Он сейчас меньше боялся двух противников, чем одного, которого почти ежедневно встречал на улице.

— Здорово, кореш! — приветствовал Чернявый незнакомого парня и даже улыбнулся ему с чувством некоторого превосходства.

— Какой я тебе кореш, сопляк!

— М-да... — сразу потерялся Чернявый. — Здравствуй, Ираклий!

Ираклий обернулся к Луке:

— Иди сюда, не бойся.

— А я и не боюсь! — ответил Лука, переходя улицу.

— Что у тебя с ним за счеты?

Лука пожал плечами.

— Драться не побоишься?

Лука смешался.

— Ты грузин?

— Грузин... — ответил Лука.

— Как тебя зовут?

— Лука.

— А ну, пойдемте подальше, — обратился к обоим Ираклий.

Они прошли шагов пятьдесят. Ираклий остановился возле каких-то ворот и заглянул во двор. Лука невольно тоже посмотрел за ним следом: ведущий во двор тоннель и двор были пусты, никого не было видно.

— Ступайте и деритесь... — сказал им Ираклий, а потом обернулся к Луке: — Дай мне портфель, я подержу.

— С кем это, неужели с ним я должен драться? — засмеялся Чернявый. — Ведь если я его стукну разок, он ноги протянет! — он сжал правую руку в кулак и медленно стал ее сгибать: — Ты посмотри, какие у меня мускулы!

Никогда в жизни у Луки так быстро и так сильно не колотилось сердце. Он побледнел, руки обмякли и повисли как плети. Когда противник с вызывающей смелостью вошел в ворота, Лука нехотя передал Ираклию ранец, успев при этом подумать: дать бы сейчас отсюда деру, а после сюда ни ногой, никогда в жизни! Но не такой он был трус, чтобы поддаться этой позорной мысли.

Лука вошел в темный тоннель и приготовился к драке. Взглянув на противника, он подумал, что, наверно, этот наглец еще никогда ни с кем не дрался. Он так смешно дергался и так неуклюже размахивал кулаками, что на какое-то мгновение Луке даже стало его жаль. Но он не стал мешкать, размахнулся и ударил кулаком в ненавистное лицо Чернявого. «Ой, мамочка!» — взвыл тот и выскочил на улицу. Лука хотел дать ему пинка под зад, но едва достал убегавшего носком ботинка.

А сегодня, с опозданием явившись в школу, он обнаружил Ираклия, того же «кореша», в собственном классе, смущенно сидящего на последней парте. На перемене никто не вышел из класса, так как всех интересовал великовозрастный новичок и все исподтишка его разглядывали.

Завидев Луку, Ираклий просиял и поднялся ему навстречу.

— Здорово, Лука!

— Здравствуй!
— Как жизнь?
— Не знаю. Ничего.
— Ты больше не встречал того?
— Нет.
— Да и не встретишь. Второго такого труса на нашей улице нет и не было.

Одноклассники совсем растерялись и опешили от того, что у Луки объявился такой дружок. Лука и Ираклий моментально поняли это, и свои прежние отношения, не сговариваясь, окружили еще большей таинственностью.

— А ты не видел его? — спросил Лука.
— Нет, не видел, — многозначительно улыбнулся Ираклий.
— А я бы очень хотел с ним встретиться.
— Да у него против тебя кишка тонка!

Весь класс затаив дыхание прислушивался к их беседе.

— Пошли во двор, покурим, — предложил Ираклий.
— Я не курю.
— Точно?
— Точно!
— Хотя да, я и забыл, что ты не куришь. Ну ничего, идем со мной просто так.
— С удовольствием, но мы не успеем, сейчас будет звонок.
— Правда?
— Да, сию минуту.
— Тогда пойдем на большой перемене.

Ираклий поднял руку, уже было взявшуюся за карман, и похлопал Луку по плечу.

Вскоре прозвенел звонок, и в класс вошел учитель грузинского языка и литературы Закария Инцкирвели,

тщедушный седой старичок в золотом пенсне на большом, с горбинкой, носу. Закария Инцкирвели был старым педагогом, еще в одной из тбилисских гимназий преподавал греческий и латынь, но после изъятия их из программы взялся за родной язык и литературу. В нынешнем году его назначили классным руководителем, и он старался быть всегда строгим и справедливым. Справедливость его была признана всеми, а вот что касается строгости, то ребята быстро раскусили, что она была показной, и немного распустились, хотя и продолжали уважать старого учителя за его справедливость.

Инцкирвели, не читая списка, заметил новичка.

— Как твоя фамилия? — спросил он, садясь за свой стол.

Ираклий тотчас поднялся и вежливо ответил:

— Девдариани, уважаемый учитель.

— Имя?

— Ираклий.

— Кем тебе приходится Шалва Девдариани?

— Никем.

— Хороший человек был Шалва... Из какой школы тебя перевели?

— Из двадцать пятой.

Весь класс жадно внимал этому диалогу, всех одинаково интересовала биография новичка.

— Судя по всему, ты остался на второй год?

— Да, уважаемый учитель.

— Причем, если я не ошибаюсь, ты оставался дважды.

— Так точно, уважаемый учитель.

Любопытство класса было напряжено до предела, потому что второгодников все видели сколько угодно, а вот дважды второгодника видели впервые!

— Ты производишь впечатление вежливого юноши...

Но как видно, для того, чтобы перейти из класса в класс, одной вежливости недостаточно, — заключил Закария Инцкирвели.

Ираклий покраснел и, очевидно, разозлился, потому что на лице его появилась кривая усмешка.

— Садись.

Ираклий сел.

Классный руководитель раскрыл журнал, пробежал глазами список и стал кого-то разыскивать в классе. Взгляд его остановился на Луке.

— Почему ты пропустил первый урок?

— Я опоздал, — Лука встал.

— Пусть завтра же придет твоя мать.

— Мама не сможет прийти.

— Почему?

Лука не ответил.

— Я спрашиваю, почему она не сможет прийти!

— Уважаемый учитель... — с соседней парты поднялась Маико. — Мама Луки за пять дней до начала войны уехала на Украину, чтобы повидаться с мужем, и до сих пор не вернулась..

— Ах вот как! Почему же ты до сих пор мне не сказал?..

— Не знаю... А зачем говорить?

— Ладно. Садись.

— А тетушку похоронили месяц назад, — помолчав, добавила Маико.

— Садитесь. Садитесь.

Маико и Лука сели.

У Луки вдруг испортилось настроение, как будто он впервые услышал о том, что его мать без вести пропала. У него закружилась голова и на лбу выступил пот. Ему даже показалось, что его затошнило от голода, он оперся локтем на парту и закрыл глаза.

— Что с тобой, Лука? Тебе плохо? — зашептал сидевший рядом Мито.

— Ничего. Ничего... Сейчас пройдет...—ответил Лука.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

После уроков Закария Инцкирвели встретил Луку в коридоре и повел его в учительскую. Там он подробно расспросил о матери, потом проводил Луку до лестницы и подбодрил его:

— Не волнуйся, она непременно вернется.

Когда Лука вышел на улицу, он увидел возле школьного двора Маико. Остальные разошлись по домам. Ираклий, который предложил Луке покурить на большой перемене, смылся после урока Закарии Инцкирвели и добрых пять дней вообще не появлялся в классе.

Маико и Лука пошли вместе. Лука чувствовал, что Маико сгорает от нетерпения, хочет узнать, зачем Луку оставил после уроков классный руководитель, но она сдерживалась и не решалась задавать вопросы. А Лука был не в настроении разговаривать, и некоторое время они шли молча. Улица была почти безлюдной. Два раза им повстречался патруль. Патрульные не спеша расхаживали по улицам, иногда останавливая прохожих и проверяя документы.

Так, не произнося ни слова, они миновали несколько улиц и подошли к парикмахерской. Эта парикмахерская приютилась рядом с домом Маико. Маико как будто догадалась, что Луке не хочется идти домой, и предложила: зайдем ко мне. Лука сначала отказывался, но вскоре согласился: ладно, зайду ненадолго.

Вокруг церкви стояли одноэтажные и двухэтажные домишки с крохотными деревянными балкончиками. Вымощенный речным булыжником дворик был чисто выме-

тен. Лука и Маико пересекли двор и очутились за церковью возле голубой галереи. Маико достала из портфеля ключ, открыла дверь и пригласила Луку в дом.

Как только Лука вошел в полутемную прихожую, откуда была видна еще более темная комната, им овладело какое-то неприятное чувство, и он сразу же пожалел, что согласился сюда прийти. Он и сам не знал, отчего возникло это ощущение, но, едва зайдя сюда, он уже мечтал поскорее очутиться дома. Он вспомнил, что обещал Андукапару вернуться пораньше. Во-первых, он должен принести ему хлеб, а входя во двор, он заметил, какая длинная очередь стояла у хлебного магазина. И во-вторых, надо помочь Андукапару клеить пакеты. Эту работу ему устроил Датико Беришвили. Он же приносил нарезанную бумагу и за каждый пакет платил Андукапару восемь или десять копеек.

Маико бросила портфель на тахту, покрытую ковром. Потом сняла синий жакет и повесила его на деревянную вешалку, прикрепленную к стене. Она взяла у Луки портфель и тоже небрежно бросила на тахту.

— Знаешь, Маико, пожалуй, я пойду.

— Посиди немного.

— Нет. Я обещал Андукапару принести хлеб.

— Я тебя не задержу.

— Нет... Нет...

— Андукапар немного подождет, ничего с ним не случится.

На застекленной веранде стояла тахта, комод и стол, покрытый клеенкой.

На столе возвышалась груда грязных тарелок.

— Вчера и сегодня с утра не было воды, — смущенно объяснила Маико, потом прошла в комнату и зажгла там свет.

Освещенная комната оказалась намного просторнее, чем казалось ему из прихожей. Там тоже стояли стол и тахта. Остальная обстановка состояла из двух никелированных кроватей, книжного шкафа, гардероба и венских стульев. С потолка на стену спускался пестрый персидский ковер, который целиком покрывал тахту. На стене, поверх ковра висела выцветшая фотография женщины и мужчины в черной рамке.

— Это моя любимая тахта, — сказала Маико, быстро обошла стол и мягко вспрыгнула на тахту среди мутак и подушек. Потом она поправила одну мутаку, подсунула ее себе под спину, вытянула ноги и удобно улеглась.

Лука как дурак стоял посреди комнаты и не знал, что делать: то ли сесть, то ли стоя наблюдать за причудами Маико. Маико восторженно взирала на Луку. Она казалась очень довольной. Должно быть, ей нравилась тахта, которая придавала комнате уют и была, наверно, и вправду удобной.

— Я часто лежу вот так и мечтаю,—сказала Маико,— наши приходят поздно, и я всегда одна. Я очень люблю быть одна. — Теперь Маико перебралась на левую половину тахты. Опять поудобнее подложила под себя подушки и разлеглась, словно желая доказать Луке, что эта тахта для того лишь создана, что такое крохотное существо, как она, могло лежать на ней, привольно раскинувшись, предаваться мечтам.

— Хорошая тахта, — наконец признал Лука бесспорные достоинства тахты.

— Иди сюда, присядь.

— Я здесь сяду. — Лука выдвинул стул и сел.

— Знаешь, Лука, ты за этот год очень вырос.

— Не знаю. Я этого не замечаю.

— Да, очень... А я совсем не расту. Мама говорит,

что я сразу вытянусь... Она тоже в детстве была такая, как я...

— Конечно, вытянешься...

— Хочешь, поиграем в карты.

— Я не умею.

— Ни одной игры не знаешь?

— Ни одной.

— Как смешно!

Потом наступило молчание. Молчание это длилось долго. Во всяком случае Луке казалось, что они очень долго молчали. Лука встал и начал рассматривать фотографии, вставленные в рамки различной формы и размера. Почти на всех фотографиях была запечатлена Маико. Маико во всех видах — от колыбели до сегодняшнего дня. С родителями или одна. «Красивая,—подумал Лука. — Или на снимках хорошо получается». Лука внезапно повернулся, словно хотел проверить: в самом деле Маико была красивой или казалась красивой на фотографиях.

Маико лежала на спине, устремив в потолок большие черные глаза. Лука услышал биенье собственного сердца и затаил дыхание. Потом он втянул в себя воздух, пропитанный каким-то дурманящим ароматом, и почувствовал, как мышцы приятно расслабились и все тело внезапно охватила дрожь. Он медленно приблизился к Маико и заглянул ей в лицо. Глаза Маико были полны слез.

— Почему ты плачешь, Маико?

— Уходи!

— Хорошо, я уйду.

— Нет, пока не уходи. Побудь немного.

— Хорошо, побуду.

Скопившиеся в глазах слезы переливались через край и, блеснув, исчезали, падая на ковер.

На щеках Маико оставались мокрые полосы.

— Почему ты плачешь?

Маико приподнялась и с упреком взглянула на Луку. Потом сказала успокоенно:

— Теперь уходи!

— Уйти?

— Да, уходи.

— А ты не скажешь, почему плакала?

— Нет!

— Как хочешь!

Лука повернулся, схватил портфель, валявшийся на тахте в прихожей, открыл дверь и вышел во двор. Во дворе по-прежнему никого не было. Лука быстро пересек мощенный булыжником дворик и, выйдя на улицу, оглянулся назад. Хотя заранее знал, что маленький домик Маико скрыт церковью и отсюда не виден.

Приближаясь к дому, Лука замедлил шаг. Чувствовал, что какая-то сила тянет его назад, туда, где большой абажур окрашивает комнату в сиреневый цвет, на персидском ковре сидит и плачет Маико.

Лука едва ноги волочил, но как он ни медлил, дорога в конце концов привела его к дому. Из ворот выходил, тяжело ступая, старый чувячник, он остановился возле Луки, словно желая передохнуть, и спросил:

— Как дела, Лука?

— Спасибо. Как вы сами поживаете, дядя Григол?

— Эх, как может жить человек, забытый богом... В тот день я наверно обидел твою тетушку?

— Она совсем не обиделась, дядя Григол.

— Никогда не надо впутываться в такое скользкое дело... Но что я мог поделать, когда этот человек пристал в одну душу... — Старый чувячник как-то странно дернулся, как будто сидел и собирался встать. Потом тяжело затопал опухшими ногами к своей хибарке.

Лука со двора увидел Андукапара, катавшегося по балкону второго этажа, и подумал: меня дожидается, наверно, я очень опоздал. Лука торопливо взбежал по лестнице, оставил портфель на столике, стоявшем возле галереи, и, смущенный, предстал перед Андукапаром.

— Я опоздал, да?

— Не очень.

— Дай карточки, я схожу за хлебом.

— Мать уже принесла... Она только что ушла.

— Тетушка моя дома?

— По-моему, нет. Ты голоден?

— Нет.

— Если голоден, идем, я тебя накормлю.

— Нет, я совсем не хочу есть. А если захочу, поем у себя. Тетя Нато всегда оставляет еду.

— Слышал насчет голубей?

— Да.

— Не понимаю, кому это понадобилось.

— Но ведь и в прошлом году его обокрали.

— Там было другое, в прошлом году одного украли... Из-за того голубя весь город Рубену завидовал. А теперь целиком ограбили. Бедняга поднялся ко мне и плакал.

— Он и утром плакал.

— Такие времена наступили, что голубями он бы все равно себя не прокормил. Я, говорит, тоже пакеты клеить буду. Пришел и три-четыре часа мне помогал. Беришвили обещал ему работу, а пока просит у него подвал, чтобы в нем бумагу хранить.

Во дворе показалась светловолосая девушка. Андукапар кинул на Луку многозначительный взгляд и шепнул:

— Это она.

Лука не сразу понял, о чем речь, и Андукапару пришлось уточнить.

— Дочка Котико, которую вчера привели.

— Правда?

— Красивая девушка!

Светловолосая девушка сидела на скамейке под липой, и, несмотря на то, что листва уже увяла и наполовину осыпалась, со второго этажа ее трудно было разглядеть.

— Ее, оказывается, Изой зовут.

— Изой?

— Почему ты удивляешься?

— Не знаю...

— Ты слышал, что Котико погиб?

— Как это погиб?

— Дядя Ладо получил извещение, так почтальон сказал Рубену. Когда вчера эта женщина привела дочку, Ладо уже знал о его гибели, но ничего не сказал: скрывает от жены, от матери Котико.

У Луки сразу упало настроение, то счастливое предчувствие, которое не покидало его все это время, неожиданно испепелилось. Постепенно угасала надежда на то, что он когда-нибудь увидит бесследно пропавших родителей. Котико ушел на фронт через несколько месяцев после начала войны, а отец и мать Луки с первого же дня были там, первый удар, первый ураган приняли они на себя. Лука снова побледнел так же, как в школе, и на лбу у него снова выступил холодный пот, закружилась голова, и к горлу подступила противная тошнота.

— Уже пришли! — сказал Андукапар. Лука слышал слова Андукапара, но не вникал в их смысл. Сейчас ему было все равно, кто пришел и зачем. У него кружилась голова, и сознание было окутано мутным туманом... Лука

хотел ясно и четко увидеть что-то неопределенное, безликое и бесформенное, но не мог, потому что сам не знал, что хотел увидеть.

— Осматривают подвал Рубена, — сказал Андукапар. — Видно, Беришвили не любит откладывать дело в долгий ящик.

Лука незаметно скрылся, как будто убегал от кого-то, и на цыпочках подкрался к галерее, которая оказалась запертой. Он пошарил рукой по столу, нащупал ключ, потом сунул руку под клеенку и достал его.

— Лука! — раздался голос Андукапара. — Лука, иди сюда!

— В чем дело?

— Твоя подружка идет.

Лука кинулся к перилам и выглянул во двор. По лестнице первого этажа поднималась Маико. Лука повернулся и стал дожидаться Маико у начала лестницы. Маико, пробежав один лестничный марш, задрала голову и, увидев Луку, улыбнулась. Лука только сейчас заметил, что Маико несла портфель и невольно взглянул на столик, приставленный к галерее.

— Ты мой портфель унес! — крикнула Маико с середины лестницы.

— Я только сейчас заметил, — ответил Лука, — когда тебя увидел.

Завидев Маико, поднимавшуюся по лестнице, Лука почему-то подумал, что придет в раздражение, даже приготовился к этому: насупился и нахмурил брови. Но, подойдя к лестнице, обнаружил, что вовсе не раздражен, напротив, он испытывал, вопреки ожиданию, блаженное спокойствие. Это отражалось и на его лице. Он не мог сдержать улыбки. Тем временем поднялась и Маико. Видно, все расстояние от своего дома она пробежала бегом и запыхалась.

— Как же ты перепутал, Лука, — проговорила она, переводя дыхание.

— Не знаю, перепутал и все, — Лука виновато улыбнулся.

Маико заметила Андукапара и поздоровалась:

— Здравствуйте, батоно Андукапар.

— Здравствуй, Маико!.. Вы что, портфели перепутали?

— Лука перепутал, батоно Андукапар.

— Как же я мог перепутать! Ведь мой черный, а твой коричневый.

Лука взял у Маико черный портфель и отдал ей коричневый.

— Я пойду, — сказала Маико.

— Зря ты бежала. Я бы в конце концов сам заметил и принес.

— Ты бы это очень не скоро заметил, дорогой Лука, — съязвил Андукапар.

— До свиданья, батоно Андукапар!

— До свиданья, Маико.

Маико спустилась по лестнице, Лука проводил ее, и оба оказались во дворе. Коротышка Рубен, Датико Беришвили и какой-то толстяк стояли у зеленой голубятни. Иза сидела под липой, печальная и задумчивая.

— Боже, какая красавица, кто это? — спросила Маико, как только они вышли со двора.

Лука объяснил.

— Я никогда не видела такой красавицы! — не могла скрыть восторга и удивления Маико.

— Неужели она такая красивая?

— Как будто ты сам не знаешь!

— Откуда мне знать, я ее толком и не видел. — Лука вспомнил, как все воскресенье он дожидался появления незнакомки, из-за нее не пошел с тетушкой на кладбище. А теперь почему-то потерял к ней всякий

интерес, прошел мимо, даже не разглядев хорошенько сидящую в одиночестве девушку.

— Ты случайно не открывал мой портфель? — нетерпеливо спросила Маико.

— Нет. А что такое?

— Ничего.

— Зачем бы я стал лезть в твой портфель, чего я там не видел!

— Не обижайся, я просто так спросила.

На улицу, продолжая разговаривать, вышли толстяк и Датико Беришвили. Толстяк остановил фаэтон, сел и поехал. Беришвили вернулся во двор.

— Ладно, я пошла, — сказала Маико.

— Хочешь, пойдем к тебе?

— Нет. Если б ты хотел у меня остаться, мне бы не пришлось сюда бежать.

— Не знаю... Ты же сама сказала, уходи... Впрочем, сейчас я все равно не смогу пойти, ключи от квартиры у меня.

— До свиданья.

— До свиданья. Завтра придешь в школу?

— Конечно.

Лука прекрасно знал, что Маико завтра непременно придет в школу, и спросил только затем, чтобы хоть ненадолго задержать ее. Но Маико повернулась и пошла. Она шла быстрыми маленькими шажками, чуть склонясь вправо из-за тяжести портфеля.

Дядя Григол, старый чувячник, вынес табурет на улицу и сидел перед своей хибаркой, перебирая янтарные четки. Маико промчалась мимо него и, не оглядываясь, продолжала свой путь. Лука удивился, что старик не проводил ее взглядом. Он ведь для того и сидел, чтобы за всеми наблюдать. А вот Маико он упустил из виду, не заметил. Склонившись вперед, старик

обоими локтями упирался в колени, смотрел на каменные плиты и спокойно перебирал янтарные четки. Луке стало почему-то обидно, что старый чувячник не обратил на Маико внимания.

Вернувшись во двор, Лука увидел Коротышку Рубена и Изу, которые беседовали под липой. Лука не собирался задерживаться, но Рубен подозвал его.

— Познакомься, — сказал Коротышка, — это Иза, дочка нашего Котико.

Иза протянула руку, рука была теплая и мягкая. Прежде чем посмотреть ей в лицо, Лука успел подумать: интересно, правда ли она такая красивая, как показалось Маико. Больше всего его поразили распущенные по плечам волосы. Он никогда не видел таких блестящих, отливающих золотом волос. Они так блестели, как будто на них откуда-то падали лучи солнца.

Иза с любопытством смотрела Луке в лицо. У нее были большие синие глаза, маленький нос и яркие, почти красные губы. Лука залился румянцем: ему показалось, будто Иза заметила, что он так внимательно ее разглядывает. Вконец растерявшись, Лука собрался уходить.

— Садись, — предложил Коротышка Рубен, который все продолжал улыбаться и своими костлявыми пальцами выстукивал по столу «багдадури».

— Мне уроки надо делать, — сказал Лука.

— Садись, прошу тебя! — не отставал Рубен.

«Интересно, знает ли она сама, какая она красивая», — думал Лука, направляясь к лестнице. По ступенькам он взбежал одним духом. Возле лестницы его поджидал Андукапар, весь какой-то взбудораженный.

— О чем она с тобой говорила? — сразу кинулся он к Луке с расспросами.

— Не знаю, так, ни о чем.
— Божественна! — Андукапар резко повернул кресло и исчез в своей комнате.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Оденься потеплее! — крикнула из галерии тетя Нато.
— Я и так все на себя напялил! — ответил Лука, выходя из комнаты в старом, коротком и узком пальто, в котором едва мог двигаться.
Тетя Нато положила в сумку два старинных бронзовых подсвечника, потом взяла платье, висевшее на стуле, оглядела его со всех сторон, аккуратно свернула и уложила поверх подсвечников. Потом тетушка ушла в комнату и вынесла простыню, внимательно рассмотрела ее, проверила даже на свет и тоже спрятала в сумку.
Было утро последнего воскресенья декабря, сырое, морозное, холод пробирал до костей. Тетка с племянником отправились на сабурталинскую толкучку.
Лука много слышал о сабурталинской толкучке. Давно мечтал туда попасть, но теперь, когда он тащил этот тяжелый саквояж, в котором лежали два подсвечника, тетушкино платье и простыня, ноги не несли его. Он просто не мог представить себе, как он будет стоять с шандалами в руках, зазывая покупателей. Вдобавок он недоумевал: если они продают эти вещи, потому что в них нет нужды, то ради чего кто-то другой станет их покупать? Поэтому сабурталинская толкучка всегда представлялась ему большой площадью, куда стекалось множество народу лишь затем, чтобы что-то продать.
Лука не знал также и того, когда тетя Нато решила

продать эти вещи: сегодня утром, вчера или позавчера? Сегодня она встала раньше обычного и разбудила Луку: денег, говорит, у нас нет даже на хлеб, придется кое-что продать. Конечно, Лука не отказал ей, да и как он мог ей отказать. Ведь эти проклятые деньги ей нужны были не для себя одной! Тот хлеб, который они получали по карточкам, стоил недорого, но время от времени, желая подкормить Луку, тетушка ходила на базар, где все стоило в двадцать раз дороже.

Тетя Нато давно перестала писать письма. Наверно, она надоела тем, кому писала, и ей больше не отвечали. Очевидно, она смирилась с судьбой. И не вспоминала ни мать Луки, ни отца, как будто их никогда и не было на свете. И на кладбище она больше не ходила, совсем забросила могилу сестры. И сорока дней не справила, хотя после похорон родственники договорились обо всем и даже день назначили.

Все прежние заботы позабыла тетя Нато, и осталось только одно: Лука! Лука все это понимал, и иногда у него даже возникало неприятное чувство досады из-за такой чрезмерной опеки, и вовсе не потому, что он был неблагодарным или злопамятным. Нет, во-первых, его никогда не баловали, и ему трудно было привыкнуть к этому, и, во-вторых, он жалел тетушку. Она совсем исхудала и растаяла. Согнулась в плечах и ослабла. Несмотря на это, вставала чуть свет, а ложилась далеко за полночь. Старалась со всех сторон оградить Луку, как будто он был свечой, горящей на ветру.

Однажды, когда раздосадованный назойливым вниманием Лука необдуманно посоветовал тете Нато, чтобы она немного позаботилась о себе, потому что если с ней что-нибудь случится, он останется совсем один на свете, — старушка повалилась на тахту и весь день проплакала:

— Господи, прости меня грешную, не дай мне умереть, пока я не увижу мальчика твердо стоящим на ногах!

У входа на сабурталинскую толкучку (там, где теперь стоит Дворец спорта), небритый дядька потребовал, чтобы тетя Нато приобрела талоны. Тетя Нато растерялась и пробормотала, что пока у нее денег нет, а как только она что-нибудь продаст, тотчас купит талоны. Небритый дядька разозлился: все вы одно и то же говорите! — сказал он, сплюнул и ушел.

Толкучка кишела людьми. Тетя взяла Луку за руку, чтобы он не потерялся, и повела в глубь базара, с трудом пробивая дорогу сквозь молчаливо снующую толпу. Потом они с трудом добрались до длинного ряда ларьков и остановились позади одного ларька.

Тетя Нато достала из сумки платье и простыню, саквояж отдала обратно Луке, а вещи для продажи перевесила через руку.

— А мне что делать? — спросил Лука и взглянул на саквояж, так как был уверен, что подсвечники придется продавать ему.

— Ничего.

И в самом деле, делать ему было нечего, он стоял со своим саквояжем, засунув руки в карманы. Сначала он не мерз, так как разогрелся от быстрой ходьбы. Но потом запас этого тепла иссяк. Он спрятал замерзшие уши в воротник пальто и стал прыгать на месте. Через час он уже потерял всякую надежду: было ясно, что здесь они ничего не продадут. Словно оправдалась его давешняя мысль: никто ничего не покупал, все только продавали что-нибудь. И не что-нибудь, а все: ржавые кривые гвозди, поломанные колеса, автомобильные покрышки, неуклюжую обувь, подшитую резиной от автомобильных камер, непарные носки, защитные гимнастерки, морские

бушлаты, кирзовые сапоги, каракулевые шкурки, остовы зонтов, растрепанные книги, залатанные кальсоны, женские трико, старые картины или рамы, уздечки, роги, керосинки, котлы, мешки, ножи и вилки, бутылки... люстры... Все это продавали. А покупателей не было видно. Во всяком случае, Лука их не видел. Видел только усталые, хмурые лица мужчин и женщин всех возрастов. А еще чаще — их спины, плечи, шеи, и когда он глядел на них, у него возникало странное чувство, словно весь мир повернулся к нему спиной, и никого не интересовало, почему они стоят здесь, за ларьком, сколоченным из досок. Иногда он украдкой поглядывал на тетушку, и сердце у него сжималось от боли при виде жалкой старушки, посиневшей от холода, перекинувшей через беспомощно протянутые руки вынесенные на продажу тряпки — простыню и платье.

Потом, продолжая подпрыгивать на месте, среди множества спин Лука выбрал одну, очень знакомую спину, в неразберихе прочих спин ее трудно было распознать, но он все же распознал, и когда эта спина повернулась, Лука увидел Закарию Инцкирвели, своего классного руководителя. Спина обернулась, и их удивленные взгляды столкнулись друг с другом. Очевидно, ни один, ни другой не ждали встречи в таком неподходящем месте.

— Что ты здесь делаешь, Лука? — спросил недоуменно учитель.

— Не знаю... Стою вот... — замялся Лука, заливаясь краской.

Закария Инцкирвели с перекинутым через руку летним костюмом подошел к Луке.

— Ты один?

Лука не успел ответить, как учитель сам заметил тетю Нато и почтительно с ней поздоровался:

— Здравствуйте, калбатоно Нато!

— Ох, батоно Закария! — тетя Нато сделала вид, будто только сейчас заметила учителя, потому что раньше, в надежде, что он ее не заметит, она отводила глаза в сторону. — Как поживаете?

— Все мы поживаем одинаково!—вздохнул учитель.— Видите? — он показал на летние брюки и пиджак, перекинутые через руку.

— Вижу, вижу, батоно!

— Вынес продавать, как будто лето больше никогда не наступит.

— Тяжелые времена настали.

— Не говорите! Да хоть бы продал, а то ведь и продать не могу.

— Как видно, торговля не наше с вами дело.

— Это верно, уважаемая!

— Подожду еще немного, если не продам, пойду домой... Мальчик совсем замерз.

— Да, нынче очень холодно. Но холод не самая большая беда.

— Плохо и то, что ребенок видит всю эту грязь!

— Об этом не беспокойтесь, уважаемая, ребенок все должен испытать, пусть видит, как люди живут... Поймет, что не ему одному трудно.

И вдруг из толпы, как клоун из-за занавеса, высунулся Конопатый Альберт. Лука тотчас узнал его и так обрадовался, как будто встретился с единственным другом после долгой разлуки.

— Альберт! — крикнул Лука.

Альберт не узнал его и подозрительно насупился. Потом приблизился на несколько шагов и пригляделся внимательнее: все равно не узнал.

— Не узнаешь?

— Не узнаю.
— Я — Лука!
— Какой Лука?
— Помнишь, как мы на берегу Куры познакомились? Лука я!
— Вах! Здорово, Лука! Ты тот самый, который хорошо плавает?
— Тот самый.
— Где же ты пропадал? На что это похоже?!
— Я пропадал?!
— Ты ничего такого не думай, Лука-джан, твое барахло у меня. Я целый день бродил по пескам и не нашел тебя.
— Долго искал?
— Очень долго, а как же!
— И не нашел?
— Вах, что ты за человек, не веришь?!
— Не сердись, Альберт, знаю, что искал.
— То-то же! А твои шмотки у меня, не сомневайся! Хочешь, завтра в девять все принесу.
— Куда принесешь?
— Туда же к сумасшедшему дому.
— Утром я в школу иду.
— Один урок прогуляй!
— Тише!—предупредил Лука Конопатого Альберта и шепотом сообщил: — Это наш классный руководитель.
Удивленный и испуганный Конопатый Альберт покосился на Закарию Инцкирвели и тетю Нато. Некоторое время он внимательно наблюдал за ними, как будто изучал или запоминал их внешность и одежду. Потом обернулся к Луке и спросил:
— А кто эта женщина?
— Моя тетя.

— Продали что-нибудь?

— Нет.

— Что за чудаки! Кто же так продает! Сейчас самому нужно искать покупателя.

— Откуда же я знаю, где его искать?

— Стойте здесь, я приведу покупателя, — деловито распорядился Конопатый Альберт и тотчас исчез. Куда-то протиснулся и как сквозь землю провалился.

Лука был очень доволен, что встретил Альберта, он радовался не столько возвращению пропавших вещей, сколько тому, что не оказался обманутым и облапошенным. Он внезапно полюбил Конопатого Альберта и уже сожалел, даже страдал от угрызений совести, что когда-то в глубине души считал его плутом и мошенником.

Тетя Нато и Закария Инцкирвели стояли там же и беседовали. Учитель со знанием дела оценил положение на фронте и заключил, что жизнь еще более вздорожает. Так или иначе, но в течение всего этого времени никто к ним не подошел, никто не поинтересовался их вещами, даже просто так никто не приценился. Замерзшие и грустные стояли они, потеряв всякую надежду. Наверно, они простояли бы так до конца, если бы вдруг неожиданно, как спасение, не возник перед ними Конопатый Альберт.

Альберт вернулся и привел с собой какого-то человека, очень похожего на грача. Грач был настроен решительно, из-под кепки, натянутой на длинный посиневший нос, он презрительно оглядел вещи и их хозяев.

— И это все? — спросил он наконец и кажется собрался уходить.

— Нет, уважаемый, — остановила его тетя Нато, — у нас еще подсвечники. Лука, покажи подсвечники.

Лука достал из саквояжа подсвечники.

— Ах какие прекрасные подсвечники! — не смог скрыть восхищения Закария Инцкирвели.

— Прекрасные! — брезгливо передразнил его Грач.

— Это приданое моей бабушки! — сообщила польщенная тетя Нато.

— Меня это не касается! — прервал ее Грач, — шандалы, простыня, платье — триста рублей.

— Но этого не хватит даже на три килограмма хлеба. — Сделал попытку поторговаться Закария Инцкирвели.

— А по-твоему, дорогой, три кило хлеба — это мало! — рассердился Грач.

— Нет, уважаемый, я ничего не говорю, — поспешила вмешаться испуганная тетя Нато.

— Саквояж не продаешь?

— Нет.

— Альберт, забери! — приказал Грач. Конопатый сначала у Луки взял подсвечники, а потом у тети Нато простыню и платье.

— Может, вас заинтересует этот костюм? — осторожно предложил учитель.

— Двести рублей.

— Согласен, с удовольствием.

— Альберт, забери!

Альберт взял у старого учителя брюки и пиджак, а Грач расстегнул одну, верхнюю пуговицу пальто, вытащил деньги, отсчитал каждому, сколько причиталось, и, не попрощавшись, ушел. Конопатый Альберт покорно последовал за ним.

— Альберт!

— Да! Как договорились! — отозвался Конопатый.

Тетя Нато и Закария Инцкирвели там же простились и разошлись. Все вроде бы закончилось благополучно, но, прощаясь, Лука заметил, как изменилось лицо

учителя. Он выглядел смущенным и растерянным, словно его застали за каким-то недостойным занятием. Он словно сам собирался покаяться и попросить прощения, но не сумел, лицо его исказилось, и, чтобы скрыть эту внутреннюю напряженность, он жалобно улыбнулся, указательным пальцем поправил спадавшие с переносья очки в роговой оправе и смешался с толпой. Эти очки учитель носил уже два месяца, очевидно, свое золотое пенсне он тоже продал.

Замерзшего, с ледяными руками и ногами Луку тетушка сразу же уложила в постель, напоила горячим чаем без сахара, с куском хлеба и джемом, полученным по карточкам, и Лука заснул, как убитый.

Весь вечер он провел с Андукапаром. Сначала они приготовили уроки, потом принялись клеить пакеты. Во время беседы Андукапар выразил сомнение: не думаю, сказал он, чтобы этот твой Конопатый вернул одежду, но ты все же пойди, может, он и впрямь хороший парень и я зря ему не доверяю.

Наутро, чем ближе подходил Лука к назначенному месту, тем больше убеждался, что Конопатый Альберт не придет. Он всеми силами старался так не думать, но ледяной ветер и холод, пронизывающий до костей, портили все настроение. Кто поверит, что Конопатый выйдет из дому чуть свет, да еще в такую погоду, чтобы вернуть вещи, о которых уже успел позабыть! Лука внутренне оправдывал Альберта и заранее готовился к разочарованию. Но Лука не дошел до назначенного места. Когда он проходил по знакомой улице, ему вдруг показалось, что ворота открыты. Он на мгновенье замедлил шаг, но не для того, чтобы решить — входить или не входить. Такой вопрос вообще не стоял перед ним, его остановило другое: в самом деле, открыты ворота или это ему показалось?

Ворота были открыты.

Лука налег на створку плечом и осторожно оглядел двор. Потом так же украдкой кинул взор на то окно, где должна была быть Мтвариса. Но не только это окно, а все окна вообще оказались закрытыми.

Во дворе никого не было, и Лука, осмелев, обошел вокруг строений, осмотрел внимательно окна первого этажа. Изо всех окон глядела мгла...

Вдруг Лука услышал чьи-то осторожные шаги, испуганно оглянувшись, он увидел приближающихся к нему двух обритых наголо мужчин: неторопливо прогуливаясь, они прошли совсем близко от него, но, по-видимому, увлеченные беседой, его не заметили. Оба были в серых мешковатых халатах, из-под которых выглядывали белые кальсоны.

Должно быть, они не чувствовали холода, потому что были без носок, в шлепанцах на босу ногу. Тот, который был ростом пониже, шел впереди, скрестив на груди руки. Лука сначала подумал, что он скрестил руки для того, чтобы согреть их под мышками, но потом, заметив большие карманы на халате, решил, что возможно, у него просто такая привычка. Второй мужчина, долговязый и худой, шел на полшага позади, всем существом выражая величайшее почтение к низенькому.

Они ушли недалеко, прогуливались там же, среди огромных деревьев. Несколько раз проходили и мимо Луки, но по-прежнему не замечали его, словно его вовсе не было на свете. Вообще-то говоря, Лука тоже не очень стремился попасться им на глаза, он все же был напуган и избегал людей, стараясь по возможности скрыться за деревьями.

Лука догадался, что двое в серых халатах были сумасшедшими, хотя о сумасшедших у него было совсем другое представление и он был весьма удивлен, уви-

дев их гуляющими во дворе, да еще таких важных и задумчивых. Если они сумасшедшие, то почему они на свободе, если они на свободе, то почему не кричат, почему не колотят друг друга, думал Лука, во всяком случае, камнями они должны кидаться непременно.

Лука слышал даже их беседу. Эта беседа совершенно изменила его представление о сумасшедших, несмотря на то, что многое из этого разговора осталось ему непонятным.

— Вы позволите задать вам одчи вопрос? — обратился долговязый к низкорослому, заискивающе улыбаясь. — Что такое счастье?

— По нашему мнению, вы неверно поставили вопрос, — спустя некоторое время ответил низкорослый.— Сначала надо выяснить, существует ли вообще счастье, а потом уже спрашивать, в чем состоит его суть.

— Истинная правда! Но я никогда не мог себе представить, что вы хоть чуточку сомневаетесь в существовании счастья. Неужели вы никогда не были счастливы? Никогда не испытывали счастья?!

— Никогда!

— И в Италии!

— Нет!

— А восемнадцатого брюмера?

— Нет!

— Неужели солнце Аустерлица не согрело вас счастьем?

— Нет и нет!

— Может... — здесь долговязый замешкался, но в конце концов все-таки решился: — Может, Ватерлоо? Хотя... Простите, ваше высочество!..

— О Ватерлоо мне не напоминайте! Хотя почему же?.. — снова погрузился в раздумья низкорослый. —

Я тогда понял, что, возможно, счастье и в самом деле существует.

— Тогда поняли впервые?

— Да, мой друг! А ныне я испытываю полное счастье, я истинно счастлив.

— Слава богу!

— Я часто задаю себе вопрос, отчего я так счастлив, и наконец, понял: оттого, что меня уже нет в живых, оттого что я умер!

— Как же? Разве вы сейчас не живы?

— Конечно, нет! Ни вы и ни я, мы давно уже покойники!

— Благодарю вас, ваше высочество!

— Неужели вы бы захотели жить в другой оболочке? — теперь спрашивал низенький.

— Разумеется, нет!

— Нас уже спас бог от людской неблагодарности. Нас уже не коснется предательство друзей и подданных, измена, которая там...—Низенький вытащил руку из-под мышки и протянул указательный палец к воротам, — которая там, еще долго будет прятаться под маской показной преданности.

— О, черная неблагодарность!

— Не существует более страшного чувства! Разве не олицетворенная неблагодарность своей рукой поразила Цезаря? Разве не сильные челюсти неблагодарности перемололи кости славного Сципиона, изгнанного из отечества, это я сочинил эпитафию на его могилу: «Неблагодарная отчизна! Ты не удостоишься моего праха!»

— Истинно так, ваше высочество!

Низенький язвительно улыбнулся и продолжал про себя:

— Я избаловал их великими победами, а они не простили мне маленького поражения!..

Долговязый вдруг начал беспокоиться:

— Ваше высочество, не повернуть ли нам назад?

— Назад?

— Да! Идемте скорее. К нам приближается Цербер.

— Ах, так! Конечно! Конечно!

Оба поспешно направились к зданию, впереди шлепал низенький, за ним долговязый. Потом они одним прыжком одолели пять каменных ступеней, открыли дверь и, не оглядываясь, нырнули в помещение.

К Луке приближался дворник с метлой. Лука от страха так и обмер, растерялся и не знал, куда бежать. Не давая себе отчета, он быстро пробежал расстояние до каменных ступенек. Так же безотчетно взбежал по лестнице и очутился в длинном коридоре. В полутемном коридоре уже знакомые Луке собеседники солидно прохаживались, словно преподаватели на большой перемене.

Лука притаился за дверью: снаружи не доносилось ни звука, он стоял, некоторое время прислушиваясь, потом открыл дверь и выглянул во двор. Во дворе никого не было. Он вышел и с опаской огляделся по сторонам.

— Поди-ка сюда! Вот ты и попался, бездельник!

Лука увидел сначала метлу, а потом дворника в шинели. Как видно, он спрятался за дерево и подстерегал Луку.

Лука хотел было дать тягу, но внезапно почувствовал, что бежать не может, колени у него подкашивались, и он с трудом держался на ногах. Пришлось покориться судьбе. Дворник вцепился ему в плечо тяжелой пятерней и потащил в глубину двора.

— Я больше не буду, дядечка, — дрожащим голосом проговорил Лука, — отпусти меня.

Дворник в шинели не слушал Луку, не отпуская руки, вел его куда-то.

— Отпусти меня, дяденька, — снова заныл Лука, — я в школу опаздываю.

— А когда ты сюда забирался, не опаздывал в школу?

— Я ведь ничего плохого не сделал!

Дворник подвел Луку к одной из скамеек и сказал:

— Садись, поговорим.

Лука сел. Старик сел рядом, прислонив метлу к скамье. Лука, естественно, представления не имел, каким образом пойдет их беседа, да это его и не интересовало. Он думал только о том, как бы вырваться из рук этого жуткого старика и смыться отсюда поскорее.

— Чего тебе здесь понадобилось с утра пораньше? Зачем ты сюда забрался? — спросил дворник.

— Не знаю... Ворота были открыты, я и вошел.

— Вот тебе и на! Значит, где увидишь открытую дверь, туда и лезешь?

— Простите меня, я не знал.

— Что не знал?

— Что нельзя сюда входить.

— А что у тебя с ними общего?

— С кем?

— С теми, которые тут болтались.

— Ничего. Я впервые их вижу. Они и не взглянули на меня и слова мне не сказали.

— И не скажут. Этот плюгавый — большой гордец, много из себя воображает! Но если он мне попадется, я ему спуску не даю, так он удирает от меня, хвост поджав. Не люблю зазнаек. Если ты человек, так будь человеком, чего дуешься, как индюк! — старик грозно поглядел на дверь, за которой недавно скрылись двое в халатах.

Луку эта беседа немного успокоила... Старик оказался не таким уж злым. Но хорошего все равно было мало, потому что время шло, а он, как дурак, сидел здесь и болтал с дворником. «Наверно, уже второй урок кончается», — переживал Лука.

Тем временем дворник достал из-под шинели пандури, наладил ее, попробовал звук и ударил по струнам. Сначала он спел «Ах трактор...», потом затянул «Молодой пастух в Шираки».

«Эту песню он не скоро кончит», — с тоской подумал Лука, но другого выхода не было, надо было дослушать до конца. Лука сидел и грустным взглядом провожал всех проходивших по улице. Внезапно его осенила забавная идея: интересно, что бы подумал Андукапар, если бы случайно заглянул сюда и увидел бы меня? Эта мысль немного развеселила Луку, и настроение у него исправилось.

Дворник допел до конца «Молодой пастух в Шираки», потом поднялся и сказал:

— Ну, я пошел, мне некогда с тобой рассиживаться.

Оба направились к воротам деловитой походкой. Поравнявшись с окном Мтварисы, Лука неожиданно спросил:

— Дядя, а где та женщина, которая здесь жила?

— Где?

— Вот здесь, — Лука указал пальцем на знакомое окно.

— Там никто не жил. Это прачечная.

— Как же нет, я ее знал... Ее Мтварисой зовут, — не отставал Лука.

— Ты меня не учи, я здесь тридцать лет работаю и всех знаю. Какая еще Мтвариса? Это прачечная! — Дворник выпроводил Луку за ворота и сказал на про-

щанье: — Будет время, заходи! — и запер ворота изнутри.

Некоторое время Лука стоял в растерянности. Он пытался поразмыслить, ясно представить тот день, когда проник сюда впервые и увидел Мтварису, стоявшую у окна. Лука все прекрасно помнил. Он даже голос Мтварисы услышал. Но все-таки усомнился: «Может, мне все это померещилось. Может, Мтварисы и вправду нет на свете?»

Только теперь он вспомнил, зачем шел сюда, и направился к Куре. Конопатого Альберта не было. Если даже он и пришел, навряд ли стал бы ждать так долго.

День был серый, холодный, с Куры дул ледяной ветер.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Датико Беришвили еще раз предложил тете Нато обменять квартиру. На сей раз посредницей он выбрал Эмму, сестру Коротышки Рубена. Эмма была черноволосая хорошенькая женщина, круглолицая и пухленькая. В свое время многие парни на нее заглядывались, но, несмотря на такое настойчивое внимание, Эмма замуж так и не вышла и теперь жила вместе со своим братом, рядом с Датико Беришвили на первом этаже.

Тетя Нато, как и следовало ожидать, Эмму тоже выпроводила с отказом: пока я жива, сказала она, никому эту квартиру не отдам и передай этому бессовестному, чтобы он меня больше не тревожил. Эмма, в отличие от старого чувячника, все же старалась уговорить старушку, но у нее ничего не получилось, и ей пришлось уйти не солоно хлебавши. После ухода Эммы тетя Нато разнервничалась. Весь день она ворчала, прокли-

нала Датико Беришвили и тех, кто придумал войну, обрекая людей на муки и страдания.

— Надо держать ухо востро, Лука! Вместо того, чтобы протянуть нам руку помощи, ты видишь, как себя ведут некоторые?! — обратилась тетя Нато к племяннику, подняла глаза к потолку и перекрестилась: «Господи, только бы вернулись живыми моя сестра и зять, а там я сама рассчитаюсь с теми, кто не уважает честь нашей семьи!»

Лука убежал в другую комнату, чтобы не слышать голоса тетки, и украдкой утер слезы. В одиночестве он долго размышлял и мечтал о возвращении родителей. Он ясно представлял себе тот день, когда вернувшийся с фронта отец сквитается с Датико Беришвили, хотя он не до конца понимал, в чем заключалось неуважение к чести их семьи.

В тот же вечер, когда Андукапар услышал от Луки, что Датико Беришвили опять присылал человека для переговоров по поводу обмена, он грустно улыбнулся, продолжая клеить пакеты. Лука обеими руками, облокотившись на стол, следил за движением тонких пальцев Андукапара. Пальцы с удивительной быстротой и ловкостью складывали и склеивали концы бумаги. С такой же скоростью росла стопка пакетов, уложенных в правом углу стола.

На столе мерцала маленькая керосиновая лампа.

— Люди прикованы друг к другу тяжелой цепью необходимости, — сказал Андукапар, — тяжелой цепью нужды... к сожалению, это так... Степень человеческих взаимоотношений определяется тем, насколько мы нуждаемся друг в друге. Видишь, что происходит? Я тебя считаю своим другом и в то же время нахожусь в добрых отношениях с тем человеком, который хочет навредить вашей семье. По правилу, я должен наплевать

на все и швырнуть эти бумажки в лицо Датико Беришвили. Но я не только не сделаю этого, а улыбнусь ему, если он сейчас войдет сюда, и подам ему руку. При этом я буду польщен, что он изволил меня посетить. Почему? А потому, что мое существование зависит от этого человека. Вот так. В свою очередь Датико Беришвили тоже от кого-то зависит и к кому-то прикован, тот прикован еще к кому-то, и так до бесконечности тянется эта тяжелая цепь.

Андукапар помолчал, дал рукам отдохнуть, потом сказал:

— Впрочем, такие отношения не имеют никакой ценности: пропадает необходимость, безболезненно распадается цепь. Драгоценна только истинная любовь и дружба, верная, бескорыстная, вот такая любовь, которой я люблю тебя, или такая дружба, как у нас с тобой. Ведь ты ничего не ждешь от меня? Да и что с меня взять — с получеловека?!

Лука снова расчувствовался и решил уйти. Но кое-как сдержался и все-таки не прослезился. Ему стало до боли жаль друга, он никогда об этом не задумывался, только сейчас ему дали понять и прямо сказали, что Андукапар — получеловек. Он почему-то пристыженно смотрел на него, полулежащего в кресле с велосипедными колесами, в свою очередь с печальной улыбкой взирающего на собственные руки, недвижно покоящиеся на бумаге для склеивания пакетов.

— Ты понял, что я тебе сказал?

— Не знаю...

— Если хочешь, я повторю более понятно.

— Нет, не хочу, я все понял. — Лука, конечно, не очень хорошо понимал, о чем говорил Андукапар.

— Необходимость сковывает людей тяжелой цепью, дружба — невидимыми нитями; но у этой невидимой ни-

ти все же есть один недостаток: то, что она невидима. Она может так порваться, что ты этого не заметишь до конца жизни. — Андукапар на время умолк, потом заговорил снова. — О-о, это ужасно!

Опять наступило молчание. На этот раз его нарушил Лука.

— Андукапар, существует ли на свете счастье?

— Почему ты об этом спрашиваешь? Откуда появилась вдруг у тебя такая мысль? — улыбнулся Андукапар.

— Не знаю...

— А все-таки?

— Просто так, мне интересно.

— Этот вопрос так стар, что даже немного попахивает банальностью. На этот вопрос всегда отвечают вопросом: сначала надо выяснить — что такое счастье? То, что является счастьем для тебя, для другого может оказаться бедой. Счастье — особое понятие, и поэтому оно мучает нас на протяжении веков...

В этот момент Андукапара прервал осторожный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Андукапар.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Коротышка Рубен, безбородый, с посиневшим от холода сморщенным личиком.

— Здравствуйте!.. — он снял кепку и снова надел ее. — Я должен забрать пакеты... Ты все сделал?

— Сделал, — ответил Андукапар.

— Это все? — спросил Коротышка, взглянув на стопку пакетов.

— Нет, еще под столом.

Лука влез под стол и вытащил две большие связки.

— Отлично поработал! — похвалил Рубен.

— Да так себе.

— Сколько здесь?

— Не знаю, не считал.

— Я сам сосчитаю. Ты мне доверяешь?

Андукапар улыбнулся и развел руками: какой, мол, может быть разговор!

— Вы слышали новость? — с коварной улыбкой спросил Коротышка.

— Нет. А что случилось? — заинтересовался Андукапар.

— Иза пропала.

— Иза?

— Да! Вчера не вернулась домой и сегодня не появлялась.

Андукапар почему-то посмотрел на Луку и снова уставился на Рубена.

— Дядя Ладо с ума сходит. Всю ночь не спал и сегодня целый день по улицам рыщет, — продолжал Коротышка.

— Может, она ушла к матери? — высказал подозрение Андукапар.

— Дядя Ладо тоже так сказал. Но никто не знает, где живет ее мать.

— Надо сообщить в милицию.

— Сообщили. Они тоже ищут.

— Как бы с ней чего не случилось. Жалко. Такая славная девочка.

— Славная, но углядеть за ней трудно.

— Почему?

— Да потому, что она все норовит сбежать.

— Куда ей бежать?!

— Не будь здесь Луки, я бы тебе сказал.

— Ты не думай, что Лука маленький, он больше нашего понимает.

— Эту девчонку, хотя и свяжешь, все одно — не удержишь, — тоном опытного человека заявил Коро-

тышка. — Меня не обманешь, у нее все тело так и горит.

— Это верно, — подтвердил Андукапар.

— Я знаю, оттого и говорю. С ней бы наши ребята справились, но где они?! — Коротышка помолчал и добавил: — Пришло извещение о смерти Пето.

— Что ты говоришь!

— И Пето погиб, и Джибо.

— И Пето и Джибо?

— Да!

— Пропади оно все пропадом, какие ребята погибли!

— Эх! — вздохнул Коротышка, взялся за обе связки и потащил их к дверям.

— Давай я помогу тебе, — предложил Лука.

— Не надо, я сам справлюсь.

Коротышка ушел. Лука прикрыл дверь и вернулся к столу. Андукапар, откинувшийся на спинку своего кресла с закрытыми глазами, худой и бледный, при свете лампы был похож на покойника. Лука не вынес тишины и на цыпочках вышел из комнаты.

На балконе было темно и холодно. Он быстро заскочил в галерею.

— Кто там? — спросила из комнаты тетя Нато.

— Это я, Лука!

И в галерее, и в комнате было так же темно и холодно, как на балконе. Тетя Нато уже лежала в постели, хотя еще не было и восьми.

— Холодно, правда?

— Да, очень.

— Ты тоже ложись и согреешься.

— Мне не хочется ложиться.

— Замерзнешь.

— У Андукапара теплее.

— Тогда оставался бы у него. Зачем сюда спешил?

— Не знаю. — Лука на ощупь отыскал вешалку и снял пальто.

— Что ты там ищешь?

— Ничего. Пойду опять к Андукапару.

— Ладно. Только не засиживайся допоздна.

Лука накинул пальто и вышел на балкон. Он и не думал возвращаться к Андукапару, подошел к перилам и выглянул в окно. Двор, как и весь город, был окутан холодной и молчаливой мглой. Эта мгла была совсем близко, настолько близко, что прикасалась к Луке своей холодной шерстью и прикрывала ему глаза своими пухлыми ледяными лапами. Луку будоражило какое-то неясное беспокойство, растревоженный, он не находил себе места. На ощупь спустился по лестнице и вышел во двор. Тьма и безлюдная тишина пугали и в то же время притягивали его к себе, как трясина. Тьма как будто что-то сулила ему, обещала объяснить необъяснимое, раскрыть неведомое. Но сердце все же трепетало от страха, и в темноте ему мерещились люди в серых халатах. Они парами разгуливали по двору, мирно беседовали и удивительно походили друг на друга походкой, жестикуляцией и белыми штанинами кальсон, которые выглядывали из-под халатов.

Так же на ощупь Лука добрался до голубятни Рубена. Не отпуская рук, взглянул на галерейку дяди Ладо — окна были едва освещены. Видно, в комнате чуть тлела лампа, и ее слабый свет просачивался в галерею. От любопытства и волнения у Луки бешено колотилось сердце. Ему очень хотелось знать, что происходило там, в комнате дяди Ладо. Хотя, судя по этому замерзшему бледному огоньку, ничего значительного там не происходило. Должно быть, Изу так и не нашли или дядя Ладо еще не вернулся.

— Мальчик, поди сюда на минутку! — окликнул Луку голос, раздавшийся где-то совсем близко.

Несмотря на то, что эти слова были произнесены негромко, почти шепотом, Лука вздрогнул, и ноги у него подкосились. Внезапно его охватила дрожь, и он с трудом удержался, чтобы не упасть. Хотя сейчас к нему по-русски обращалась какая-то женщина, но ему почему-то казалось, что его звала Мтвариса.

— Не бойся, мальчик...

— Кто ты? — спросил перепуганный Лука, успев, однако, подумать: откуда она может знать в такой темноте: мальчик я или взрослый.

— Я скажу, скажу, кто я... Только не кричи, — повидимому, женщина сидела под липой, а может, стояла. Луке показалось, что там же на столе пристроилась кошка и таращила на Луку свои круглые глаза.

— Хорошо, — сказала женщина. — Если ты боишься, не подходи. Мне все равно, там ты будешь стоять или подойдешь сюда. Единственным благом одарил меня господь: я днем и ночью вижу одинаково, одинаково различаю предметы, — сейчас я вижу, как испуганно ты на меня глядишь. Ты боишься меня, но я говорю тебе, не бойся. Я добрый человек, может я добрее всех на свете, в моей душе нет ни капли злобы. Я только что привела вашу соседку Изу, которую куда-то тащили двое пьяных. Сама она тоже была пьяна и ничего не соображала. Я вырвала ее у пьяных и привела сюда. Она была настолько пьяна, что с трудом нашла собственный дом. Но разве люди ценят добро? Я спасла им дочь, привела ее нетронутою, в целости-сохранности, а вместо благодарности старики выгнали меня, как уличную бродяжку. Не дали мне слова сказать. Наверно решили, что я ее подруга и все эти дни провела с ней вместе. Я совсем не знаю Изу, сегодня я ее встретила совершенно

случайно... — женщина замолчала, и в темноте еще раз сверкнули кошачьи глаза.

Луку немного успокоил рассказ женщины, но подходить ближе он все же не решался.

— У меня есть к тебе одна просьба, мальчик. Мне негде ночевать, может, кто-нибудь приютит меня на одну ночь. Сегодня очень холодно, и если я останусь на улице, я замерзну. А завтра я пойду своей дорогой. Я думала, что они из благодарности хотя бы разрешат мне переночевать одну ночь, но они захлопнули дверь у меня перед носом. Они были так встревожены и рассержены, что даже не взглянули на меня... Неужели в таком большом доме не найдется уголка для одного человека? Я беженка, почти всю Украину пешком прошла... — Женщина замолчала так неожиданно, словно вдруг потеряла голос.

— Хорошо, — сказал Лука, — я сейчас пойду и скажу тете, если она разрешит, я позову тебя, подожди немного!

— Конечно подожду, куда же я денусь. Я отсюда никуда не пойду. На улицу выходить уже нельзя.

— Если тетя не разрешит, я могу сказать своему другу. Пойдешь со мной?

— Конечно! У меня нет другого выхода.

— Пошли.

Лука по звуку шагов почувствовал приближение женщины.

— Дай мне руку, — сказала она, — тебе наверно трудно идти в темноте.

Лука вытащил руку из кармана пальто и протянул женщине.

— Идем сюда.

— Куда, к лестнице?

— Да, к лестнице.

Лука почему-то думал, что у женщины будет холодная, замерзшая рука. Он, словно слепец, доверился широкой и теплой ладони. Подойдя к лестнице, он высвободил руку и бегом взбежал наверх. На первом этаже он задержался, оглянулся в темноту и побежал дальше. В комнате Андукапара по-прежнему мерцала лампа. Лука остановился у двери и подождал незнакомку. Ждать пришлось недолго, вскоре на балконе вырос высокий силуэт. Лука был поражен, он не мог себе представить, что она такая высокая или что у такой рослой женщины может быть такой тихий и спокойный голос.

Женщина остановилась возле лестницы и прислонилась к столбу.

— Я сейчас, — сказал Лука и осторожно открыл дверь.

Андукапар взглянул на него искоса и улыбнулся. Стол был уже убран, и Андукапар читал при свете лампы.

— Это ты, Лука, а я думал, ты пошел спать.

— Нет. Я был во дворе.

— Во дворе? Что тебе там понадобилось?

— Не знаю...

— Ишь, шакаленок, и чего ты бродишь нынче ночью?

— Андукапар, там одна женщина, ей негде ночевать.

— Женщина? — удивился Андукапар. Схватился рукой за правое колесо и повернул кресло к дверям.

— Она говорит, что привела Изу. Случайно встретила на улице. Какие-то пьяные мужчины хотели ее увести, а она не пустила.

— Нет! Этот человек сведет меня с ума! Она что, тоже пьяная?

— Нет. Если ты не можешь, я разбужу тетю Нато.

— А ну приведи ее, посмотрим, что это за птица!

Лука открыл дверь, женщина стояла там же, прислонясь к столбу.

— Войдите! — позвал ее Лука и сам отошел в сторону.

Незнакомка вошла.

— Здравствуйте! — поздоровалась она и закрыла за собой дверь.

Женщина была в старых стоптанных сапогах и таком же старом ватнике, голова ее была так низко повязана белым платком, что казалось, будто волосы у нее обриты. Войдя в комнату, она огляделась по сторонам, потом взглянула на Луку и улыбнулась.

— К сожалению, я попала в мужское общество. Наверно, это будет неудобно и для вас, и для меня, если я останусь здесь ночевать.

— Садитесь, если вам в самом деле негде ночевать, мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо.

— Снимите ватник. Здесь не так уж холодно.

— Конечно... только...

— Не стесняйтесь... Чувствуйте себя, как дома.

— Спасибо.

— Лука, поухаживай.

Лука взял ватник и повесил у дверей на железную вешалку. Обернувшись, он увидел, что незнакомка стоит возле мраморного умывальника с овальным зеркалом. Она сняла с головы белый платок, и густые, черные как смоль волосы рассыпались по ее плечам. Потом она смущенно направилась к столу, выдвинула стул и села, опустив руки поверх сложенного на коленях платка. Лука заметил и то, что Андукапар не сводит с женщины удивленного взгляда: он смотрел на гостью и молчал, словно язык проглотил.

— Ну, я пошел, — сказал Лука.

— Куда же ты? — спохватился Андукапар. — Поставь на керосинку чайник. Мы же должны чем-нибудь попотчевать гостью. Снимай пальто!

Лука снял пальто и захлопотал: зажег керосинку и поставил чайник.

Андукапар наконец оторвал взгляд от женщины, рассеянно прокатился взад-вперед по комнате и снова подъехал к столу.

— Может, в самом деле мне неудобно здесь оставаться? — спросила женщина.

— Нет-нет... — ответил Андукапар.

— Знаете что, если...

— Мне кажется, нам пора познакомиться. Это Лука, я — Андукапар, а как вас зовут?

— Богдана... Богдана Вайда.

— Судя по имени и фамилии, вы должны быть украинкой.

— Да! Я родилась и выросла в Бориславле.

— Вы, наверно, беженка.

— Да.

— Поселились в Тбилиси?

— Нет, в Мцхета.

— Значит, вы и работаете в Мцхета?

— Как вам сказать... В наше время это может показаться странным... Что поделаешь... Я монашка.

— Монашка?

— Да.

— Разве в Мцхета есть действующий монастырь?

— Конечно.

— Я не знал. Где он расположен?

— Прямо над станцией, по ту сторону железной дороги. Если ехать отсюда, то слева. Он скрыт горами и снизу не виден.

— А в Бориславле вы тоже были монашкой?

— Нет. Я закончила техникум и работала счетоводом в ткацкой артели.

— Что же вас вынудило здесь стать монашкой?

— Я пошла за своей теткой в тыл, за тетей и ее подругами... Они все монашки. В страшных муках добрались до Грузии... Такое перенесли, что лучше не вспоминать. Приехали совсем больные. Как только я немного оправилась, меня постригли в монахини.

— Почему вы согласились?

— Потому что не видела другого выхода. Единственный путь к спасению души я видела в боге... Вам никогда не понять, что я перенесла.

— Конечно, не понять, но представить могу.

— Трудно.

— Знаю, что трудно.

— Если вы не вернетесь к утру, ваши, наверно, будут горевать.

— Наверно... Но дело в том, что я ни завтра, ни послезавтра не собираюсь туда возвращаться.

— А когда вы туда вернетесь?

— Никогда!

— Никогда?

— Никогда!

— Почему?

— Я не могу там жить.

— Но вы же говорили, что видели в боге единственное спасение?

— Я и сейчас так думаю, но для этого монастырь вовсе не обязателен. Кроме того, я не могу подчиниться некоторым христианским догмам. Я их не проверяла в жизни, хотела принять их на веру, но все время чувствовала и сейчас ощущаю по отношению к ним внутреннее сопротивление, и это ранит мне душу.

— И что же вы собираетесь делать?

— Наверно, найду какую-нибудь работу. Только не в Мцхета. Там наши отыщут меня и вернут обратно.

— Чайник вскипел! — вполголоса сообщил Лука.

— Прекрасно! Накроем стол и пригласим гостью, посланную нам богом! — улыбнулся Андукапар и быстро покатил свое кресло к буфету.

— Я вам помогу, — встала с места Богдана.

— Да ничего у нас такого нет, чтоб потребовалась ваша помощь.

— Тогда я хотя бы вымою руки, с утра не умывалась.

— Лука, есть вода в умывальнике?

— Есть, я наливал недавно.

Богдана направилась к мраморному умывальнику. Прежде чем вымыть руки, она заглянула в зеркало и поправила волосы. Потом взяла обмылок стирального мыла и начала мыть руки. Андукапар и Лука тем временем накрыли стол: три тарелки, три чашки, три ложки и сахарница. Богдана вытерла руки полотенцем и вернулась к столу.

— Мы забыли чай, — сказал Андукапар, взглянув на стол.

Лука принес фарфоровый чайник и разлил заварку в чашки.

— А ну-ка, загляни в сахарницу, Лука, осталось ли там что-нибудь?

Лука снял с сахарницы крышку и заглянул в нее:

— Три подушечки.

— Ты видишь, как справедлив бог, — улыбнулся Андукапар и взглянул на Богдану, потом повернулся к Луке. — Мы с тобой ни за что бы не поделили эти три подушечки. Мы даже могли поссориться, а теперь мы распределим их безболезненно.

Лука отставил чайник и задул керосинку. Из керо-

синки пошел дым, и комната наполнилась острым запахом керосина.

— Какой плохой керосин! — сказал Андукапар.

Все трое принялись за чай. Все трое осторожно откусывали конфету и запивали горячей, ароматной жидкостью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эту ночь Андукапар провел у Луки. Когда Андукапар въехал в комнату на своей коляске, тетя Нато проснулась и с перепугу вскричала: «Кто там? Что случилось?» Лука и Андукапар успокоили ее и объяснили, в чем дело. Старушка моментально вскочила с кровати и потребовала, чтобы зажгли лампу.

Лампу зажег Лука.

— Вы хоть понимаете, что натворили, — обратилась к ним обоим тетя Нато. — Как можно оставлять в квартире незнакомого человека?! Как будто вы не знаете, какое сейчас страшное время! Брат брату не доверяет, а уж посторонним людям...

Тетя Нато долго говорила о том, какое теперь страшное время и какие бывают доверчивые глупцы. Она вспомнила несколько убедительных примеров, как дурно поступали некоторые бродяги и мошенники в ответ на доверие добрых и наивных людей, но Андукапар все равно стоял на своем. Я предпочитаю, чтобы меня обокрали, заявил он, чем выгонять человека на улицу. «Как знаешь!» — ответила тетя Нато.

Лука подумал, что Андукапар ляжет на тахту в галерее, но он не захотел сходить со своего кресла, только попросил накрыть его одеялом и получше подоткнуть.

Лука поставил лампу на комод. В соседней комнате

продолжала недовольно бормотать тетя Нато. Ворчать она перестала, как только закрыли дверь, во всяком случае, ни Лука, ни Андукапар больше ничего не слышали.

— Будем спать, — сказал Андукапар.

— Сейчас потушу лампу, — Лука подошел к комоду, чтобы погасить лампу.

— Сначала подоткни мне одеяло, а то под лопатки немного поддувает.

Лука как следует закутал Андукапара и погасил лампу. В темноте он добрался до своей кровати и начал раздеваться. Потом лег в холодную постель и долго ворочался, пока не устроился поудобнее. Он был возбужден и обрадован. Сначала он и сам не знал, почему он так обрадован и возбужден. Но потом в сознании его постепенно прояснилась причина этой радости и возбуждения. Ему не спалось и вдобавок не терпелось поговорить с Андукапаром, но из кресла не доносилось ни звука, и он не решился будить только что уснувшего друга.

В душе у Луки уже разгоралась искра надежды. Раз Богдана прошла через всю Украину, и осталась жива, почему не могла таким же образом спастись его мать? Он не раз слышал от Андукапара, что большинство беженцев на разных видах транспорта, эшелонами двинулись от линии фронта в тыл. Эту надежду Луке хотелось подкрепить беседой с Андукапаром, но тот, к сожалению, спал.

Лука долго метался в постели, очевидно, даже какие-то слова у него вырвались вслух, потому что Андукапар заерзал в своем кресле и спросил:

— Что с тобой, Лука, почему ты не спишь?

— Не знаю, не спится. Я не разбудил тебя?

— Нет, я тоже не сплю. В последнее время что-то

со мной происходит. Я чувствую себя виноватым перед тобой, Лука. Помнишь, я тогда запретил тебе думать о Мтварисе? А потом сам стал о ней думать потихоньку. Теперь мне кажется, что я без спросу ворвался в твой мир и что-то у тебя отнял.

Лука ничего не ответил. Потому что не понял, что значит «без спросу ворвался в твой мир и что-то у тебя отнял».

— Она тебе так и сказала, что тело у нее разрывается на четырнадцать частей и каждая часть болит своей, особенной болью?

Лука сначала не понял, о чем спрашивал Андукапар, потом вдруг вспомнил Мтварису.

— Да, так и сказала.

— И эту боль она связала с луной — луна, мол, тоже распадается на четырнадцать частей?

— Да, она так говорила... хотя не помню, говорила или нет.

— Как странно! Ты знаешь, что это в самом деле связано с лунными фазами. Ведь именно четырнадцать дней проходит от новолуния до полнолуния.

Андукапар замолчал. Он молчал долго, как будто дожидался, что скажет Лука, какое впечатление произвели его слова. Но Лука ничего не сказал, ибо внутренне усомнился в словах Андукапара. Его сознание не могло осмыслить, как боли у человека могут быть связаны с луной.

— Я много думал о Мтварисе, так много, что... даже иногда видел ее совсем как живую... я уверен, что Мтвариса — не настоящее имя, это она сама себя назвала. Знаешь...

— Мтварисы не существует! — прервал Лука эти размышления вслух. Он неожиданно почувствовал раздражение.

— Как это не существует?! — поразился Андукапар.

— Я был там недавно.

— Где?

— В сумасшедшем доме.

— Ну и что?

— Нет никакой Мтварисы!

— Может, ты просто не видел ее?

— Нет! Мне сказал сторож — там нет никакой Мтварисы!

— Может, он ошибся? Ты показал ему окно?

— Да, он сказал, что это прачечная.

— Может, он скрыл от тебя?

— Он сказал, что всех знает, потому что уже тридцать лет там работает, и не слышал ни о какой Мтварисе.

— Но ведь ты видел ее собственными глазами?!

— Не знаю.

— Нет, этот человек с ума меня сведет! Ты ведь не мог это все сочинить! Не мог придумать Мтварису!

— Не знаю.

— Что значит «не знаю!» Ты видел ее наяву?

— Мне кажется, видел.

— Лука, может, ты перепутал окно?

— Может, и перепутал.

— А-ну, подумай как следует.

— Нет, не перепутал.

— Подумай хорошенько.

Лука задумался, но вместо Мтварисы перед глазами стояли двое в серых халатах, неспешно прогуливающиеся в полутемном коридоре. Давай-ка расскажу и про них Андукапару,—решил он, но сразу передумал,— не стоит. Лука не думал, что новое известие о Мтварисе так взволнует Андукапара. Волнение Андукапара оста-

валось ему непонятным, но он чувствовал, что это раздражает его еще больше.

— Мтварисы не существует!

Андукапар молчал. Вполне возможно, что он просто задремал.

Лука был уверен, что они всю ночь будут говорить о Богдане, ибо ее появление произвело на него странное впечатление. Сначала он не задумывался над этим, и только теперь его память отметила, как изменился Андукапар с появлением Богданы, как преобразился его голос, улыбка. Руки у него дрожали, несколько раз он даже пролил чай. Старался быть веселым, но у него почему-то не получалось...

Потом Лука ощутил угрызения совести: Маико уже вторую неделю болела, а он ни разу ее не навестил. Даже не знал, чем она была больна. Завтра же пойду и навещу ее, — улыбнулся Лука, довольный тем, что вспомнил Маико. Потом он припомнил, как поцеловал ее на кладбище и как они шли под руку по Сванетскому району. «Когда вырасту, непременно женюсь на ней», — подумал Лука. Это неожиданное решение так удивило его самого, что он чуть не присвистнул. Потом увидел очень ясно, как Маико лежала на своей любимой тахте, устремив глаза в потолок. Знакомое видение вызвало у него блаженную улыбку, и приятная дрожь пробежала по всему телу. Свой визит к Маико Лука вспоминал часто, и это действовало на него всегда по-разному: иногда волновало, иногда успокаивало, порой угнетало. Сейчас он ощутил дурманящее блаженство...

Утром он проснулся от крика тети Нато. Ничего не понимая, он открыл глаза и огляделся: Андукапара в комнате не было. Тетя Нато истошно кричала. А вдруг Богдана обокрала Андукапара? — подумал Лука и тот-

час вскочил. Закутавшись в одеяло, он выбежал в другую комнату.

Тетя Нато сидела на тахте, била себя руками по голове и царапала щеки: Андукапар и Богдана удерживали ее, и Лука сразу понял, что Богдана тут не при чем: какое-то новое несчастье разразилось над их головами.

Андукапар и Богдана напрасно успокаивали тетю Нато. Упав на тахту, она громко рыдала, и ее худые, слабые плечи жалобно вздрагивали.

— Что случилось?! — спросил ошеломленный Лука.

На Луку никто не обратил внимания — ни Андукапар, ни Богдана. Они пытались успокоить тетю Нато и, возможно, даже не слышали вопроса Луки. Но Лука не такой простак, чтобы поверить, будто они его не слышат. Было ясно, что оба не хотели ему отвечать. Закравшееся в душу Луки робкое подозрение теперь взорвалось со страшной силой и потрясло его душу и тело, лишило его на время и слуха, и голоса, и зрения. Потом он пришел в себя, вернулся в свою комнату и, не снимая одеяла, сел на кровать. «Случилась какая-то беда, — думал Лука, — наверно, с мамой... Из-за отца тетя Нато не стала бы так убиваться... Хотя нет... Тетя Нато теперь...» Он не успел закончить свою мысль, как в комнату вошла Богдана. Она подошла к Луке, погладила его по голове и опустилась перед ним на одно колено.

— Лука, очень дурные вести... Очень печальные... Мы сначала хотели скрыть от тебя, но ты уже большой мальчик... — начала Богдана.

— Мама? — прервал ее Лука.

— Нет! — на короткий вопрос также коротко ответила Богдана и умолкла. Потом поднялась и некоторое время, скрестив на груди руки, ходила по комнате.

В соседней комнате прекратился плач, оттуда больше не доносилось ни звука.

— Лука, извещение очень плохое, но умный человек не должен верить этой бумажке до конца... Знаешь, что я тебе скажу, Лука, я видела своими глазами все, что там происходит, и скажу тебе прямо: нет на свете такой силы или такого средства, которое бы могло сейчас точно измерить несчастья, происходящие в этом аду. Попробуй определить, кто спасся, кто погиб, а кто попал в плен...

Дверь отворил перепуганный Андукапар.

— Богдана, идите сюда, помогите мне! Лука, скорей одевайся и зови соседей. Твоей тете плохо!

Богдана быстро вышла. Лука поспешно оделся и тоже выбежал в другую комнату. Тетя Нато лежала навзничь на тахте, тяжело дыша, и лицо ее было землисто-серым.

Лука через две минуты поднял на ноги соседей. Тете Нато дали понюхать нашатырный спирт, натерли виски. Эмма, сестра Коротышки Рубена, то и дело меняла ей холодные примочки. «Что делать?» — думал растерянный Лука. Он вышел в другую комнату и бесцельно слонялся из угла в угол. Потом он подошел к окну и выглянул на улицу.

Возле железных ворот ветеринарной клиники стояла разбитая кляча, запряженная в фургон. Мимо брел старик. Поглядел на лошадь и пошел дальше. На фургон взлетели два воробья. Что-то поклевали и улетели, сели неподалеку на карниз двухэтажного дома. Окна второго этажа изнутри были закрыты ставнями. Возле клячи остановились двое патрульных, долго разглядывали лошадь, один даже похлопал ее по крупу. Кляча не шелохнулась. Потом патрульные ушли. Со двора ветеринарной клиники вышла женщина с полным ведром воды и скрылась за деревянными воротами двухэтажного дома. Со скрежетом промчался пустой трамвай.

«Что делать?!» Со двора двухэтажного дома выбежа-

ла маленькая девочка, в руках она держала бутылку. Девочка тоже остановилась возле клячи и долго ее разглядывала. Потом опять побежала, обо что-то споткнулась, уронила бутылку, и осколки рассыпались по мостовой. Бутылка была пустая. Девочка вернулась назад и исчезла за воротами двухэтажного дома. Низенькая толстая женщина ногой смахнула с тротуара осколки. Возле фургона остановилась карета скорой помощи. Шофер о чем-то спросил низенькую толстуху. Та пожала плечами и пошла своей дорогой...

«Что делать?!» — снова подумал Лука и отошел от окна. Потом он вдруг вспомнил, что соседи недавно вызывали скорую помощь. Может, это та самая машина, которую они ждут? Лука снова кинулся к окну и выглянул на улицу. Машины уже не было.

Лука почти бегом пересек комнату, в галерее его остановила Эмма и спросила:

— Ты куда?

— «Скорая» пришла! — ответил Лука.

Когда он выскочил на улицу, «скорая» стояла у ворот.

— Здесь больной? — спросил шофер.

— Да! — ответил Лука, глядя на машину, как на долгожданное спасение. Из машины вылезли две женщины в белых халатах. Вторая с трудом протащила через дверцу тяжелый деревянный сундучок.

— Куда идти? — спросила первая.

— Туда... третий этаж, направо.

Женщины в белых халатах вошли во двор. Шофер тотчас улегся на бок и закрыл глаза. Приготовился подремать. Лука хотел было последовать за врачихами, но ноги не подчинялись ему.

Руки и уши замерзли. Руки он засунул в карманы, с ушами ничего поделать не мог. Съежившись от холода, он пошел вдоль улицы. Возле ветеринарной клиники фур-

гона уже не было. Разбитую клячу либо взяли на учет, либо махнули на нее рукой как на безнадежную. Мостовую пересек старый чувячник, испуганно озираясь, как бы не угодить под колеса. Но ни с одной, ни с другой стороны не было видно ничего, что могло бы угрожать ему. Старик нес свой паек хлеба — четыреста граммов. Поднявшись на тротуар, он так разглядывал хлеб, словно держал в руках невесть какую драгоценность и не мог решить окончательно: покупать ее или не покупать.

По ту сторону улицы от хлебного магазина тянулся длинный хвост. Кто-то пытался пролезть без очереди, бранясь и толкаясь. В другое время Лука с удовольствием бы остановился поглазеть, но сейчас его совсем не интересовала хлебная очередь, и вдобавок он ужасно замерз без пальто и без шапки.

С угла Водовозной улицы виднелся знакомый купол церкви, черно-серые косматые тучи делали небо низким, и эта холодная и властная тяжесть давила на город. Лука бегом миновал Водовозную улицу, прошел мимо длинного ряда ларьков и киосков и остановился возле церковного двора. Вымощенный булыжником дворик выглядел так, как будто его только что чисто вымели.

Лука вошел во двор. Обогнул церковь и остановился возле знакомой галереи. Осторожно постучал в оконное стекло. Никто не отозвался. Он постучал еще раз, теперь уже смелее.

— Кто там? — это голос Маико.

— Это я, Лука!

— Кто?

— Лука!

— Заходи, Лука, дверь открыта! — пригласила Маико.

Лука толкнул дверь и вошел. Он отодвинул кизилового цвета занавеску и заглянул в полутемную комнату. Маико лежала на своей любимой тахте. Она утопала в

мягкой постели и подушках, и ее почти не было видно.
Лука шагнул в комнату и остановился.
— Здравствуй, Маико! Как ты себя чувствуешь?
— Сейчас ничего.
— Ты простыла?
— Да, простыла. У меня был грипп.
Лука сделал еще два шага.
— Не подходи близко, — сказала Маико, — я еще не совсем выздоровела.
— У тебя температура?
— Да. Садись.
— Ты одна?
— Да. Мама ушла за хлебом. Садись.
— Как у вас тепло.
— Да, тепло. Почему ты не садишься?
— Не знаю... Я, пожалуй, пойду.
— Ты был сегодня в школе?
— Нет.
— Почему?
— Да так... неохота...
— А я соскучилась... Почти две недели болею.
— Десять дней!
— Да, десять дней.
— Не знаю... Я если даже двадцать дней не буду ходить в школу, все равно не соскучусь.
— Садись, прошу тебя!
— Еле отогрелся... Уши горят.
— Ты без шапки?
— Ага.
— Простудишься!
— Простужусь так простужусь.
— Ты не в настроении?
Лука пожал плечами.
— Тебя обидел кто-нибудь?

Лука опять передернул плечами.

— Зачем же ты тогда пришел, если не хочешь садиться?

— Знаешь что, Маико?

— Что?

В комнате стало тихо.

— Мой отец погиб! — после долгого молчания произнес Лука.

— Погиб?! — Маико приподнялась на постели.

— Сегодня пришло извещение... — Лука хотел сказать еще что-то, но горло перехватило, и глаза наполнились слезами. Все вокруг стало мутным и расплывчатым. Свисавший со стены пестрый персидский ковер потерял свои краски и растворился в пространстве. Лука с усилием проглотил слюну и протер кулаком глаза. У Маико сидящей на тахте, по щекам текли слезы. Потрясенная, она смотрела на Луку.

— Я пойду! — сказал Лука.

— Хочешь, я встану? — плачущим голосом спросила Маико.

— Нет, нет!

— Ты выйди в галерею, а я быстро оденусь! — Маико тоже вытирала слезы кулаком.

— Знаешь что, Маико?

— Что?

— Я еще что-то хотел сказать... Скажу в другой раз, ладно? — Лука вышел в галерею. — До свиданья!

— Лука!

— Чего тебе? — отозвался Лука из галереи.

— Скажи сейчас.

— Потом скажу.

— Нет, сейчас, очень тебя прошу!

— Знаешь, Маико, у меня нет никаких друзей, кроме тебя! — Лука взялся за ручку двери и прежде, чем от-

крыть, на минуту задумался, потом сказал громко, чтобы слышала Маико: — Андукапар и ты!

Почему-то с еще большей тяжестью на душе вышел Лука от Маико. И зачем я к ней пошел именно сейчас? — думал он по дороге. При этом у него было такое чувство, словно он кого-то обманул, обманул не только других, но и себя самого...

На улице он снова озяб и сунул руки в карманы брюк. Настроение портило еще и то, что он не удержался и распустил нюни при Маико. «Пришел, поплакал и ушел...» Лука повернул на Водовозную улицу, прошел мимо красильных мастерских и вышел к реке. Здесь он постоял недолго, так как с Куры тянуло ледяным ветром и промозглый холод пронизывал до костей.

Поднимаясь по Пескам, он посмотрел на мостовую у гаража автошколы — скорой помощи уже не было. «Пойду, — сказал он про себя, — тете Нато, наверно, лучше, и она испугается, когда увидит, что меня нет».

Возле хлебного магазина по-прежнему стояла длинная очередь, но уже успокоенная, медленно продвигавшаяся вперед. Лука теплыми руками потер уши и направился к дому. Мимо него кто-то промчался, бодро насвистывая. Лука сразу же узнал Конопатого Альберта.

— Эй, Альберт!

Тот остановился и взглянул на Луку. Конопатый Альберт очевидно тоже узнал Луку, лицо его почему-то скривилось, наверно, он хотел улыбнуться.

— Иди сюда! — сказал Лука.

— Чего тебе? — в глазах Альберта мелькнул страх.

— Говорю тебе, иди сюда!

— Чего тебе надо! Вот пристал!

— Иди, говорю!

— Ну, вот, пришел!

— Ближе!

— Ты думаешь, я тогда не приходил? Не такой я человек, Лука-джан, чтобы чужое барахло присваивать!

— Я ничего не думаю! — Лука вдруг схватил за шиворот Конопатого Альберта, прижал к стене и сначала стукнул одним кулаком, потом другим.

Альберт прикрыл лицо обеими руками и опустился на колени. Лука со всей силы ударил его, и он растянулся на тротуаре. Лука и теперь не отставал, сел на него верхом и со всех сил колотил кулаками по лицу.

Конопатый Альберт орал и звал на помощь. Лука не успокаивался.

— Они покалечат друг друга!

— Этот негодяй убьет его!

— Помогите! — кричали из толпы.

Потом чья-то сильная рука схватила Луку за шиворот и оторвала от Конопатого Альберта. Когда Лука поднял голову, над ним стояли двое мужчин. Один изрядно съездил ему по шее.

— Нашел слабака, паршивец?!

Луке наподдали еще раз.

— Убирайся отсюда, хулиган! — мужчина наклонился и поднял распластанного на тротуаре Конопатого Альберта.

— Вставай, вставай, не бойся!

На той стороне улицы забурлила, загудела хлебная очередь. Лука со страхом посмотрел на возмущенных людей—они размахивали кулаками, кричали, грозились. Если бы они не боялись потерять свою очередь, наверно, прибежали бы сюда, и тогда бы Луке не поздоровилось.

— Вы только поглядите на него, он еще здесь! — возмутился тот, который поднял и приласкал Конопатого Альберта, поглядывая в поисках сочувствия на хлебную очередь.

Очередь совсем обезумела:

— Держите его, не пускайте!

— Приведите милиционера!

— Где милиция?

— Только что торчал здесь этот чурбан!

Лука повернулся и пошел к дому. Он шел разбитый и подавленный. На ходу украдкой оглянулся на хлебную очередь, и при виде озлобленной толпы у него сжалось от обиды сердце. Он прислонился к стене автошколы, закрыл лицо руками и разрыдался.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тетю Нато в тот же вечер разбил паралич — у нее отнялась вся левая сторона. «Кто теперь будет ухаживать за старушкой», — с сожалением качали головами соседи, повздыхали и разошлись. Скорая помощь приехала еще раз. Андукапар осторожно намекнул врачихе, что за больной ухаживать некому и лучше было бы положить ее в больницу. Врачиха отказала, виновато улыбнувшись: «Мы вообще таких больных не берем, а тем более теперь, когда почти все больницы отданы под военные госпитали и лазареты».

— Что же нам делать? — спросил Андукапар.

— Не знаю, — ответила врачиха, и, извинившись, вышла из комнаты.

Андукапар и Лука проводили ее до лестницы.

— Вы нас должны понять, — Андукапар взял Луку за плечо, — у больной нет никого, кроме этого мальчика. Разве он сможет ухаживать за такой тяжелой больной?

— Как вы не понимаете, гражданин! Какой смысл укладывать эту женщину в больницу? Да если бы даже смысл был, поверьте, ее вернут назад, у нас нет мест!

Врачиха ушла.

Андукапар и Лука вернулись в комнату. Богдана не отходила от тети Нато. Тетя Нато беспомощно лежала на своей кровати, с перекошенным лицом, отвалившейся челюстью, глаза ее были широко раскрыты, и она смотрела на Луку, как будто хотела что-то ему сказать, но не могла. Время от времени глаза ее наполнялись слезами, и Богдана вытирала платком ее мокрые сморщенные щеки.

— Вам ведь немного лучше, тетя Нато? — спросил Андукапар.

Тетя Нато молчала. Она не сводила с Луки широко раскрытых глаз, в которых стояли страх и отчаянье. Время от времени глаза вновь наполнялись слезами.

Лука не выдержал пристального взгляда тети Нато и отошел от кровати.

— Послушайте меня, тетя Нато, — говорил Андукапар, — не бойтесь... Богдана обещает ухаживать и за вами, и за Лукой... Она будет спать здесь, в галерее, если согласитесь, конечно. Впрочем, другого выхода нет, кто присмотрит за Лукой, да и за вами нужен уход...

Лука опять подошел к кровати и поглядел на больную, ему было любопытно, как она отнесется к предложению Андукапара, разрешит Богдане остаться здесь или нет. Тетя Нато и на сей раз никак не отреагировала. Только упорно смотрела на Луку.

Согласие тети Нато уже не имело никакого значения, и в тот же вечер было решено, что Богдана остается у Луки.

И она осталась.

Не прошло и недели, как соседка устроила Богдану на швейную фабрику ученицей мастера. Богдана получала теперь продовольственные карточки. Шить она научилась очень скоро и приносила домой солдатские га-

лифе и гимнастерки. Покончив с хозяйством, она садилась за швейную машинку тети Нато и работала до поздней ночи.

Очень трудно было ухаживать за больной старушкой и за Лукой, да при этом еще работать на фабрике. Но Богдана все успевала и делала все на диво ловко. Даже оставалось свободное время. Это свободное время они проводили вместе — Лука, Богдана и Андукапар. Мирно беседовали, играли в лото.

Но Лука иногда догадывался, чувствовал, а иногда и просто замечал, что Андукапару и Богдане хочется побыть вдвоем. Тогда он оставлял их и шел заниматься или гулять с товарищами.

В одно воскресное утро Андукапар попросил Луку пойти с Богданой на сабурталинскую толкучку. Богдане, сказал он, нужно кое-что купить, ты пойди, а я присмотрю за тетушкой.

Лука с удовольствием сопровождал Богдану на рынок. Богдана купила пальто, платье и туфли. Наконец-то она скинула свой рваный ватник и старые сапоги и нарядилась в новую одежду. Лука не поверил своим глазам. Он никогда не думал, что одежда может так изменить человека.

Андукапар и Лука сидят за столом и не сводят с Богданы восхищенных глаз. Она только что вошла в комнату и кокетливо прохаживается перед ними в поношенном драповом пальто с кроличьим воротником. Потом Богдана снимает пальто, аккуратно вешает его на вешалку и остается в скромном платье, сшитом из грубой серой шерсти. Сияющая, счастливая, раскинув руки, стоит она перед ними и улыбается — полюбуйтесь: вот она я!..

Андукапар и Лука захлопали в ладоши, Богдана вежливо поклонилась обоим, потом снова прошлась, подчеркнуто покачивая высокими бедрами и оглядывая

себя со всех сторон, чтобы убедиться, хорошо ли сидит на ней платье.

В субботу вечером явился представитель загса со своим журналом и оформил брак Андукапара и Богданы. Свидетелями выступали Коротышка Рубен и Иза. Лука, разумеется, тоже присутствовал, но в свидетели он не годился.

Свадьбу «справили» в тот же вечер. За столом сидели пятеро: Богдана, Андукапар, Рубен, Иза и Лука. Первый тост за молодых поднял Рубен Налбандишвили, пожелал им здоровья, долгой жизни и счастья. Потом он извинился, сославшись на занятость, надел свою огромную кепку и распрощался со всеми. Богдана и Андукапар сердечно его поблагодарили, ибо именно ловкий и обходительный Рубен привел домой представителя загса.

Богдана и Андукапар сидели во главе стола. И один, и другая выглядели очень довольными и счастливыми. Андукапар был в белой крахмальной сорочке и своем старом костюме. Он был тщательно выбрит и причесан. Богдана была хороша, как всегда. Правда, рядом с Изой ее красота немного бледнела и выцветала. Иза сидела напротив Луки, и он глядел на нее, разинув рот, как на огонь, пылающий в камине. Иза постоянно двигалась, не могла усидеть на месте, много говорила и то и дело поправляла свои золотые волосы, которые закрывали почти половину лица. «Крашеные, — думал Лука, — таких волос не бывает на свете». Но у Изы были именно такие волосы, блестящие, воздушные и в то же время тяжелые, как само золото. Из-за каштановых ресниц глаза ее источали томный фиалковый свет.

— Тамадой я назначаю Луку! — сказал Андукапар, и его предложение с радостью поддержали Богдана и Иза.

Лука смущенно поежился и стал отказываться.

— Это должно быть непременно так, Лука. Кто же

может быть тамадой на моей свадьбе, если не ты! Ты мой единственный друг, и я прошу тебя мне не отказывать, — с улыбкой продолжал Андукапар.

— Но я не умею.

— Делай как умеешь, как видел, как слышал.

На столе стояли две бутылки вина, купленные у крестьянина на Солдатском базаре, красовался тушинский сыр, винегрет из картофеля и свеклы и заправленное Андукапаром лобио. Винегрет готовила Богдана.

— За здоровье Богданы! — поднял стакан Лука.

— О-о! — воскликнула Иза и моментально осушила свой стакан.

— Помнишь, Лука, — заговорил Андукапар, — ты меня спрашивал, существует ли счастье? Тогда я тебе ничего не ответил, а сейчас говорю: бог дал и мне счастье, и это счастье зовется Богдана.

Андукапар сам на себя был не похож. Это Лука заметил только сейчас, но не стал заострять на этом внимание, ибо слова Андукапара напомнили ему тех двух мужчин в серых халатах, которые гуляли во дворе сумасшедшего дома и мирно беседовали.

Иза налила себе вина и молча выпила. Потом положила лобио на тарелку и потянулась за хлебом.

Богдана подняла свой стакан и спросила:

— А что я должна делать?

— Ты должна нас поблагодарить и потом выпить! — ответил Андукапар.

— Спасибо! — улыбнулась Богдана и выпила вино до дна.

— Я еще не закончил тоста! — сказал Лука, — вместе с Богданой я пью за Андукапара!

— О-о! — снова воскликнула Иза, наполнила стакан и так же быстро осушила его.

Лука тоже отпил вино, недовольно поморщился и

взглянул на Андукапара: только ради друга можно пить такую гадость! Андукапар с восхищением смотрел на Богдану. Сейчас для него не существовало никого в целом свете, кроме нее. Всегда отзывчивый и внимательный, сегодня он никого не замечал. Иногда он затихал, как будто прислушивался, но из нескладного и равнодушного ответа было видно, что его мысли были далеко отсюда.

— Я бы сейчас с удовольствием потанцевала! — сказала Иза, — но нет ни музыки, ни кавалера...

Приятное тепло пробежало по всему телу Луки, и он почувствовал, как весь обмяк и раскис. У него немного закружилась голова, он без всякой причины заулыбался, как дурачок, и почесал затылок. Потом взял бутылку и снова наполнил стаканы.

— Если бы Рубен не ушел, я бы с ним потанцевала... без музыки... Чтобы потанцевать, вовсе не обязательна музыка. Нет, конечно, приятнее, если музыка играет... Хочешь, Лука, потанцуем?

— Я не умею.

— Когда мы кончили школу, собрались в доме у моего одноклассника. У нас был выпускной вечер. Мы всю ночь танцевали... Столько, столько, столько... что на ногах уже не стояли... А я вдобавок опьянела... — Иза рассмеялась... — А потом меня выгнали.

— Почему?

— Ко мне прицепился отец моего товарища. Сначала потанцевал со мной, потом сел рядом и все норовил меня облапать, стал приставать, чтоб я вышла с ним на балкон, — тут Иза опять рассмеялась, теперь уже совсем громко, — я взяла и вылила ему на голову стакан вина. Его толстая супруга возмутилась и велела мне немедленно убираться. Я, конечно, убралась, но вечер был испорчен. А этот бедняга был вообще-то ничего себе, красивый мужчина... Говорят, он погиб на войне.

— Давайте выпьем за тех, кто погиб на войне! — провозгласил Андукапар. — Только учти, Лука, твоего отца я не включаю в число погибших. Гоги жив! Запомни мои слова! Итак, вечная память героям!

— О-о! — это опять Иза.

Вместе со всеми и Лука осушил свой стакан. Он прекрасно понимал, что Андукапар утешал его и поэтому говорил, что отца не считает погибшим, но это обижало Луку: зачем его утешать, когда отец в самом деле жив! Дело в том, что Лука внутренне не поверил в смерть отца, не принял известие близко к сердцу. Возможно, эту веру внушила ему Богдана. Они часто по ночам оставались вдвоем в галерее у швейной машинки, и Богдана рассказывала ему разные истории о тех солдатах, которых считали погибшими и которые потом возвращались домой, словно восстав из мертвых.

— Я хочу танцевать! — вскричала Иза.

— Есть такая русская поговорка: «В доме повешенного о веревке не говорят», — с улыбкой заметил Андукапар, — но ты находишься в доме у такого повешенного, где разговор о веревке никого не обижает.

— А что мне делать, если я хочу танцевать?

— Это уж я не знаю! Я сам огорчен, что Рубен ушел.

— Я тоже! — Иза опять налила себе вина.—Видно, в этом дворе он — единственный мужчина, с которым можно потанцевать!

— Иза! — Богдана взяла ее за руку. — Как тебе не стыдно, Иза!

Иза не обратила на Богдану никакого внимания.

— Кто мог танцевать, сейчас на фронте, родину защищает!

— Как ты можешь так говорить, Иза?

— Я не хочу войны! Я жить хочу! Я создана для жизни, для роскоши и баловства. Ты думаешь, Богдана, я

не знаю себе цены? У кого еще есть такие волосы, такие глаза, такие губы? — Иза встала.—Или такая грудь, такая талия, такие ноги. — Она отставила правую ногу в сторону и высоко подняла юбку.

— Успокойся, — сказала Богдана, — у тебя очень красивые ноги.

— Знаю!.. Но для чего они мне?!

— Все будет... Подожди немного, и дождешься своего часа.

— Когда же?

— Скоро.

Лицо у Изы пылало от выпитого вина.

— Давай, Лука, потанцуем!

Лука почему-то засмеялся.

— Чего ты смеешься?

— Не знаю... Мне смешно. — Лука осоловел от вина, и ему уже было все равно.

— Чуть не забыла! — вдруг вскричала Иза и на минуту умолкла. После паузы спросила:—А что за человек Датико Беришвили?

— Кто? — Андукапар, целовавший Богдане руку, поднял голову.

— Датико Беришвили.

— А почему ты спрашиваешь?

— Так просто.

— А все-таки?

Все насторожились.

— Он мне обещает счастливую жизнь.

— Но у него ведь есть жена!

— Несмотря на это, он мне обещает!

— А что ты сама думаешь, какой он может быть человек?

— Я ничего не думаю.

— Иза! — Богдана тоже встала и, обняв девушку за

плечи, увела ее в глубь комнаты. — Постесняйся хотя бы ребенка! Стыдно!

— А разве я не была ребенком? Кто меня пощадил?!

— Ну и что в этом хорошего?!

— Оставь меня в покое, я хочу танцевать! — Иза вырвалась из рук Богданы и начала плясать посреди комнаты. — Да здравствует веселье!.. Мне жарко! Я сниму платье!

— Иза!

— Иза!

В дверь осторожно постучали.

— Кто там?

— Это я, Ладо.

— Входите, дядя Ладо! — пригласил Андукапар.

— Твой дед пришел! — остановила Богдана продолжавшую кружиться в танце Изу.

Дверь отворилась, и в комнату вошел дядя Ладо, улыбнулся и снял шапку. В грубых больших руках он держал несколько букетиков цикламенов. Он подошел к Богдане и приподнес ей цветы, поцеловал ее, обнял Андукапара.

— Поздравляю вас, дорогие, будьте счастливы! — сказал дядя Ладо. — Я принес вам первые цветы.

— Лука, налей дяде Ладо вина!

Лука уже был на ногах, достал чайный стакан из комода и вылил в него остаток вина из бутылки. Дядя Ладо только протянул руку, чтобы взять стакан, как Иза неожиданно для всех, кинулась к нему, обняла и начала умолять:

— Идем домой, дедушка, идем!.. Я больше не могу!

— Постой, детка... Дай мне благословить молодых!

— Нет, уйдем отсюда, сейчас! — проявляла Иза непонятное нетерпение, плакала, топала ногой, торопила

старика, как будто каждая минута имела решающее значение.

— Ладно, — спокойно ответил дядя Ладо, — если так, то пошли.

И они ушли.

Оставшиеся безмолвно переглянулись. Потом Андукапар улыбнулся Богдане и глазами попросил ее сесть рядом с ним. В комнате установилась необычайная тишина — гнетущая, отчужденная, и Лука понял, что пора уходить.

— Я пойду, — сказал Лука.

— Посидим немного... Ведь завтра воскресенье. — Богдана обняла Луку за плечи рукой, в которой держала цветы, подаренные дядей Ладо.

— Нет, я пойду, лягу спать.

В галерею просачивался из комнаты бледный свет. На столе стояла швейная машина. Там же в беспорядке валялись солдатские гимнастерки. Еще вчера Богдана сидела здесь и строчила до полуночи. Лука с болью подумал, что завтра она так же вынесет эту машинку в комнату Андукапара, как сегодня унесла свою постель.

Грусть пустоты и одиночества нависла над ним. Он осторожно вошел в комнату, где спала тетя Нато, взял лампу и пошел к себе. У него кружилась голова, и тошнота подступала к горлу. Он поставил лампу на комод, а сам сел на стул.

Богдана огоньком надежды жила в галерее, и Луке показалось, что он так же потерял эту надежду, как в тот злосчастный день потерял последнюю рубашку на берегу Куры. Чувствуя себя ограбленным, он сидел в своей комнате, охваченный страхом. Это был страх одиночества, пустоты, безлюдья... пустынности.

Лука не раздевался и не ложился спать, потому что боялся... Чего? Этого он и сам не знал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Почему ты не дал мне телеграмму?! Что за неуважение, я не понимаю! — это соизволил приехать почтенный Поликарпе, который откуда-то прослышал о болезни тети Нато и поспешил сюда, чтобы в трудную минуту быть рядом с «близкими». — Неужели ты не мог мне сообщить, что моя тетушка так тяжело больна, головастик несчастный!

Обруганный Лука стоял в углу. Ничего на свете не могло его обидеть так, как слова Поликарпе Гиркелидзе. Весь день Луке казалось, что у него в самом деле огромная распухшая голова, которая не держится на плечах и падает. Все прохожие с удивлением на него глядят: ну и головастик!

Лука даже не вспомнил про почтенного Поликарпе, он и не нуждался в нем. А если бы и вспомнил, то все равно не знал, куда посылать телеграмму и кому. Не спрашивать же у тети Нато, которая двух слов не могла связать, как найти почтенного Поликарпе!

Поликарпе в два дня уладил все дела: Луку выставил в галерею, а сам поселился во второй комнате. И как видно, навсегда. В ту комнату уже без спросу никто войти не мог.

Тетя Нато недвижно лежала на своей кровати и, лишенная дара речи, глядела в одну точку. Время от времени глаза ее наполнялись слезами и потом снова надолго высыхали.

Богдана по-прежнему за ней ухаживала, ни на минуту не переставала о ней заботиться.

— Что это за женщина? — спросил Поликарпе, когда впервые увидел Богдану.

— Жена Андукапара, — ответил Лука.

— Ого, крепко же она на ногах стоит, как я по-

смотрю! — не мог скрыть восхищения Поликарпе. При этом отвратительная, тошнотворная ухмылка скользнула по его губам, — справится ли Андукапар с такой женщиной? Ай-ай-ай!

По воскресеньям Поликарпе уносил из дома какие-то вещи на сабурталинскую толкучку. Лука не смел ничего ему сказать. Правда, он пожаловался Андукапару и Богдане, но что они могли поделать? Поликарпе был близким родственником и сейчас явился в роли покровителя и защитника. Так кто же посмеет его упрекнуть?

Сразу же по приезде он подружился с Датико Беришвили и каждый день копошился возле голубятни Рубена Коротышки, где теперь был склад бумажных пакетов.

В один прекрасный день он заявил Луке:

— Другого выхода у нас нет, придется обменять с Датико Беришвили квартиру, он дает большие деньги.

— Тетя Нато не согласится.

— Кто ее спрашивает? Что она понимает? Не сегодня-завтра отправится следом за сестрой... А ты знаешь, во сколько теперь обходятся похороны? Очень дорого! Смотри, мой милый, как бы наша тетушка не осталась непогребенной!

— Но ведь она еще жива?!

— Разве это жизнь, дорогой?! Считай, что она на восемьдесять процентов уже в могиле, если не больше! Ладно, допустим она жива, она дышит. А что ты будешь делать, когда она умрет? Где ты возьмешь деньги?

— Не знаю.

— То-то же! И я не знаю! Поэтому завтра же начнем готовиться к переезду.

— Ничего у вас не получится.

— Вы только на него поглядите!

— Тетя Нато не согласится.

— А я ее не спрашиваю.
— Я не перееду.
— Ты? Не переедешь?!
— Нет!
— Ну, тогда я умываю руки, и ты сам хорони эту рухлядь, как хочешь!
— Она пока жива, и нечего ее хоронить.

Лука пошел в школу совсем расстроенный. «Чего ему надо, что он к нам пристал,—думал он по дороге,— что-то я не слыхал про таких родственников!» Про себя он твердо решил не уступать, кроме того, он представить себе не мог, как они переберутся в комнату Датико Беришвили, как перенесут тетю Нато. Он был уверен, что тетю Нато не донесли бы до первого этажа, она бы наверняка скончалась.

Возле школы ему повстречался Ираклий. Он стоял, прислонясь спиной к стене, и курил папиросу. Мне сегодня неохота идти в школу, заявил он, лучше пройтись, если надоест гулять, можно вернуться на третий урок. Лука, как видно, тоже не очень стремился в школу, поэтому он сразу согласился на предложение Ираклия, и оба не спеша побрели по улице. Некоторое время они бесцельно шатались по проспекту, потолкались возле кинотеатра, но ни у одного, ни у другого не оказалось денег и пришлось вернуться обратно.

В школу они пришли к большой перемене.

В коридоре Луку остановил классный руководитель, Закария Инцкирвели.

— Сегодня ты тоже опоздал?
— Да.
— Как себя чувствует тетя?
— Плохо.
— Никак не соберусь ее навестить.
— Ей очень плохо.

— Может, не стоит ее беспокоить?

— Не знаю.

— Лука, поди сюда и ответь мне на один вопрос...— Закария Инцкирвели взял Луку за локоть и отвел в конец коридора.—Я слышал, что несколько ребят делят между собой хлебный паек всего класса... В чем дело? Разве остальные отказались от своей доли? Как вообще это получилось?

— Я не знаю.

— Ничего не бойся, скажи мне правду.

— Хорошо.

— На сколько человек вы делите этот хлеб?

— На троих. Ираклий Девдариани, я и Мито Чантладзе.

— На троих?

— Да!

— Целую буханку?

— Да.

— А что говорят остальные?

— Ничего... Не знаю... Мне сказал Ираклий Девдариани, что все согласны, чтобы мы делили между собой.

— Может, он запугал ребят?

— Не знаю.

— Может, он пригрозил всем. Ты понимаешь меня?

— Я не знаю...

— Я, конечно, не имею морального права, но сейчас такое трудное время... Если класс не против, если это делается с общего согласия, может, мы... а? Как ты думаешь? Может, будем делить этот хлеб на четверых? Но если ребята против, в таком случае мы совершим позорное, постыдное дело.

— Мне этот хлеб совсем не нужен, — Лука вдруг вспомнил, что принесенный им хлеб до крошки съедал Поликарпе.

— Нет, нет, что ты! Как это тебе не нужен хлеб, ты мне только скажи, не выражают ли недовольства ребята?

После уроков Лука отнес свою долю хлеба учителю. Тот взял хлеб и поблагодарил Луку, потом украдкой сунул в свой необъятный портфель и довольный отправился домой.

Лука тоже был очень доволен. Во-первых, он обрадовал классного руководителя, которого дома ждали четверо голодных внучат, и, во-вторых, — сегодня этот хлеб не достанется ненасытному Поликарпе Гиркелидзе.

У школьного подъезда Луку ждала Маико, она сказала, что за углом его подстерегают Мито и Ираклий. Они на самом деле поджидали Луку. Ираклий курил, глубоко и часто затягиваясь, видно, был сердит. Мито стоял в стороне и виновато шарил глазами.

— Где твой хлеб? — спросил Ираклий, завидев Луку.

Лука, не ждавший такого вопроса, растерянно молчал.

— Куда ты девал свою долю, я спрашиваю?

— Отдал учителю.

— Зачем?

— Не знаю... Он попросил, и я...

— Ах, попросил?! А откуда он узнал, что мы делим хлеб на троих?

— Не знаю.

— Не знаешь, а вот сейчас узнаешь! — Ираклий размахнулся и дал Луке затрещину.

У Луки потемнело в глазах, он покачнулся, выронил из рук портфель, и, получив вторую оплеуху, упал на спину, почувствовав сильную боль в голове... Наверно, он крепко ударился затылком о мерзлую землю. Лука открыл глаза, над ним стоял обозленный Ираклий и непотребно ругался. Потом Ираклий наклонился, схватил

Луку за грудки и хотел его поднять. Лука невольно, почти бессознательно согнул правую ногу и ударил его в подбородок носком ботинка. Ираклий вскрикнул и скрючился. Прежде чем Лука успел встать, Маико, как безумная, подскочила к Ираклию и треснула его портфелем по голове.

Лука почувствовал, что силы его на исходе, весь он был разбит и раздавлен и еле держался на ногах. Тем временем Ираклий очухался, схватил Маико и со всего размаху швырнул ее к Луке. Они столкнулись лбами и оба упали. Ираклию этого показалось недостаточно, он поднял их обоих и хорошенько избил. Потом, ругаясь, пошел по улице, вернее — побежал.

Маико и Лука горько плакали, съежившись в нише школьного здания. Вдоволь наплакавшись, они стряхнули друг с друга пыль и медленным, усталым шагом потащились к дому. Лука думал, что их встретит Мито, но Мито нигде не было видно. Он или удрал, или побежал вслед за Ираклием.

Лука видел, как наливается шишка на лбу Маико и как вздувается фонарь над правым глазом. Наверно, я еще хуже выгляжу, подумал он, но сейчас его совсем не тревожило то, что он сам был избит, ему доставалось и похлеще. Хотя Маико ударила Ираклия сумкой, он никак не думал, что Ираклий поднимет руку на такую слабенькую девочку. Но он не только поднял на нее руку, но и избил хорошенько. У Луки опять навернулись на глаза слезы, и если бы он не напряг всю свою волю, наверное, снова расплакался бы.

Они шли молча, грустные и задумчивые. Лука вспомнил Мито: он тоже хорош, — если бы он нам помог, может, втроем мы бы как-нибудь справились.

Лука не думал о расплате, о мести, потому что знал, что не сможет никогда расквитаться с обидчиком, а

если такой день и настанет, то так нескоро, что уже не будет иметь никакой цены. Слишком много воды утечет за это время. Поэтому Луку душила обида, и он не шел, а волочил бессильные, словно тряпки, ноги.

Маико и Лука вышли на свою улицу. Там, где до войны был кондитерский магазин, Маико остановилась и сказала Луке:

— Знаешь что, Лука! Мне так захотелось микадо.

— Микадо?

— Помнишь, здесь одна женщина продавала микадо?

— Помню.

— Вкусно было, правда?

— Вкусно.

— Ты тоже любил?

— Очень.

— Я всегда собирала деньги, чтобы на обратном пути из школы купить микадо, любила больше всех пирожных... Помнишь, они были такие воздушные... треугольные...

— Помню.

— Когда кончится война, их опять, наверно, будут продавать?

— Нет... хотя почему нет... Я и по нуге соскучился, Маико!

— По нуге?

— Нет... хотя как нет... Очень хочется и нугу тоже.

— А что еще? Мороженое?

— И мороженое... Но больше всего я соскучился по футболу... Знаешь, что я сейчас вспоминаю очень часто? В прошлом году папа приехал, чтобы забрать нас на Украину, и мы с ним пошли на футбол. Рубен даже дал мне с собой одного голубя. Пайчадзе забил гол, и весь стадион встал на ноги. Я выпустил голубя...

Было так хорошо! А потом папа купил мне микадо, нугу и мороженое...

Маико и Лука остановились возле церковного двора и долго стояли молча.

— Что ты скажешь дома?

Маико задумалась, а потом ответила:

— Что-нибудь придумаю.

— Эх, что было — было!—Лука махнул рукой, резко повернулся и побежал.

Перед тем, как войти в ворота, он заглянул во двор и внимательно огляделся по сторонам, потом прокрался, как вор,— чтобы никто его не увидел, и бегом поднялся по лестнице. Портфель он бросил в галерее, а сам сел на тахту. После того, как он расстался с Маико, его стали мучать прежде не ведомые угрызения совести. Он страдал от того, что из-за него избили Маико, такую маленькую и беспомощную. Луку били не раз, и сам он тоже поколачивал других. Иногда он проигрывал в драке, иногда побеждал, но с такой несправедливостью он сталкивался впервые: этот верзила нещадно колотил худенькую и слабенькую девочку, на которую дунуть достаточно, чтобы она упала.

«Нет, этого простить нельзя, я обязательно должен ему отплатить», — думал Лука, но в том-то и беда, что он не знал, как. Строил различные планы, даже решил убить обидчика. Но появление Богданы помешало додумать эту страшную мысль до конца. Она открыла дверь в галерею и, ужаснувшись, хлопнула себя рукой по лицу.

— На кого ты похож, Лука, что с тобой?! — вскричала она.

— Ничего. Меня побили.

— Кто?

— Один парень из нашего класса.

— За что?

— Не знаю.

— Идем скорее, я вымою тебе лицо, а то тетушка увидит, что ты весь в крови, и просто умрет от испуга.— Богдана взяла Луку за руку и побитого и помятого отвела его к Андукапару.

Лука подробно рассказал Андукапару, что произошло. Андукапар бесшумно раскатывал на своем кресле взад и вперед, потом подъехал к умывальнику, где Богдана отмывала Луку.

— Кто такой этот Ираклий Девдариани, почему я раньше о нем не слышал?

— Его в этом году перевели в нашу школу, он второгодник или даже третьегодник.

— Я вижу, он большой мерзавец!

Лука впервые слышал от Андукапара грубость и, честно говоря, удивился, но понял, почему Андукапар позволил себе так выразиться. Андукапар был настолько рассержен, что побледнел, и руки у него дрожали от волнения.

Неожиданно для всех в комнату ввалился почтенный Поликарпе. С бессмысленной улыбкой огляделся и с таким видом поздоровался с присутствующими, как будто вовсе не ожидал их здесь увидеть.

— Ого, мое почтение!

Ему никто не предложил войти, несмотря на это, он все же вошел и на ощупь прикрыл за спиной дверь. По багровому лицу и косящим глазам было видно, что он был изрядно под хмельком, хотя и старался сохранить чувство собственного достоинства — не качаться.

— Как живете, соседушки? На что это похоже, столько времени живем рядом и даже не здороваемся как следует...

Поликарпе улыбнулся и масляным взором уставился на Богдану.

— А для этой прекрасной дамочки я вообще как будто не существую. Для нее что я, что... какой-нибудь бродяга, все едино.

— Что вам нужно? — спокойно спросил Андукапар.

— Ничего, кроме вашего благополучия! — Поликарпе вдруг обратил внимание на Луку и завопил: — Ой-ой-ой, ну и разукрасили тебя! На кого ты похож, негодник! Ты что, хочешь свою тетушку заживо похоронить? Ступай домой, и я добавлю то, чего тебе там недодали! Убирайся отсюда, сопляк!

Поликарпе опять улыбнулся Богдане, и глаза у него заблестели.

Лука заметил, как вспыхнул Андукапар, но Поликарпе никого не видел, с бессмысленной пьяной улыбкой он смотрел на Богдану. Богдана смущенно поежилась, повернулась к умывальнику и почему-то стала мыть руки.

— Я бы советовал вам пойти к себе и выспаться!— проговорил Андукапар немного изменившимся, дрогнувшим голосом.

— А зачем мне высыпаться? — изумился Поликарпе.

— Затем, что вы в стельку пьяны!

— Я пьян? — заволновался Поликарпе.

— Да.

— Нет, вы только поглядите на него! Кто так встречает в Грузии гостей? Если бы даже я был врагом, и то не следовало бы так обращаться с Поликарпе Гиркелидзе! — нажимал на патриотические чувства почтенный Поликарпе.

Андукапар укатил на своем кресле в глубь комнаты.

— Убирайся домой! — Поликарпе повернулся к Луке. — И чтобы я тебя здесь больше не видел!

— Это вас не касается, уважаемый, будет Лука ходить сюда или не будет.

— Что значит, не касается?

— Я еще раз прошу вас выйти отсюда!

— Ты говоришь это мне, Поликарпе Гиркелидзе?

— Нет, Уинстону Черчиллю!

— Ты видишь, с чем он меня сравнивает? Этого уж я не прощу! — совсем осатанел Поликарпе.

Быстрее молнии Андукапар кинулся со своим креслом на Поликарпе, схватил его за запястье и потянул к себе. Видно, руку он сжал со страшной силой, потому что лицо у Поликарпе перекосилось, сморщилось, сначала он приподнялся на одной ноге и подался назад, как будто падал на спину, потом скрючился и рухнул на колени перед креслом, издав отчаянный вопль:

— Убиваешь, безбожник!

— Уберешься ты или нет отсюда?

— Ухожу, ухожу... Какого черта!.. Только отпусти руку!

Андукапар отпустил его, быстро повернул свое кресло и остановил его у окна. Поликарпе некоторое время стоял на коленях, болезненно морщился и растирал побелевшее запястье. Потом он медленно поднялся и пошел к дверям. Открыв дверь, он, не оборачиваясь, пробормотал:

— Впервые вижу такое гостеприимство!

— Я тоже впервые вижу такого невежу и наглеца! — сказал Андукапар.

Богдана подошла к Андукапару, провела рукой по его волосам, наклонилась и поцеловала его.

— Разве стоило из-за этого мерзавца так горячиться? — Богдана обняла Андукапара обеими руками и прижалась щекой к его лицу. Оба они затихли и замерли.

Лука вышел на балкон.

Он был удовлетворен и счастлив. Опираясь обеими руками на перила, он смотрел на Куру, сверкавшую под мартовским солнцем. На берегу возились два белых щенка, вскакивая друг на друга, катались по земле, кусали за уши. У берега качалась пустая плоскодонка, на борту лодки сидела трясогузка.

Лука радовался, Лука не думал, что Андукапар такой сильный, что у него столько силы в руках. Он все время вспоминал слова, сказанные как-то Поликарпе Гиркелидзе: «Разве Андукапар справится с такой женщиной?! Ай-ай-ай!» Он не до конца понимал значение этих слов, но они все равно мучили его и не давали покоя. В особенности отвратительное выражение лица Поликарпе, когда он это говорил.

А сейчас он своими глазами увидел, как Андукапар поставил на колени Поликарпе Гиркелидзе, этого глупого, наглого человека, который, должно быть, только затем и явился в дом Андукапара, чтобы убедиться, справляется или не справляется калека со своей женой, так крепко стоящей на ногах.

Луке внезапно захотелось самому быть калекой, только чтобы за спиной так же, как Богдана, стояла Маико, наклонившись к нему, обхватив руками за шею и прижимаясь щекой к его лицу...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Маико только на третий день пришла в школу. Фонарь над глазом зажил, от него остался только лилово-желтоватый след.

Мито избегал Луку, не смотрел ему в глаза. Теперь он прицепился к Ираклию Девдариани, на перемене они вместе рыскали по коридору. Лука потерял свою

долю хлеба. Он не знал, пополам они делили паек всего класса или третью часть сами отдавали учителю.

Синяки, полученные Лукой, очень заинтересовали одноклассников, но Лука быстро пресек их любопытство, коротко ответив, что его избили и, таким образом, избавился от назойливых расспросов.

Появление Маико обрадовало его, но он не решился к ней подойти, почему-то чувствовал себя виноватым, особенно теперь, когда он собственными глазами увидел, как расправился калека со здоровенным детиной. Однако после уроков Маико и Лука все же встретились в коридоре. Рядом, молча пошли по коридору и спустились по лестнице. Выйдя на улицу, они увидели стоявшую у подъезда Богдану. Лука удивился и встревожился — не случилось ли чего. Но Богдана ласково ему улыбнулась, погладила по щеке и прижала к груди. Потом сказала:

— Покажи-ка мне этого Ираклия Девдариани.

Ираклий и Мито стояли на углу. Ираклий, по обыкновению, курил, прислонясь к стене.

У Луки сжалось сердце от дурного предчувствия, поэтому он задержался с ответом, но Маико опередила его:

— Вон тот, с папиросой.

Богдана тотчас направилась к Ираклию, подошла к нему, хлопнула рукой по плечу и показала, чтобы он следовал за ней. Ираклий оторвался от стены и, немного растерявшись, пошел за Богданой. Они были почти одного роста. В глубине тупика Богдана остановилась. Мито остался на месте, а Маико и Лука сделали несколько нерешительных шажков вперед.

Ираклий Девдариани, очевидно, пришел в себя, он уже вызывающе стоял перед Богданой, дымя папиросой ей в лицо.

— Это ты их поколотил? — спросила Богдана, указывая на Луку и Маико.

— А тебе какое дело, я или кто другой? Если понадобится, еще излупцую и одного и вторую!

Лука даже не успел заметить, когда Богдана размахнулась. Он услышал только звук затрещины и увидел растянувшегося на земле Ираклия. Ираклий вскочил и как безумный кинулся на Богдану. Лука снова услышал треск пощечины, на сей раз Ираклий отлетел к стене, не удержался и упал.

— Не смей больше пальцем их трогать, иначе худо тебе придется! — Богдана обняла за плечи Маико и Луку и повела их по улице.

Все это случилось так быстро, что Лука не успел сообразить, что произошло. Только в сердце постепенно просачивался страх, он боялся, чтобы Ираклий не подкрался сзади и не ударил Богдану чем-нибудь, палкой или камнем. От Ираклия всего можно было ожидать. Причем, охваченный страхом, Лука не смел оглянуться назад и напряженно следовал за Богданой.

— Пока я с вами, ничего не бойтесь, завтра спокойно идите в школу, я уверена, что он вас пальцем не тронет.

Все трое вышли на проспект и повернули налево. На углу Лука успел оглянуться украдкой и заметил, что ни Ираклия, ни Мито возле школы не было. Улица была пуста.

Богдана остановила фаэтон. Сначала посадила Луку и Маико, потом сама устроилась между ними.

— Куда? — спросил фаэтонщик.

— В Чугурети, — ответила Богдана.

Фаэтон двинулся. О такой роскоши Лука не смел и мечтать. После недавнего страха и напряжения неожиданное удовольствие расслабило его и разнежило. Медленное покачивание фаэтона, равномерное цоканье

копыт, грузная фигура извозчика, перетянутая кушаком, все доставляло ему неизъяснимое блаженство...

Дома быстро убегали назад, дома и идущие по тротуару люди.

— Эй, Лука! — вдруг закричал кто-то. Лука выглянул из коляски и увидел одноклассника. Уча Шавдия со всех ног бежал за фаэтоном, размахивая сумкой. Он радостно окликал Луку и махал ему рукой. Лука помахал в ответ...

Фаэтон обогнал еще одного товарища Луки, потом второго. Теперь уже трое бежали за фаэтоном — обрадованные, сияющие... По дороге к ним присоединилось еще несколько ребят, идущих домой, Лука их тоже знал. Группа сопровождающих фаэтон постепенно росла. Они бежали с криком, толкали друг друга и прохожих, и все же продвигались вперед, стараясь держаться поближе к фаэтону, кричали Луке что-то непонятное, возбужденные и сияющие заглядывали ему в лицо. Лука тоже радовался... Чему он радовался? Вдруг ему показалось, что все так и должно было случиться. Он возвращался домой с победой, так на чем же он мог вернуться, как не на фаэтоне?!

Дети проводили их до площади. Потом фаэтон сделал круг и выехал на узкую улочку. Здесь начиналась булыжная мостовая, и извозчик натянул поводья, замедляя ход. Лука только сейчас вспомнил о Маико: интересно, в каком она настроении.

Маико всем телом прижималась к Богдане, обеими руками обхватив ее локоть. Притворяясь спящей, она прикрыла глаза, потом, словно почувствовав на себе взгляд Луки, открыла глаза и взглянула на Богдану с восторгом и надеждой.

— Я не мешаю вам? — спросила она. Богдана улыбнулась ей, похлопала по щеке, убрала с лица волосы.

Маико блаженно поежилась, снова положила голову Богдане на плечо и закрыла глаза: вот-вот замурлычет, как кошка!

Луке всю дорогу казалось, или вернее он почему-то внутренне был убежден, что Маико переживала то же самое, что и он. И ему стало как-то не по себе, когда он увидел ее такой подозрительно затихшей. С чего это она так прилипла к совершенно посторонней женщине? Лука почуял что-то, но это «что-то» было не до конца ясным. Он опять вспомнил, как безжалостно излупил и его, и Маико Ираклий Девдариани. Как самоотверженно заступилась Маико за Луку перед этим верзилой, а сам он пальцем не пошевелил, когда Ираклий колотил Маико. Стоял перепуганный и смотрел, как последний трус... Что-то заныло, что-то надломилось у Луки в самой глубине сердца...

Конечно, Маико убедилась сегодня, что Лука не сделал того, что мог бы сделать, и главное, не таким уж героем оказался и непобедимый Ираклий Девдариани. Нет, Лука не смог бы его одолеть, но не в этом дело... Можно и поражение вынести с достоинством...

Фаэтон остановился возле церковного двора. Маико поцеловала Богдану и осторожно сошла. Потом нетвердым шагом направилась к воротам. Лука следил за ней взглядом, так как был уверен, что прежде чем скрыться за церковью, она хоть раз обернется. Но он ошибся, Маико не обернулась. Скованной, неловкой походкой шла она мимо церкви...

Извозчик тронул коней, и фаэтон двинулся...

Когда Богдана и Лука предстали перед Андукапаром, Богдана виновато улыбнулась мужу:

— Я ведь говорила однажды, что не могу смириться с некоторыми христианскими догмами. Сегодня я проверила себя и оказалось, что я была права.

— Что ты наделала, Богдана? — растерялся Андукапар.

— Ничего особенного... Я вынуждена была побить одного парня.

— Что значит «была вынуждена»?

— Да, именно так.

— Я не могу в это поверить.

— А я не встречала второго такого наглеца.

— Ты ударила его.

— Два раза.

— Богдана!

— Что поделаешь... Случается! Не бойся, я буду молиться за спасение наших душ!

Назавтра Лука с колотящимся сердцем шел в школу. Во-первых, он все-таки побаивался Ираклия Девдариани, он был уверен, что Ираклий так легко не успокоится и не простит оскорбления ни Луке, ни Маико. Вдобавок он и сам уже стыдился того, что призвал в защитники женщину. Если бы Богдана была мужчиной, еще другое дело. А сейчас что получилось? Весь класс может с полным правом издеваться над ним. Пугала Луку и предстоящая встреча с Маико. Ему было непонятно ее внезапное вчерашнее преображение, неожиданная перемена, которую он заметил в фаэтоне.

Но с Маико он столкнулся сразу по дороге в школу. Маико выглядела очень довольной и с особым удовольствием вспоминала вчерашнюю прогулку на фаэтоне.

— Хорошо было, правда?

— Да, очень.

— Замечательная женщина Богдана.

— Да, очень... Ты еще не знаешь, Маико, как она ухаживает за моей тетей. Если бы не Богдана, мы бы пропали.

— Андукапар любит ее?

— Очень...

— Я впервые в жизни каталась на фаэтоне.

— Правда? — удивился Лука.

— Ты видел, как за нами все бежали?

— Конечно, а я думал, что ты спала всю дорогу и ничего не видела.

— Я спала?! Да ты что! Мне так хорошо было, и Богдана такая теплая...

— Ты увидишь, как нас сегодня встретят ребята!

— Знаю, я даже собиралась задрать нос, но...

— Что но? — спросил Лука.

— Я немного боюсь Ираклия.

— Не бойся! — успокоил ее Лука. — Я буду стоять насмерть.

— А если он опять нас побьет?

— Не бойся, Маико!

Ираклий Девдариани в школу не явился. И не только на следующий день, но и вообще больше не появлялся.

Что касается одноклассников, которые накануне с криком и гамом бежали за фаэтоном, то они никакого особенного внимания не обратили на вчерашних триумфаторов. Более того, никто даже не поинтересовался, по какому поводу они сидели вчера в фаэтоне.

И еще одно: в тот день весь класс поровну разделил свой паек хлеба.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Весна оказалась для Андукапара роковой: неожиданно он вдруг начал полнеть, вернее, стал распухать на глазах. Врачи не могли сказать ничего утешительного.

Медицина оказалась бессильной хотя бы на некоторое время приостановить этот ужасный процесс.

Богдана была в отчаяньи.

Вот, о чем говорила она с Лукой одним майским утром в очереди за керосином:

Лука. — Как он спал сегодня?

Богдана. — Плохо.

Лука. — Ничем нельзя помочь?

Богдана. — Это знает один бог.

Лука. — А что сказал доктор? Ведь он вчера приходил?

Богдана. — Он даже не стал его осматривать, только поглядел и пожал плечами. Я спросила, отчего он распухает. Если бы, говорит, мы это знали, мы бы его вылечили.

Лука. — А может, это у него пройдет?

Богдана. — Я и это спросила — может, говорю, пройдет? Может, все дело в весне? Может, отвечает, и пройдет, хотя такой гарантии никто вам дать не может. Но знаешь, Лука, мне почему-то кажется, что это не временное явление. Дело плохо, очень плохо!.. Если с Андукапаром случится что-нибудь, я, наверно, покончу с собой... Ты ведь знаешь, что за человек Андукапар!

Лука. — Знаю.

Богдана. — Вчера я пошла в Кашуетскую церковь и там молилась.

Лука. — Неужели ничего нельзя сделать?

Богдана. — Он очень ослаб, Лука, совсем обессилел. Ты же помнишь, каким он был сильным, а теперь чашку поднять не может, с трудом пьет чай. Как все это быстро произошло, господи... За каких-нибудь полтора месяца... У меня сердце вот-вот разорвется.

Л у к а. (Отводит глаза в сторону, с трудом сдерживается, чтоб не заплакать).

Б о г д а н а. — От Андукапара ничего не скроешь, он лучше всех сам понимает, что с ним. Знает, что здоровье его подорвано окончательно, и то, что он потерял, восстановить уже невозможно. (После паузы). Он тебя очень любит, Лука, ты его единственный друг. Недавно он сказал: господи, говорит, убей меня и забери отсюда так, чтобы Лука не видел моей смерти.

Л у к а. (Стоит спиной к Богдане, незаметно старается достать платок из кармана, якобы для того, чтобы высморкаться. Потихоньку от Богданы вытирает слезы).

Б о г д а н а. Как несправедлива судьба! Почему должен умереть такой добрый, такой благородный человек, когда столько мерзавцев живет и процветает?! Он ведь ничего дурного не сделал, кроме того, что расточал вокруг себя любовь, доверие, благородство! Ты не слышал, как он отругал меня в тот день, когда я пришла к тебе в школу, чтобы рассчитаться с тем парнем. Честно говоря, теперь я сама сожалею, что так поступила... Тем более, что этот парень после того совсем бросил школу... (Снова молчание. После паузы.) Лука, дорогой, скажи мне, ради бога, кто такая Мтвариса?

Л у к а (растерянно) — Мтвариса?

Б о г д а н а. — Ты ведь знаешь, кто она?

Л у к а. — А почему ты спрашиваешь?

Б о г д а н а. — Знаешь или нет?

Л у к а. — Знаю.

Б о г д а н а. — И что же?

Л у к а. — Почему ты спрашиваешь?

Б о г д а н а. — Пойми меня правильно, Лука. В последнее время он часто вспоминает Мтварису, и я поняла из его слов, что она каким-то образом связана с тобой.

Л у к а. — Я только раз видел Мтварису в сумасшедшем доме, но когда я снова пришел туда, мне сказали, что никакой Мтварисы не существует.

Б о г д а н а. — Но не мог же ты сам придумать Мтварису, и померещиться она тоже тебе не могла... Или... Может, ты видел ее во сне, но так ясно, как наяву?

Л у к а. — Нет, нет! Я видел ее на самом деле, а потом уже она мне снилась.

Б о г д а н а. — Тогда почему же ты говоришь, что Мтварисы не существует?

Л у к а. — Не знаю... Мне сказали, что там нет никакой Мтварисы, никогда не было. Сторож сказал, что там прачечная и ничего больше!

Б о г д а н а. — Может, сторож ошибся?

Л у к а. (Пожимает плечами).

Б о г д а н а. — Хочешь, пойдем вместе.

Л у к а. — Мне все равно. Я могу пойти сейчас же. Керосина все равно нет.

Б о г д а н а. — Я тоже хочу, чтобы Мтвариса существовала, потому что так хочет Андукапар.

Л у к а. — Хорошо. Я пойду.

Лука ушел.

Он понял, что Богдана больше знала о Мтварисе, чем ему показывала. Очевидно, Андукапар сказал ей все, сказал и то, почему он мучился ею, почему его так мучила Мтвариса. Но Луке оставалась непонятной и неясной причина этих мук. Почему существование или отсутствие Мтварисы должно было доставлять такую боль Андукапару?

Лука вспомнил ту ночь, когда впервые сказал Андукапару, что Мтварисы не существует. Тогда Андукапар страшно разволновался, а Лука был удивлен и ошеломлен его волнением. С тех пор он не думал больше о Мтварисе, она больше не снилась ему. Теперь он даже

сожалел о том, что когда-то увидел голую девушку за решеткой, девушку, которая призналась ему в своих страданиях, сожалел и о том, что доверил увиденное и пережитое Андукапару.

По Горшечной улице он спустился на Пески и от площади поехал троллейбусом до старой кирки. Лука не особенно надеялся, что ворота больницы будут открыты. Так и случилось, железные ворота были заперты наглухо. Напрасно бродил он взад и вперед вдоль забора, потом, разочарованный и огорченный, вернулся домой, глубоко уверившись, что никто никогда не сможет установить, существовала или нет Мтвариса на самом деле.

Миновав Горшечную улицу, Лука увидел, что возле керосиновой точки не было никакой очереди. Сама лавка оказалась закрытой. Вернувшись домой, он застал Богдану и Андукапара на балконе. Богдана, упираясь обеими руками в спинку кресла, катала Андукапара, чтоб он дышал свежим воздухом. Заметив Луку, она показала ему глазами, чтобы он ничего ей сейчас не говорил. Распухший, бледный Андукапар лежал, бессильно откинувшись на спинку кресла. Беспомощные, отекшие руки были сложены на животе. Он чуть заметно улыбнулся Луке. Потом закрыл глаза, и на его пепельно-сером лице вновь разлилось холодное спокойствие.

— Керосин так и не привезли, — сказала Богдана.

— Я догадался.

— Завтра обещают.

— А завтра я иду в школу.

— Я принесу и для вас, и для себя, завтра я работаю в ночную смену.

Лука перегнулся через барьер и поглядел на Куру. Вода в реке уже так поднялась, что залила берега и до-

ходила до дворовой стены. Она неслась, разъяренная, мутная, пенистая, билась о кирпичную стену, врезавшуюся в ее течение, и с рокотом закручивалась в водовороты, одной волной накрывала другую, образовывала огромные воронки, похожие на пасть дракона.

Лука улучил время и незаметно показал Богдане, что ворота были заперты. Богдана кивнула: понимаю. Потом сказала:

— Я напоила тетю Нато чаем. Иди и ты выпей.

— Я потом.

— Потом не разогреешь, нет керосина.

— Ну и не надо. Мне не хочется.

Андукапар раскрыл глаза и устремил их на Луку. Лука понял, что означал этот взгляд, но не двинулся с места.

— Ступай, поешь... Слушайся Богдану, Лука.

Лука молча отошел от деревянного барьера и направился к галерее.

Тетя Нато, очевидно, услышала, как он открыл дверь, взглянула на него из глубины комнаты и показала здоровой рукой, лежавшей поверх одеяла, чтобы он подошел.

Лука встал на колени перед кроватью.

— Как ты, тетя Нато?

Тетя Нато шевельнула губами, и на лице ее показалось жалкое подобие улыбки. Потом здоровой рукой она ласково прикрыла руку племянника.

— Ты пила чай? — спросил Лука. По обеим щекам тети Нато скатились слезы, Лука вытащил из-под подушки платок и вытер ей глаза.

Внезапно с шумом открылась дверь, и на пороге своей комнаты возник Поликарпе Гиркелидзе. Он запер за собой дверь на ключ и поздоровался с больной:

— Здравствуй, тетушка! Сегодня ты получше вы-

глядишь! — он даже не поглядел на тетю Нато и не поздоровался с Лукой.

— Я, пожалуй, тоже выпью чай, — сказал Лука тете Нато и встал.

Вода в чайнике, конечно, уже остыла, поэтому Лука просто съел свою долю черствого хлеба и снова вышел на балкон.

— Лука, иди сюда! — позвала Богдана, — у Беришвили что-то происходит...

Лука подбежал к перилам и выглянул во двор. На первом этаже и в самом деле что-то происходило, там деловито сновали какие-то люди. Но самым интересным было то, что среди этих людей был и почтенный Поликарпе. Дверь в комнату Беришвили была распахнута, кто-то выносил на балкон вещи, и, естественно всем этим заправлял Поликарпе Гиркелидзе. Самого Датико Беришвили нигде не было видно.

— Кажется, Лука, тебя выселяют, — сказал Андукапар.

— Выселяют? — не поверил Лука.

— Именно, это уже решено на небесах.

— Кто это решил?

— Поликарпе Гиркелидзе, твой дорогой родственник. Я знал, что этим кончится... Жаль, что я занемог и у меня нет сил, чтобы рассчитаться с этим «родственником»!

— Я не допущу такой несправедливости! — вспыхнула Богдана.

— Тебя никто не спросит, моя дорогая... Кто ты такая, Богдана Вайда, моя жена, мой добрый друг?! Ты так же беспомощна, как и я, как Лука, как тетя Нато! Это зло не остановишь одним только добрым сердцем, оно тебя растопчет, уничтожит, сровняет с землей!

С этим злом может справиться только сила, большая, всеподавляющая сила, которой у нас нет.

— И ты мне говоришь это, Андукапар?! Ты?! Тогда для чего же добро, если оно не будет противостоять злу?!

— На сей раз дела обстоят несколько иначе.

— Разве на свете нет справедливости, закона? Ведь закон — одно из выражений добра?

— Богдана, они сейчас действуют именем закона, вернее, якобы в рамках закона. Я уверен, что Датико Беришвили согласовал все вопросы, где следует. Вместе с тем, у него на руках все документы, которые дают право на обмен. А знаешь ли то, что значит, когда зло действует именем закона?!

Суета и беготня на первом этаже не утихали. Какие-то мужчины выносили из комнаты мебель, посуду; матрацы и одеяла грудой были навалены на перила. Лука растерянно глядел на первый этаж, на здоровенных мужчин, которые тащили по балкону, не щадя сил, огромные шкафы. На балкон вышли и другие соседи, но они не принимали никакого участия в этих хлопотах. Скрестив на груди руки, они суровым молчанием выражали свое возмущение, время от времени поглядывали на Луку и сочувственно покачивали головами, как бы говоря: что же делается, какая возмутительная несправедливость! Несколько раз на Луку взглядывал и дядя Ладо, выразительно ударяя себя кулаком в грудь. Он вместе с Изой стоял под липой, которая только-только покрылась молодой листвой.

Поликарпе выбрал четырех мужчин и повел их по балкону первого этажа.

— Сейчас они поднимутся сюда и вынесут тетю Нато вместе с кроватью, — сказал Андукапар.

Лука вдруг оторвался от барьера, влетел в галерею,

запер дверь изнутри. Он видел из окна лестницу, и в ожидании чего-то неизвестного и страшного сердце у него бешено колотилось. Он ни о чем не думал, весь пронизанный одною мыслью — никому не открывать дверей, если даже это будет стоить ему жизни. Он испуганно взглянул на тетю Нато. Она спокойно спала в своей постели.

Вскоре над лестницей выросла лысая голова почтенного Поликарпе. Он деловой походкой направился к галерее. За ним следовали четверо дюжих мужиков.

Поликарпе взялся за ручку двери и очень удивился, когда дверь ему не подчинилась. Он еще раз налег на дверь и, недоумевая, заглянул в окно. Здесь он столкнулся с взглядом Луки и сразу рассвирепел:

— На что это похоже!

Но он быстро овладел собой, спокойно оглядел балкон и, словно к кому-то обращаясь, проговорил с деланной улыбкой:

— Вы только посмотрите на этого молокососа! Он запер дверь изнутри! Открой сейчас же эту проклятую дверь!

— Не открою!

— Как это — не открою!

— А вот так — не открою!

Поликарпе снова засмеялся и подергал за ручку двери.

— Посмотрим, до каких пор ты будешь сидеть взаперти!

Лука видел из окна багровое от досады лицо Поликарпе. Его помощники спокойно стояли у него за спиной и терпеливо ждали дальнейшего развития событий. Потом на тот участок балкона, который находился в поле зрения Луки, выехала коляска Андукапара, вслед за

ней появилась Богдана, упиравшаяся обеими руками в спинку кресла.

— Не рановато ли вы затеяли обмен, почтенный Поликарпе? — спросил Андукапар.

— Это тебя не касается, дорогой сосед! — ответил Поликарпе и как будто про себя добавил:—Что за хамство вмешиваться в чужие дела!

— По-моему, кроме вас, здесь никто в чужие дела не вмешивается, а что касается хамства, то я еще не встречал более наглого и непорядочного человека, чем вы!

Поликарпе не обратил никакого внимания на слова Андукапара, словно не слышал ничего. Но через некоторое время он неожиданно взбеленился, затряс дверь и заревел:

— Открой сейчас же, бездельник, иначе я высажу дверь!

— Не открою! — спокойно ответил Лука, он и вправду немного успокоился при виде Богданы и Андукапара.

— Я вызову милицию! — крикнула Богдана.

— Хоть милицию, хоть полицию! У меня на руках документ, подписанный старухой! — огрызнулся Поликарпе и снова обернулся к Луке: — Я тебе говорю — открой немедленно!

Лука, разумеется, не открыл. Тогда Поликарпе дал знак безучастно стоявшим помощникам, и они впятером налегли на дверь. Лука поторопился скрыться, так как видел, что сила противника превосходила прочность двери.

Дверь с треском поддалась, все пятеро ворвались в галерею и окружили кровать тети Нато.

— Тихонечко, теперь тихонечко! — предупредил Поликарпе.

Мужчины осторожно сдвинули кровать, потом так же осторожно подняли ее. Лука вдруг вспомнил, как выносили из этой комнаты тетю Нуцу, и на мгновенье у него в глазах потемнело. Придя в себя, он схватился за ножку кровати, и крикнул: — «Не трогайте!» — но что он мог поделать!

Тетю Нато тоже вынесли из галереи, но не в гробу, как ее сестру, а в собственной кровати. Лука побрел следом. Подойдя к лестнице, мужчины вдруг опустили кровать и поставили ее на пол. Поликарпе побагровел, засуетился, охваченный внезапным страхом и волнением, словно бы собирался бежать и не мог. Луке показалось, что кто-то поднимался по лестнице, кто-то, внушавший его врагам страх и ужас. В наступившей тишине явственно раздавались тяжелые шаги.

Вскоре на балконе, опираясь на палку, показался высокий человек в военной форме с маленьким чемоданом.

— Что здесь происходит?! Куда вы несете эту женщину? — спросил офицер.

Это был Гоги Джорджадзе — отец Луки.

Лука не успел произнести ни слова, потому что потерял сознание.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Луку через несколько минут привели в себя, отец носил его по балкону, как маленького ребенка.

Волнение и суматоха угасли, двор затих. Соседи, которые по пятам за Гоги Джорджадзе поднялись на балкон второго этажа, не в силах подавить возмущения и негодования, теперь, вполне удовлетворенные, вернулись назад. В этой неразберихе Поликарпе Гиркелидзе

куда-то испарился, ускользнул незаметно, и никто не мог его найти ни тогда, ни после.

Тетю Нато вместе с ее кроватью снова водворили на место. Вторую комнату, из которой несколько месяцев назад Поликарпе выселил Луку, с большим трудом открыли. На столе, кроме круга колбасы и хлеба, обнаружили четыре письма, посланные майором Джорджадзе из госпиталя. Почтальон передавал эти письма лично Поликарпе Гиркелидзе. За это почтенный Поликарпе вручал ему по пять рублей за каждое письмо. Почтальон этого не скрывал, обо всем рассказал чистосердечно, ибо был уверен, что доставлял письма по назначению, одному из членов семьи.

Поликарпе, разумеется, знал, что Гоги Джорджадзе через несколько дней объявится в Тбилиси, и поэтому старался как можно скорее переселить тетю Нато, но расчет его не оправдался. Гоги Джорджадзе поспешил и приехал раньше предполагаемого срока. А спешил он потому, что ни на одно из своих четырех писем не получил ответа.

Тетя Нато весь день плакала и смеялась. Весь день старалась что-то сказать своему зятю, но никак не могла. Ей только удавалось показать ему, чтобы он держался к ней поближе и не покидал ее. Гоги Джорджадзе сидел возле ее изголовья и обещал ей перевернуть весь мир и найти свою жену, мать Луки.

— Зачем, зачем оча поехала, — твердил он, — я ведь предупредил ее, чтобы она не выезжала из Тбилиси.

Гоги Джорджадзе дал деньги Богдане. Богдана и Лука пошли на рынок за провизией. Лука сам попросил, чтобы его взяли. В странном он был состоянии — ему было трудно находиться дома, с отцом, наверно, от чрезмерной радости и волнения, поэтому он решил на

некоторое время выйти из дома, чтобы в шуме и сутолоке базара немного перевести дух.

Стол вынесли из другой комнаты и поставили возле кровати тети Нато. Пообедали все вместе: отец, Лука, тетя Нато, Андукапар и Богдана. Честно говоря, тетя Нато почти ничего не поела, Богдана проглотила несколько ложек украинского борща, который сама сварила.

Потом Андукапар и Гоги Джорджадзе стали беседовать, из этой беседы Лука заключил, что положение на фронте немного изменилось, хотя и не настолько, чтобы можно было успокоиться и ни о чем не тревожиться.

Установить личность и адрес Поликарпе Гиркелидзе так и не удалось. Тетя Нато ничего сказать не могла, а отец Луки даже приблизительного представления не имел, кто он такой, откуда и с какой стороны приходится родней. Когда у тети Нато спросили, подписывала ли она какую-нибудь бумагу, она ответила утвердительно, но она даже понятия не имела, какой документ заставил ее подписать Поликарпе Гиркелидзе.

Лука за весь день не произнес ни слова, молча смотрел на отца с чувством тайной гордости. Он уже верил, что отныне все будет хорошо, что мама отыщется и вернется так же, как вернулся отец. Но узнав, что отец через два месяца снова уходит на фронт, Лука опять встревожился. За эти два месяца отец должен был залечить раны на плече и на правой ноге.

Мирная беседа между Гоги Джорджадзе и Андукапаром продолжалась недолго, вечером тетя Нато начала хрипеть и очень скоро, через каких-нибудь сорок или пятьдесят минут, скончалась. Не успели даже вызвать врача. Бедная тетя Нато! Она умерла в день приезда зятя.

Тетю Нато похоронили рядом с тетей Нуцой на Кукийском кладбище. На панихиду приходил весь класс. Однажды пришел и Мито, попросил у Луки прощения.

— При чем здесь ты, — ответил ему Лука, — нас с Маико избил Ираклий Девдариани.

Мито ничего на это не ответил, с досадой махнул рукой и отошел. Маико приходила каждый вечер, но очень ненадолго. Словно куда-то опаздывала. Лука чувствовал, что Маико изменилась, хотя и делала вид, что ничего не произошло. Да и сам Лука был очень сдержан по отношению к Маико. При встрече он уже не выражал радости, как прежде, чего-то стеснялся, робел.

На третий день после похорон Датико Беришвили поднялся к Гоги Джорджадзе.

— Здравствуй, Гоги! — вежливо поздоровался он.

— Здравствуй!

— Хорошо, что ты вернулся невредимым!

— Не таким уж невредимым, как тебе кажется.

— Это пустяки! Главное, что ты жив!

— Знаешь, что я тебе скажу, Датико, я не люблю бродить вокруг да около, и лучше давай, говори прямо, зачем пожаловал.

— Хотел поздравить тебя с возвращением.

— А все-таки?

— Мы должны понять друг друга.

— Скажи, что тебе надо, и если это можно понять, я тебя пойму.

— Другого выхода нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Обмен уже совершен, осталось выполнить кое-какие формальности.

— Какие-такие формальности?

— Ты должен перейти в мою квартиру, а я вселюсь сюда.

— Это почему же?

— Потому, что так решено.

— Кем решено?

— Основчой квартиросъемщик у вас тетя Нато, а ее согласие, если хочешь знать, лежит у меня в кармане.

— Покажи-ка.

Датико Беришвили достал из внутреннего кармана пиджака сложенную вчетверо бумагу и передал отцу Луки. Тот, не раскрывая, разорвал ее, смял и отбросил в сторону.

— Сейчас же убирайся отсюда! — сказал Гоги Джорджадзе. — Мне теперь не до твоих темных делишек. Я занят.

— Ах, вот как?

— Может, ты мне еще угрожать станешь, а?

— А если и стану, что с того?

— Пожалуйста, угрожай! Только учти, что я не только тебя, а даже танка не испугался.

— Танк танком, а я — совсем другое! Запомни, дорогой, я — совсем другое дело!

— Да будь кем угодно, а теперь убирайся.

— Ишь, как просто ты хочешь от меня отделаться.

— Я не понимаю, чего ты ко мне пристал?

— Подумай, Гоги, хорошенько подумай, даю тебе два дня сроку!

— Мне нечего думать. Если ты дорожишь своей башкой, убирайся немедленно и больше не показывайся мне на глаза.

Датико Беришвили ничего не сказал, злобно усмехнулся, поднял с полу скомканную бумажку и поспешно покинул комнату.

Гоги Джорджадзе долго сидел молча, о чем-то глу-

боко задумавшись. Лука в это время был в галерее и готовил уроки. Он все видел и слышал. Почему-то думал, что отец войдет к нему и что-нибудь скажет о Датико Беришвили, но ошибся, отец не только не выходил, но даже не глядел в сторону галереи, продолжая сидеть, облокотившись на стол обеими руками.

Отец казался задумчивым и невеселым не только сегодня, но с первого дня приезда. Лука чувствовал это, тем более, что эта задумчивость и грусть, боль или тревога делались с часу на час заметнее. Лука ощущал и то, что между ним и отцом внезапно выросла непреодолимая и непроницаемая преграда. Можно сказать, что Лука впервые получил возможность быть рядом с отцом и все же не мог с ним сблизиться так, как ему это представлялось в мечтах. Может, так получилось оттого, что отец потерял свою былую веселость и непринужденность. А если потерял, то в силу каких причин? Причин было много, но больше всех одна из них лишала Луку покоя: а вдруг отец знает, что с мамой, и скрывает от него?..

— Лука, поди сюда! — вдруг позвал отец.

Лука быстро поднялся и вошел в комнату.

— Как дела, Лука?

— Хорошо.

— Ты ведь не боишься Датико Беришвили?

— Нет!

— Ты уже взрослый парень, Лука... Ты ничего не должен бояться! Через два месяца я, наверно, вернусь на фронт. Два месяца — большой срок, я все улажу и приведу в порядок. Может, я запру эту квартиру и отвезу тебя в Телави к моему дяде. Может, придумаю что-нибудь другое, не знаю, я еще не решил. Так или иначе, что-нибудь сделаю. И ты ничего не бойся... Тем

более Датико Беришвили, этого трусливого прохвоста и мошенника.

Датико Беришвили не забыл о назначенном сроке, через два дня он снова явился к Гоги Джорджадзе.

— Здравствуй, Гоги!

— Здравствуй!

— Как поживаешь?

— Отлично, а ты как?

— Я тоже неплохо.

— Ну и слава богу!

— Если мы не сговоримся...

— Я тебе уже сказал — не сговоримся, — прервал его Гоги Джорджадзе.

— Для тебя было бы лучше, если бы мы сговорились.

— Чем же лучше?

— Как я слышал, ты через два месяца возвращаешься на фронт?

— Что из этого следует?

— Я бы взял на себя опеку над твоим сыном, а так — на кого ты его оставишь?

— Это тебя не касается.

— Ты же знаешь, что я хозяин своего слова.

— Ничего я не знаю.

— Гоги, почему ты меня дразнишь?

— Я тебя дразню?!

— Ладно. Тогда найди этого пройдоху Гиркелидзе и верни мне мои деньги.

— Какого Гиркелидзе?

— Вашего родственника.

— У меня нет такого родственника.

— Мне все равно, твой это родственник или твоей жены.

— Не знаю.

— И я не знаю. Верните мне мои деньги!

— Сколько же ты ему отдал?

— Сто тысяч рублей.

— Как же ты доверил ему такую сумму, если знал, что он пройдоха?

— Я еще раз повторяю: найди этого человека и верни мне мои деньги.

— А я еще раз прошу тебя, Датико, мне не угрожать.

— Я свое сказал, Гоги... Дальше смотри сам!

— Вот и ладно. А теперь, будь добр, оставь меня в покое.

— Боюсь, что ты меня недостаточно хорошо знаешь.

— Еще узнаю. Времени достаточно.

— Я про то говорю, как бы тебе потом не пожалеть.

— А о чем мне жалеть? — отец Луки поднялся и прихрамывая прошелся взад и вперед по комнате. — Даже смерть этой бедной женщины сошла ему с рук, так он, наглец, еще и угрожает! Убирайся отсюда, бессовестный!

— Между прочим, эта «бедная женщина» до твоего приезда была жива... Уж не знаю, что с ней потом стряслось! — Датико Беришвили круто повернулся и вышел.

Лука вспомнил тетю Нато. Вспомнил, как удивительно она походила в гробу на свою ранее умершую сестру — тетю Нуцу. Ощутив ноющую боль внутри, Лука не сразу понял, что мучила его пустая кровать тетушки, железная кровать, в которой никто уже не лежал и никогда больше не ляжет...

— Лука! — окликнул его отец.

Лука вошел в комнату.

— Как жизнь, Лука? — спросил отец и улыбнулся.

— Отлично!

— Ты ведь ничего не боишься, сын?

— А чего мне бояться?

— Правильно, сынок, ты уже совсем взрослый.

«Видно, не такой уж я взрослый, раз мне на каждом шагу об этом твердят, — подумал Лука. — А все-таки чего я должен бояться?» И в самом деле, чего ему бояться? Он не замечал вокруг ничего такого, чего следовало бы опасаться, особенно теперь, когда рядом был отец. У него не возникало никаких предчувствий, и сердце не подсказывало ему, что беда была совсем рядом.

Однажды ночью в дверях галереи появился незнакомый мужчина и спросил Гоги Джорджадзе. Это я, — сказал отец Луки. Спуститесь на минутку во двор, — вежливо обратился к нему незнакомец. А в чем дело?— удивился Гоги Джорджадзе. Там вас ждут старые друзья, — с этими словами незнакомец исчез.

Лука заметил, что отец сначала задумался, а потом не на шутку встревожился. У Луки так заколотилось сердце, что на мгновенье он словно оглох и ничего не слышал, кроме ударов собственного сердца.

Гоги Джорджадзе быстро надел китель и подпоясался широким армейским ремнем, все это он проделал так ловко и молниеносно, как по сигналу боевой тревоги. Потом он вынес из соседней комнаты револьвер, проверил его и сунул в карман. Опираясь на палку, Гоги Джорджадзе вышел в галерею, и Лука еще раз убедился, что отец чрезвычайно взволнован.

— Не ходи! — взмолился Лука.

— Почему? — неожиданно для Луки спросил отец.

— Не ходи! Мне страшно...

— Не бойся, ничего со мной не случится!

Дверь галереи была открыта. За дверью начиналась тьма, такая густая, хоть глаз выколи. Отец уже собрался выходить, но взглянув во мглу, почему-то остановился.

— Ты не выходи, слышишь? Оставайся дома!

— Поторопитесь, вас ждут! — снова раздался голос незнакомца.

— Кто меня ждет? — спросил Гоги Джорджадзе.

— Не знаю, наверно, ваши друзья. Меня просто попросили вас позвать.

— Передай, что я сейчас иду.

Отец колебался. Он закурил папиросу, поглядел на Луку, что-то хотел ему сказать, но не успел. В это время в открытой двери галереи показалась Богдана.

— Не ходите, Гоги... — сказала Богдана. — Я недавно проходила через двор. Возле голубятни пятеро мужчин — Датико Беришвили, Рубен, троих я не узнала. По-моему, это те самые, которые приходили, чтоб перенести тетю Нато. Не ходите, очень темно и вы ничего не разглядите...

— Гоги, послушайся Богдану, сейчас не время туда идти... — Это голос Андукапара, идущий из темноты.

— Вы присмотрите за Лукой, я сейчас приду! — Гоги Джорджадзе ступил во тьму. Перед уходом он бросил на пол горящую папиросу и раздавил ее каблуком.

Богдана пошла за ним, следом — Лука.

Богдана вывела Луку на балкон, оба перегнулись через барьер. Андукапар был уже там в своем кресле.

Во дворе стоял мрак, и ничего не было видно, не только двор, но весь город был погружен в ночную мглу.

— Гоги уже на лестнице первого этажа, — сказала Богдана.

— Не надо было ему спускаться, — отозвался Андукапар.

— Мы виноваты, не должны были его пускать! — это опять Богдана.

Возле голубятни трижды прогремел выстрел, сопро-

вождаемый огненной вспышкой. В ответ со стороны лестницы тоже раздались выстрелы. Этот ужасный звук повторился несколько раз с той и с другой стороны.

— Кажется, Гоги ранили! — крикнула Богдана, отрываясь от перил.

— Папа! — закричал Лука и отскочил от барьера.

Богдана и Лука бегом спустились по лестнице... Лука бежал вслепую, ничего перед собой не видя.

— Вас ранили, Гоги? — услышал Лука возглас Богданы.

— Да, попали-таки мерзавцы!

Лука нашел в темноте отца, обхватил руками его колени и заплакал:

— Папа!.. Папа!..

— Не бойся, сынок, меня чуть-чуть царапнуло... пустяки.

— Вы знаете, кто стрелял? — спросила Богдана.

— Кто?

— Рубен.

— Поглядите на этого Коротышку! Оказывается, он умеет стрелять...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Богдана подставила плечо отцу Луки и попыталась поднять его по лестнице. Не прошло и минуты, как во двор с криком ворвались патрульные. Солдаты осветили двор карманными фонариками и бросились к лестнице. Их было двое, в руках они держали короткие карабины. При свете фонарей они внимательно оглядели и отца Луки и Богдану.

— Что случилось, товарищ майор? — спросил один из них у Гоги Джорджадзе.

— В меня стреляли, — коротко ответил тот.

— Вы ранены?

— Да, попали в плечо... Я думаю, рана пустяковая.

— Кто они?

— Не знаю.

— Наши ребята пустились за ними в погоню. Наверно, схватят.

Как бы в подтверждение этих слов издалека снова раздались выстрелы. Один, второй, третий...

— Может, отвезти вас в госпиталь? Мы на машине, товарищ майор.

— Пожалуй, так будет лучше.

— Папа! — вскрикнул Лука.

— Рана есть рана, сынок, надо сделать перевязку... Богдана, присмотри за ним... Я, наверно, завтра или послезавтра вернусь.

Патрульные с обеих сторон подхватили Гоги Джорджадзе и осторожно повели его. Богдана обняла Луку за плечи, и они медленно пошли вверх по лестнице. На балконе их поджидал Андукапар.

Они вошли в комнату к Андукапару, закрыли ставни и зажгли лампу. Лука съежился на тахте, стиснул сжатые в кулак руки и до боли прикусил зубами большие пальцы. Сердце подсказывало ему, что отец был ранен гораздо тяжелее, чем ему показалось. Когда патрульные навели на него фонарь, Лука заметил, как обильно стекал по его лицу пот.

— Стрелял Рубен, — проговорила Богдана прерывающимся голосом. Она выглядела очень встревоженной, бледная, ходила взад-вперед по комнате и ломала пальцы. — Я своими глазами видела.

— Все ясно, как день.

— Трудно поверить, что Датико Беришвили так глуп. Ведь завтра все раскроется.

— Не так он глуп, как тебе кажется... Ни завтра и ни послезавтра... — как видно, Андукапару было тяжело говорить, он отрывочно выбрасывал отдельные слова.

— В чем дело? Чего добиваются эти люди?

— Со всеми нами что-то происходит, и мы не можем понять, что, — сказал Андукапар. Лука одним ухом прислушивался к беседе Андукапара и Богданы. У него перед глазами все стояло искаженное болью, залитое потом лицо отца. Он не верил и не мог поверить, что Коротышка Рубен мог причинить его отцу такое зло. За что?! Ведь Гоги Джорджадзе ничего плохого ему не сделал!

Лука поглядел на Андукапара и невольно поднялся с места. Андукапар бессильно лежал в своем кресле. Глаза его были затянуты какой-то пеленой, или он заснул с открытыми глазами. Обе руки, свесившись с кресла, беспомощно раскачивались. Дышал он так часто, что, казалось, вот-вот испустит дух.

Лука подошел к Богдане и прошептал:

— Он спит?

— Спит, — таким же шепотом ответила Богдана.— Пусть заснет покрепче, и я перенесу его в кровать.

Кто-то постучал в дверь.

— Кто там?

— Военный патруль... Вести от майора.

Богдана отворила ставни. В комнату вошел безбородый молодой солдат и вежливо поздоровался.

— Все в порядке, — сказал он, — майор лежит в таком-то госпитале и чувствует себя хорошо.

— Его отвезли в твою бывшую школу, — сказал Андукапар, задвигавшись в своем кресле.

Вежливый патрульный попрощался со всеми и перед уходом сказал Богдане:

— Сквозь щели в ставнях проникает свет, как-нибудь замаскируйтесь, а не то вас оштрафуют.

Богдана поблагодарила патрульного, и он ушел.

— Совсем погасите лампу и откройте дверь, — закричал Андукапар, — я задыхаюсь!

Наутро Лука застал Андукапара на балконе. Богдана чуть свет ушла на швейную фабрику. Андукапар тяжело дышал. Лука обратил внимание на нездоровую, какую-то странную бледность его лица. У Луки мучительно сжалось сердце, и он не мог заставить себя поглядеть другу в глаза. Наверно, такой цвет лица называют землистым, подумал он. Ноздри, подбородок и кожа над верхней губой Андукапара были покрыты сыпью, которой вчера не было, во всяком случае Лука ее не замечал.

— Как ты спал, Лука?

— Да гак...

— Ступай в госпиталь, проведай отца.

— А меня пустят?

— Наверно... Если не пустят, то во всяком случае скажут, как он.

— Пойду непременно. После уроков.

— Пойду... пойду, — почему-то повторил Андукапар, уронил голову на левое плечо и с улыбкой пристально поглядел на Луку. Через некоторое время улыбка незаметно исчезла, и лицом снова завладела едва заметная гримаса боли. — Ты слышал, Иза убежала из дома?

— Иза?

— Оставила записку... Не ищите, пишет, меня...

— Что говорит дядя Ладо?

— Спроси... Вот он стоит во дворе... — Лука выглянул во двор. Дядя Ладо в самом деле стоял под липой. Взгляд Луки невольно скользнул на первый этаж. Коро-

тышка Рубен покуривал, облокотясь на перила. На его голове красовалась неизменная огромная кепка. Глубоко задумавшийся Рубен безмятежно попыхивал папиросой. После ночного происшествия Лука был твердо уверен, что Рубен бежал от карающей руки правосудия и теперь сидит, забившись в какую-нибудь щель. Поэтому он никак не ожидал увидеть его здесь, и не поверив собственным глазам, вздрогнул и растерянно поглядел на Андукапара. Может, Богдана ошиблась, может, Коротышка Рубен не стрелял в Гоги Джорджадзе?

— Что с тобой, Лука? Коротышку увидел?

— Да... Коротышка Рубен стоит на балконе.

— А что ты думал?

— Не знаю...

— Что-то происходит с нами, Лука, и я не могу понять, что!

— Я пойду, — сказал Лука, — пойду в школу.

Но он сразу понял, что ему очень трудно будет спуститься во двор, когда Коротышка Рубен, покуривая, стоит на балконе. Но и здесь он не мог больше оставаться, муки Андукапара заставляли его страдать, и он стремился поскорее покинуть этого человека, чья близость еще вчера или позавчера была ему дороже всего на свете.

— Ступай, Лука, а то опоздаешь, ступай...

Лука нехотя направился к галерее, вынес портфель и замешкался возле лестницы.

— Человек неблагодарен по своей природе... — услышал он голос Андукапара. — Неблагодарным он приходит в этот мир... И таким же неблагодарным возвращается в небытие...

Сознание Луки напряглось. Почему-то он подумал, что эти слова были ему очень знакомы и имели к нему

прямое отношение. Он попытался вспомнить, откуда он знал эти слова или где услышал их впервые, но зря мучился, никак не мог вспомнить. Сунув портфель под мышку, Лука бегом спустился по лестнице, бегом пересек двор, низко опустив голову, чтобы не видеть Коротышку Рубена, но когда он подошел к липе, его остановил дядя Ладо.

— Как твой отец? — спросил он.

— Не знаю, дядя Ладо, сегодня пойду и все узнаю.

— Что же это такое происходит, люди добрые, так и свихнуться не мудрено! — дядя Ладо выглядел каким-то сломленным и разбитым.

Кура за эти два дня настолько поднялась, что волны ее почти достигали двора. Лука только сейчас это заметил. Река несла свои мутные воды, большая и сильная, до краев наполняла собственное русло. От моста до моста разливалось безбрежное пространство движущейся, мутной воды.

Дядя Ладо привязал свою плоскодонку к липе. В лодке валялось одно весло и шест с железным наконечником. Лодка поднималась и опускалась на волнах, качалась, колебалась, терлась бортом о кирпичную стену.

Лука только сейчас заметил и то, что под липой уже не было скамеек и стола. Дядя Ладо сказал:

— Видно, нынешней зимой кому-то не хватило дров...

Луке очень хотелось узнать, что с Изой, но спрашивать он не решался.

— Вечером заходи ко мне, скажешь, как отец.

— Скажу непременно, дядя Ладо.

— Пусть никто не думает, что этот мир и вправду соломой крыт.

— Не знаю...

— Иди, Лука, иди... опоздаешь...

Лука и сам хорошо знал, что опаздывает, но боялся

повернуться: за его спиной на балконе первого этажа стоял Коротышка Рубен. Лука всё же повернулся и, опустив голову, сделал несколько шагов. Он даже не взглянул туда, но почему-то понял, что Рубена там уже не было. Однако отсутствие Рубена не принесло Луке облегчения. Напротив, он ощутил раздражение и весь затрясся. Сердце колотилось с такой силой, словно собиралось выскочить из грудной клетки.

«Какие странные глаза у Богданы, — думал Лука по дороге — она видит ночью так же, как днем. Если бы не Богдана, никто бы наверно так и не узнал, кто стрелял в отца... А может, лучше было, раз отец остался жив, совсем не говорить, совсем не открывать этой тайны?..» Луке даже на минутку не хотелось представить себе, что произойдет в их дворе в день выписки отца из госпиталя. Ну, а вдруг Богдана видит ночью не так хорошо, как днем, вдруг она перепутала в темноте, не разобралась? Тем более, что во двор она смотрела с высоты второго этажа, да еще в абсолютной тьме.

Эти мысли вконец расстроили Луку. Теперь он уже не дрожал и сердце больше не билось так сильно. Им овладела тоска, все казалось одинаково скучным и постылым. Он находился словно в тумане и брел сквозь туман, ничего не замечая вокруг и не интересуясь, что вокруг происходит.

У входа в школьное здание он столкнулся с учителем географии, который одновременно был и заведующим учебной частью.

— Джорджадзе, — строго окликнул его завуч, — идем со мной!

Лука покорно последовал за учителем. В другое время сердце у него ушло бы в пятки от такого грозного тона, но сейчас он был настолько отчужден от внешнего мира, что испуг не задел его сознания.

— Джорджадзе, на что похоже твое поведение? До каких пор мы будем терпеть твою распущенность?! — возмущенно начал завуч, едва успев войти в кабинет.

Лука стоял, как немой, бессмысленно уставившись в глаза учителю.

— Почему ты опоздал на урок?

Лука и теперь промолчал.

— Ступай сейчас же домой и приведи родителей!

— Я никого не могу привести, — наконец выдавил из себя Лука.

— Что это значит? Как это не можешь привести?

— Отец лежит в госпитале.

— Ну, приведи мать.

— Мать... Я не знаю, где моя мать, она без вести пропала.

— Кого ты обманываешь, Джорджадзе, ступай сейчас же и приведи, кого хочешь. У тебя больше всех пропусков в классе. Знай, если не приведешь родителей, я оставлю тебя на второй год! Теперь иди, бесстыдник, ступай.

Прозвенел знакомый звонок.

Выйдя из кабинета завуча, Лука пошел по длинному коридору. В коридор уже высыпали ученики, и там стоял веселый гвалт. Лука заметил Маико, заметил и то, что она увидела его. Он думал, что Маико подойдет к нему, но Маико повернулась и побежала по лестнице.

С портфелем под мышкой Лука один шел по улице и думал: хорошо, что меня выгнали из школы, все равно я не смог бы высидеть на уроках. Но и завуч тоже хорош, вместо одного урока заставил меня пропустить все четыре!

Перед своей бывшей школой Лука остановился. Сказал солдату, что здесь лежит его отец и что он хочет его повидать. Солдат спросил фамилию и имя отца и

вошел в здание. Через некоторое время он вернулся и сказал:

— Я позвонил дежурному, никакого майора Джорджадзе здесь нет.

— Не может быть, — уверял Лука, — его привезли сюда вчера ночью.

Солдат не поленился вернуться в госпиталь, через несколько минут появился опять и повторил то же самое. Лука растерялся, он уже не знал, что делать, как поступить? Разве мог военный патруль сказать неправду? Зачем им понадобилось врать? Может, просто ошиблись? Но Лука хорошо помнил, что сказал вчера военный патруль, помнил и слова Андукапара:

«Его отвезли в твою бывшую школу».

А бывшая школа Луки здесь.

Задумавшись, Лука шел вдоль железной ограды. Вечером приду сюда вместе с Богданой и все выясню,— успокаивал он себя.

Дойдя до угла, он вспомнил, как недавно Богдана просила узнать его, существует ли на самом деле Мтвариса. Лука был уверен, что ворота заперты, но, несмотря на это, все же повернул к сумасшедшему дому: попытка — не пытка.

Его совсем туда не тянуло, он шел так, между прочим, чтобы выполнить долг перед Богданой и Андукапаром. Бредя по неровной улице, он снова думал об отце. Вспомнил нынешнюю ночь, жутковатый треск пальбы, освещенное фонарями, залитое пòтом лицо, искаженное болью. Может, отцу плохо и от меня хотят скрыть,— царапнул по сердцу страх, он остановился и оглянулся назад.

Им снова овладела апатия, и он решил вернуться домой, но и домой идти не хотелось. Богданы не будет допоздна, а с Андукапаром сегодня Луке не выдер-

жать, так тяжело смотреть на его страдальческое лицо. Лука продолжил свой путь по кочковатой улочке и подошел к каменной ограде. Ворота, конечно, были закрыты. Лука без всякой надежды толкнул их рукой и изумился: ворота со скрипом отворились.

Не колеблясь, Лука вошел во двор и взглянул на то окно, где когда-то увидел Мтварису. Темное, зарешеченное окно было открыто. Лука обвел взглядом двор: ни старого дворника, на бритоголовых мужчин в серых халатах нигде не было видно. Бассейн был наполнен водой, и в нем отражались покрытые зеленой листвой деревья и безоблачное небо.

Лука прошелся по двору, присел даже на одну из скамеек, потом сунул под мышку портфель и разочарованный направился к выходу.

Подойдя к воротам, он неожиданно услышал знакомый голос, и сердце у него чуть не разорвалось: он и сам не знал, почему его испугал этот голос, услышать который он так мечтал.

— Мальчик, поди сюда на минутку!

Без сомнения, это была Мтвариса.

Лука повернул голову. В открытом окне стояла голая Мтвариса, точно как тогда, когда он увидел ее впервые. Подняв над головой руки, она ухватилась ими за железные прутья решетки и смотрела на Луку большими печальными глазами. Но теперь Лука не краснел, как в первый раз, и не отводил глаза в сторону, он даже не разволновался, как тогда. Только сердце бешено колотилось то ли от испуга, то ли от неожиданности.

— Почему ты опоздал, мальчик? Разве можно столько времени заставлять человека ждать?

Лука сделал несколько шагов по направлению к окну.

— Расчленили его и его тело раскидали по всей земле... Каждая частица его тела была частицей моего тела, и он был братом моим и супругом моим... На четырнадцать частей его разрезали и разбросали по всей земле, поэтому телу моему, как и луне, ведомо четырнадцать болей, но я собрала разбросанные куски его тела, и восстал из мертвых брат мой и мой супруг. Восстал он из мертвых, и боли мои утихли, все четырнадцать болей. Ныне же он — брат мой и мой супруг, каждую весну приходит на землю и каждую осень вновь покидает ее... Он и смерть, он и жизнь, жизнь и смерть!.. — сказала Мтвариса и печально улыбнулась. Потом разжала пальцы, сжимавшие прутья решетки, и не опуская рук, повернулась, чтобы уйти.

— Мтвариса! — невольно вырвалось у Луки.

Лука увидел, как вдруг дрогнули у Мтварисы плечи и как медленно порозовело молочно-белое тело. Она быстро обернулась, глаза ее были так же печальны, но теперь она улыбалась смущенно и виновато.

Потом она уронила вниз руки и облокотилась на подоконник.

— Я не Мтвариса, мальчик.

Обнаженное тело обрело свой прежний цвет, с лица сошла виноватая улыбка, только на лбу, словно алмазы, блестели капельки пота.

— Я же сказала тебе, что я не Мтвариса.

Лука вспомнил слова Андукапара: «Вполне возможно, что ее зовут не Мтвариса, она сама придумала себе имя».

— Я собрала по кускам тело брата своего и супруга своего. Потом утихли мои четырнадцать болей, а он — брат мой и супруг мой — стал царем в царстве мертвых. В страданиях обрела я свою душу, и она сияет, как солнце. Я — покровительница всех мучеников, бед-

няков и страдальцев, утешительница всех поверженных...

Лука и сейчас почувствовал, что девушка, устремившая на него печальный взор, не смотрела на него. Вернее, ее взгляд не достигал его. Он прерывался там же, перед ней, и рассеивался в воздухе.

Луке больше не хотелось стоять здесь и слушать непонятные речи. Не интересовало его так же, какое новое имя она придумает и как еще назовет себя. Для Луки она оставалась Мтварисой. Лука сделал три шага назад, словно собираясь бежать.

— Ты куда, мальчик?

Лука остановился.

— Пойди и сообщи нашим, что я здесь! Они конечно, знают, где я, но ты все же скажи им... Может, они забыли, может, им надо напомнить... Ведь мы все неблагодарные, и многое из того, что следовало бы помнить до самой смерти, обычно забываем.

Лука вспомнил сказанные утром слова Андукапара, которые заставили натянутой струной затрепетать его память. Именно в этом дворе беседовали мужчины в серых халатах о неблагодарности. Лука оглядел двор— может, они все еще здесь? Но во дворе никого не было.

— Не задерживайся, мальчик!.. Ступай... Ступай, мальчик!.. — Мтвариса, словно собираясь танцевать, вскинула вверх руки и, напевая, отвернулась от окна.

Едва Мтвариса исчезла, Лука побежал домой. Он так и не понял, какое значение имело для Андукапара, существовала или нет Мтвариса на самом деле. Почему этот вопрос тревожил его?.. Обрадованный, бежал он домой, надеясь, что Андукапару хоть чуточку полегчает, когда он сообщит ему, что Мтвариса на самом деле существует... Мтвариса существует... Мтвариса су-

ществует... Он без передышки пробежал почти все расстояние до самого дома. Тяжело дыша, подбежал к воротам, остановился и перевел дух. Он так устал, что его мутило и кружилась голова. «Чего я бежал, ну, пришел бы на десять минут позже, какая разница?» Тоннель над воротами и часть двора он прошел не спеша. Подойдя к липе, снова подумал: «Как странно, сегодня все меня торопили... Я никуда не спешил и все равно торопился...». Потом поднял голову и взглянул на второй этаж, надеясь увидеть Андукапара... Поднявшись по лестнице первого этажа, он в ужасе застыл на месте.

Со второго этажа со страшной скоростью, подскакивая на ступеньках, громыхая, как могучий поток, пущенный в узкое русло, неслось кресло на велосипедных колесах, в котором сидел Андукапар. Андукапар обеими руками вцепился в подлокотники, выкатил глаза, в которых стоял страх, и глядел прямо перед собой. Он молнией пронесся совсем рядом с Лукой, Лука невольно отшатнулся назад и услышал потрясающий душу вопль:

— Лу-у-ка-а!..

Этот обреченный вопль был заглушен грохотом и треском. Коляска с разгону врезалась в барьер первого этажа и выломала перила. Та же сила выбила Андукапара из кресла. Андукапар раскинул руки, словно собирался взлететь, еще раз закричал «Лука-аа!»... и как огромный, тяжелый крест рухнул в реку.

Лука тотчас бросился вниз по лестнице, но споткнулся о портфель, который только что сам уронил, и кувырком покатился по ступенькам, сильно расшибившись. Во дворе он быстро вскочил на ноги и подбежал к липе, где должна была быть привязана лодка. Но лодки не оказалось на месте. Да если бы она и была, что мог сделать один Лука?!

Андукапар больше не показывался, его навсегда поглотили мутные волны Куры.

— Андукапар утонул!! — крикнул Лука безлюдным балконам, — Андукапар утонул!..

Никто не слышал крика Луки, да и кто мог услышать, когда он сам едва слышал собственный голос.

— Андукапар, Андукапар утонул! — кричал Лука.

Но Лука понял, что сейчас его никто не услышит, потому что громкий рокот Куры поглощал его голос. К нему словно вернулся давно потерянный слух, и он только сейчас услышал, как грозно шумит река.

Внезапно он ощутил, как слабеют у него колени, но все равно он направился к дому дяди Ладо, с трудом волоча отяжелевшие ноги. С величайшим усилием одолел он несколько ступенек и постучал в дверь...

— Дядя Ладо, помогите, дядя Ладо!

Дверь никто не открывал.

— Дядя Ладо, помогите!..

Видно, дяди Ладо не было дома.

Лука снова спустился по лестнице, пошатнулся и схватился за перила, чтоб не упасть. Потом проковылял еще шагов десять и подошел к другой лестнице. Здесь обязательно кто-то должен быть дома. Он знал, что здесь болен ребенок и его не могли оставить одного. Он поставил ногу на ступеньку, но колени больше не подчинялись ему, и он упал. Тогда он пополз на четвереньках... Посмотрел на дверь, потом на окно: и окно, и дверь были занавешены красными тряпками. Лука вскарабкался на две ступеньки выше. Теперь силы окончательно покинули его, он упал, уронив голову на руки. Из глубины комнаты доносилось пение, наверно, пела мать больного ребенка:

Смилуйтесь, господа хвори,
Господа хвори, смилуйтесь...

Господа хвори красивые,
Осыпаны фиалками и розами...

Лука увидел большой, зеленый луг, усеянный цветами. На лугу показалась белая овечка и стадо коз. Белый хорошенький козленок отделился от стада, взбрыкнул и побежал вприпрыжку...

Смилуйтесь, господа хвори,
Господа хвори, смилуйтесь...

ВОЛШЕБНОЕ ПЛАТЬЕ

НА ЧЕРДАКЕ

Золотоволосая девочка вприпрыжку одолела шесть или семь ступенек, быстро пробежала по балкону, свернула влево и неожиданно наткнулась на шаткую деревянную лестницу, приставленную к стене.

Лестница вела на чердак.

Чердачный люк был открыт.

Сначала девочка хотела забраться под лестницу, но потом решила, что на чердаке будет еще надежнее.

Во дворе ребята играли в прятки, и где бы ни пряталась золотоволосая девочка, ее легко находили. Поэтому она решила на этот раз спрятаться получше.

Между прочим, этого двора теперь не существует. Нет и старых приземистых домиков, крытых черепицей, с деревян-

ными балконами, которые печально глядели на свое отражение в реке.

Старый квартал давно снесли и на его месте выстроили новую набережную...

Балкон, по которому только что пробежала девочка, был хорошо знаком ей: раньше все ребята их двора часто играли здесь. Удивительно, почему никто не замечал лестницу прежде? Именно об этом думала девочка, осторожно поднимаясь наверх. «Как она до сих пор не попадалась мне на глаза? Зато сейчас так запрячусь, что неделю проищут и все равно не найдут».

Потом она заглянула в отверстие люка, но ничего не увидела, на чердаке было темно. Однако она не стала унывать. «Это как раз то, что мне нужно, укромней местечка на всей земле не найдешь».

Она подождала, пока глаза привыкнут к темноте, и в бледном свете, проникавшем сквозь щели, различала очертания каких-то предметов.

Нет, там вовсе не было так темно, как показалось вначале. Девочка покрепче ухватилась за край люка, уперлась коленом и влезла на чердак.

И сразу ее обдало густым жарким запахом паутины и ветхости. Но этот запах нисколько не смутил ее, что ни говори, а более надежного места и представить было невозможно.

Ни звука не доносилось с улицы. Так тихо было на чердаке, что она даже немножко испугалась: уж не оглохла ли?

Однако вскоре ей наскучило стоять без дела, и она стала пробираться в глубь чердака. «Там, наверное, есть слуховое окошко, — подумала она, — посмотрюка во двор, как ищут меня».

Чем дальше отходила она от люка, тем больше убеждалась, что на чердаке совсем не темно. Узкие, го-

лубоватые полосы света, льющиеся сквозь разбитую местами черепицу, освещали чердак.

Она прошла еще немного и увидела старинный деревянный буфет, украшенный резьбой.

Девочка остановилась. В глазах, словно маленькие бесенята, запрыгали искорки любопытства.

На буфете стояли глиняные кувшинчики всевозможных размеров, и среди них горделиво возвышался узкогорлый, медный кувшин весь в зеленоватых пятнах ржавчины, со вмятиной на боку, а от горлышка к изогнутой ручке протянулась плотная паутина. Самого же паука не было видно.

Девочка подошла поближе и кроме кувшинов обнаружила множество глиняных чаш и пиал. Теперь она решила заглянуть в буфет, нет ли там чего-нибудь поинтересней?

На полке стоял зеленый граммофон и целая армия гипсовых копилок.

На граммофон она даже не взглянула. Зато с интересом осмотрела размалеванные дешевыми красками копилки. Перебрала их, вертя в руках: уж больно любопытны были они, эти купцы, водоносы, солдаты, моськи, кошечки... К сожалению, все копилки оказались разбитыми и пустыми.

Налево от буфета стояли высокие часы со стеклянными дверцами. Сквозь стекло виднелся неподвижный маятник. Девочка перевела взгляд на циферблат: стрелки сошлись на двенадцати и, как видно, остановились навсегда. Девочка приоткрыла дверцу, просунула руку и толкнула пальцем маятник.

Часы жалобно задребезжали и тут же смолкли. А маятник беззвучно покачался некоторое время и тоже остановился. Девочка еще раз заставила задребезжать часы и, улыбаясь, наблюдала за маятником.

Потом она увидела за часами огромное зеркало в темной резной раме.

Направилась к нему, но тут ей на глаза попался ларец, рядом с которым валялись клетки для птиц.

Золотоволосая девочка наклонилась и хотела поднять ларец, но он оказался настолько тяжелым, что даже с места не сдвинулся. «На вид маленький, а тяжести в нем...» — подумала девочка, присаживаясь на корточки и откидывая крышку.

Ларец был до краев наполнен почерневшими монетами. Девочка зачерпнула горсточку и в луче света, пробивавшегося сквозь разбитую черепицу, стала рассматривать их. На ладони лежали старинные медяки, отчеканенные, наверное, лет сто назад: пятаки, двухкопеечные, копейки. Золотоволосая девочка ссыпала их обратно. отряхнула руки и огорченно подумала: «Вот если бы они были золотыми...» Потом подошла к зеркалу.

Густой налет пыли покрывал его, но и он не мог скрыть извилистую трещину, пересекавшую зеркало сверху вниз.

Девочка нарисовала указательным пальцем на пыли вот такое странное существо.

Приписала под ним «МАКА» и сдула пыль с кончика пальца. Она осталась чрезвычайно довольна этим рисунком. Иначе не стала бы называть его своим именем.

Я чуть было не забыл сказать вам, что золотоволосую девочку звали Мака.

Мака расхаживала по чердаку между запыленными старинными вещами и совершенно забыла и о прятках, и о том, что друзья, наверное, с ног сбились, разыскивая ее.

Она заглянула во все уголки, перерыла весь чердак. Чего только ни попадалось ей: самовар, ржавые вертела, котлы с прохудившимся днищем... Но особенное внимание привлек один узкий и высокий шкаф.

Вполне возможно, что она прошла бы мимо, но на шкафу сидели две совы.

Мака тотчас же догадалась, что совы не настоящие. Не только догадалась, но и воскликнула: «Смотрите, совиные чучела!» И с любопытством стала разглядывать их пыльные перья, крючковатые клювы и желтые стеклянные глаза.

«Наверное, и в этом шкафу разбитый граммофон да пустые кувшины», — решила она, но на всякий случай открыла створки.

В шкафу оказалось несколько бальных платьев и гитара. У гитары не было струн, поэтому Мака взялась за платья. Удивилась. Такие платья она видела только в кино: высокие и красивые дамы кружились на балах с кавалерами в черных фраках.

Ей даже стало обидно, что ни одно из них, легких, воздушных, впрочем местами порванных и побитых молью, не подошло ей.

Огорчившись, она из любопытства выдвинула ящик и своим глазам не поверила. В ящике оказалось белое бальное платье, точно сшитое на нее. Она тут же вытащила его, примерила и пошла к зеркалу, кружась на ходу, как кружились в кино высокие и красивые дамы. Но зеркало было настолько пыльным и потемневшим от времени, что в нем ничего не отразилось.

«А что случится, если я надену его?» — размышля-

ла Мака, стоя перед треснувшим зеркалом. — Ничего. Девочки прямо с ума сойдут, увидев меня в бальном платье. Тасико лопнет от зависти. Да одна ли Тасико? И Бао, и Тако, и Тамуния, и Эка!

Тасико, Бао, Тако, Тамуния и Эка были ее подружками.

И Мака принялась надевать платье. «Вот возьму и приду в нем на новогодний карнавал в школу», — радовалась она.

Но здесь случилось непонятное. Платье с каждой минутой как будто уменьшалось, и Маке никак не удавалось надеть его.

Она сердилась. Выбивалась из сил. Обливалась пòтом.

И все равно не отступала. Еле-еле натянула на голову. Отдохнула немного, перевела дух и сызнова принялась за дело. Теперь старалась просунуть руку. «Что с ним такое, — удивлялась она, — когда я прикидывала его на себя, оно совсем не казалось маленьким».

А платье становилось все меньше и меньше. Мака с трудом продела в рукав правую руку, потом левую...

Снова отдохнула.

Перевела дыхание.

Потом вцепилась в подол и потянула книзу.

Платье так жало, что нечем было дышать.

Мака поднатужилась и, наконец, натянула его. Даже не заглянув в зеркало, побежала к выходу. Она была убеждена, что это белое бальное платье ей очень к лицу.

Долго бегала в поисках люка, выходящего на балкон.

Напрасно.

Люка нигде не было.

ГОСПОДИН ФИЛИН И ГОСПОЖА КАТО

Когда Мака обернулась к оставленным на чердаке вещам, изумлению ее не было границ: все вещи необычайно выросли. И крыша стала в десять раз выше.

Теперь Мака могла свободно пройтись под шкафом, а чтобы дотянуться до крышки ларца, пришлось бы подставлять стул, до зеркала же без лестницы и вовсе не добраться.

«Хоть бы посмотреться, на кого я похожа», — вздохнула Мака, понимая, что сейчас не так-то просто это сделать. С сожалением взглянула она и на треснувшее зеркало. Оттуда, с высоты, ей улыбалась нарисованная кукла, под которой было написано «Мака».

«Нашла время улыбаться», — рассердилась девочка и посмотрела на бальное платье. И тут же стала осматривать свои ноги и руки, всю себя.

Она, как две капли воды, была похожа на куклу, нарисованную на пыльном зеркале.

«Еще хорошо, что я не нашла выхода, — подумала Мака, — девочки бы со смеху попадали, увидев меня». Потом принялась во всем винить это явно волшебное платье: «Если оно не волшебное, то почему я превратилась в куклу?» В таких невеселых раздумьях пребывала Мака, когда сверху послышался хриплый мужской голос. Это было настолько неожиданно, что ноги у Маки подкосились и она опустилась прямо на какую-то пыльную доску.

Потом украдкой взглянула наверх.

Филин, сидящий на карнизе шкафа, сладко зевнул, повел заспанными глазами в сторону совы, которая, нахохлившись, сидела по соседству.

— Как поживаете, госпожа Като? — спросил филин.

Сова негодующе повернула голову и отодвинулась,

Филин еще раз повторил свой вопрос:

— Как изволите поживать?

Госпожа Като сердито сверкнула желтым глазом и еще отодвинулась.

— Как вам спалось?

— Превосходно! — наконец снизошла сова. — Сами-то как почивали, мой Соломон?

— Это я — Соломон?! — встрепенулся филин. — Негодница, с ума меня сведет!

— Что с вами, Соломон, что вы так нахохлились?

Филин повернулся спиной к госпоже Като, было видно, что он вне себя от злости.

— Соломон... — сова собралась сказать еще что-то, но филин оборвал ее:

— Не злоупотребляйте моим терпением и благородством, госпожа Като! Вам преотлично известно, что я родился в Аджаметском лесу. По-видимому, вам известно и то обстоятельство, что мои родители воспитали меня порядочным и достойным филином...

— Известно, Соломон, — на сей раз сова не дала досказать филину, — если вам угодно, я даже могу сказать, когда именно вы на свет появились.

— Да вы-то сами, госпожа Като, далеко не первой молодости! Я сразу смекнул, что вы за птица, когда во время всемирного потопа вы первой ворвались в Ноев ковчег.

— Это я первой ворвалась?! — вскипела госпожа Като. — Стыдитесь, Соломон! Когда я прилетела, вы уже успели там гнездышко свить.

Маку очень забавляли препирательства совы и филина. Превращенная в куклу, она совсем позабыла о своей беде, а увидев, что филин раздулся от ярости, она не выдержала и звонко рассмеялась.

Филин перегнулся вниз и огромными, словно фары,

глазами обвел все вокруг. Но стоило ему заметить сидящую в углу Маку, как он доброжелательно улыбнулся.

— О-о, прелестная дочь солнца, — обратился он к Маке, — добро пожаловать!

Мака учтиво поднялась.

— Я не дочь солнца. Я — Мака. Во всяком случае, господин Филин, всего несколько минут назад я была Макой.

— Слышали, госпожа Като, она назвала меня господином. Я никогда не сомневался в том, что дочь солнца получит примерное воспитание, — произнес филин, обращаясь к сове, потом поклонился Маке: — Ответьте мне, милое дитя, вы действительно дочь солнца?

— Нет, я Мака, Мака!

Филин степенно прошелся по верху комода, негромко прокашлялся и задумчиво скосил глаза на Маку.

— Не может быть, — изрек он глубокомысленно, — вы истинная дочь солнца, разве я не прав, госпожа Като?

— Вы абсолютно правы, Соломон! — согласилась сова.

— Опять! Сдержитесь хотя бы в присутствии ребенка, уважаемая! Сколько раз говорить вам, что никакой я не Соломон!

Маке совсем не нравилось называться дочерью солнца. Ей хотелось быть той самой Макой, какой она была до сих пор, играть в прятки с друзьями, как играла каких-нибудь полчаса назад, ходить в школу, как ходила вчера, позавчера и весь этот год.

«Лучше уж в школу ходить, пусть каждый день контрольные по арифметике будут, чем такая жизнь», — подумала она.

— У тебя прелестные, золотистые, как солнце, локоны, — говорил филин, — твои глаза голубые, как без-

облачное весеннее небо, и что самое главное, — золотой талисман — символ солнца. Взгляни, пожалуйста, и ответь мне, нет ли на нем изображения дневного светила? Ты маленький осколок солнца, упавший с небосвода.

Мака посмотрела на грудь и изумилась. На груди в самом деле висел на золотой цепочке талисман. На нем был выбит солнечный диск.

— Нет, с чего она вообразила, что ее зовут Макой,— несколько обиженным тоном пробурчал филин и степенно прошелся по комоду.

«Может быть, я и в самом деле дочь солнца, — усомнилась Мака, — может быть, я вовсе не Мака? Может быть, Мака вовсе не думала подниматься на чердак, а преспокойно играет во дворе?»

Но, несмотря на свои невольные сомнения, все же сказала:

— Господин Филин, нельзя ли мне по-прежнему называться Макой и вернуться назад к мамочке и подружкам?

— На мой взгляд, вы нисколько не похожи на Маку! — наставительно сказал филин.

— Я полностью разделяю ваше мнение, Соломон! — поддержала его сова.

— Эта старуха с ума меня сведет! — воскликнул отчаявшийся филин.

— Госпожа Като, может быть, вы поможете мне?— умоляюще обратилась Мака к сове.

— Слушай, дочь солнца! — произнесла сова. — Повернись трижды на месте слева направо. Потом ступай прямо и иди до тех пор, пока не увидишь трех старух, сидящих рядом. Запомни только, эти старухи глухи и немы, они ни слова не скажут тебе и тебя не услышат. Они уставятся на тебя шестью одинаково вытаращенными глазами, но знай, что из шести пять глаз незрячи. Толь-

ко одним глазом видят старухи. Ты должна угадать этот единственный зрячий глаз. Угадаешь... тогда, если ты действительно была Макой, снова превратишься в Маку.

— А если не угáдаю?

— Трудно заранее предвидеть, все зависит от того, на какой глаз ты укажешь.

— Неужели этот единственный глаз ничем не отличается от остальных?

— Ничем.

— Как же мне отгадать?

— Здесь тебе никто не поможет. В мире нет ни одного человека, который смог бы отличить этот зрячий глаз от незрячих, — решительно сказала сова. — Сейчас повернись трижды и ступай!

«С какой любовью она смотрит на меня... А казалась такой сварливой и злой...» — подумала Мака и трижды повернулась на месте.

— Милый солнечный лучик! — крикнул Маке филин. — Еще раз взгляни на грудь: этот талисман — знак того, что ты дочь солнца! Береги его, не потеряй! В твоих руках он будет приносить добро, в чужих — обернется злом...

ТРИ СТАРУХИ

Отправившись на поиски старух, Мака еще долго слышала, как сова и филин продолжали беседу.

— Очаровательная девочка, — говорил филин, — именно такой представлял я дочь солнца.

— Да, она просто прелесть, — подтверждала сова.

— Как вы предполагаете, угадает ли наша девочка единственный зрячий глаз?

— Трудно сказать, Соломон.

— Господи, эта женщина с ума меня сведет!

— Разве «Соломон» плохое имя?

— Кто говорит, что плохое! Да при чем здесь я, я-то не Соломон...

— Соломон был мудрец... Охо!.. Много воды утекло с тех пор... Ты помнишь дворцовый сад царя Соломона?.. Как великолепна была ночь... О, как мужественно ты ухал тогда: Бу-бу! Бу-бу!

Мака уже ушла так далеко, что не слышала восклицаний совы.

А если быть точным, их заглушало тиканье часов.

Часы шли. Маятник равномерно качался — вправо-влево, вправо-влево.

Мака закинула голову и увидела циферблат.

Присмотрелась повнимательней.

Она отчетливо помнила, что у часов были стрелки, помнила, что они показывали ровно двенадцать. Интересно, куда они делись? И что это за часы без стрелок? Кому они нужны такие?

Но Мака не стала ломать голову над этим вопросом, у нее хватало своих забот. К тому же она решила ничему в этой стране не удивляться.

Ларец, через который она раньше легко перешагивала, пришлось обходить, глиняные кувшины вознеслись теперь на такую высоту, что их вообще не было видно, а под шкафом можно пройти, не наклоняя головы.

Увлеченная своими мыслями, Мака чуть не столкнулась со старухой. «Это же та самая бабушка, которая торгует семечками у нашей школы», — подумала Мака разглядывая ее. — Жалко, что у меня нет денег, можно было бы купить стаканчик».

Но, увидев вторую старуху, Мака вспомнила, куда и зачем она шла. И чуть не упала в обморок, обнаружив

рядом и третью. Старухи сидели, сложив на коленях морщинистые, словно осенние листья, руки и вытаращенными невидящими глазами смотрели в одну точку.

Мака набралась смелости и отважно приблизилась к ним.

Что еще ей оставалось делать? Ведь судьба ее зависела от того, сумеет ли она отгадать, который из шести глаз — зрячий.

Было непонятно, видят ли старухи Маку? Они даже бровью не повели, когда девочка встала перед ними. Их лица, высвеченные голубым лучом, падающим сверху, были неподвижны и страшны.

«Может быть, сказать им, что я пришла»?—подумала Мака, но тут же вспомнила, что они глухонемые, и ничего не сказала.

Замахала руками, показывая, что она здесь, но и на этот раз старухи не шевельнулись.

Мака опустила руки и стала пристально рассматривать глаза старух. Долго смотрела она.

Глаза были совершенно одинаковые. Тогда Мака решила схитрить: принялась носиться перед старухами, прыгать, крутиться в надежде, что единственный зрячий глаз станет следить за ней и этим выдаст себя.

Куда там!

Ни один мускул не дрогнул на лицах старух, а вытаращенные глаза оставались неподвижными, словно стеклянные очи манекенов.

Мака еще долго всматривалась в блеклые глаза, пока не потеряла всякую надежду.

Эх, была не была! Мака зажмурилась, трижды повернулась на каблуках, и, вытянув руки, пошла вперед. Почувствовав, что старухи уже совсем близко, Мака открыла глаза.

Указательный палец Маки был нацелен в левый глаз старухи, сидящей в середине.

Старухи молча поднялись и так же молча повернулись налево. Сгорбленные, прошаркали мимо Маки одна за другой и скрылись во тьме чердака.

Мака оглядела себя, — превратилась ли она в прежнюю девочку или осталась дочерью солнца?

Не обнаружив никаких перемен, решила подождать еще немножко: ведь нужно время, чтобы снова стать такой, как раньше. Но в этот миг раздался скрип двери...

На том месте, где только что сидели старухи, возвышался еще один шкаф. Дверцы шкафа медленно открывались.

— Вот чудеса! — рассмеялась Мака, — видно, на этот чердак перетащили старые шкафы со всего города.

Внутри шкафа мерцал слабый желтоватый свет, словно там горели свечи.

— Эти дверцы, наверное, раскрылись для меня, — сказала себе Мака и, не долго думая, шагнула в шкаф.

ОЛИЛЕ — БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Не успели дверцы закрыться, как Мака услышала чье-то восклицание:

— Ух, чтоб мне лопнуть! Такого я еще не встречал!

Девочка испуганно вздрогнула.

Шагах в десяти от нее поднималась крепостная стена. Перед воротами на огромном валуне сидел мальчик в рыжей черкеске и сванской шапочке такого же цвета. Через плечо у него была переброшена волынка.

Мака так расстроилась, что чуть не заплакала. Значит, не угадала она тот единственный зрячий глаз? Что

теперь делать? Как быть ей, занесенной неизвестно куда?

«Не надо было покидать чердак и лезть в этот проклятый шкаф, — каялась она, — там бы меня приютили господин филин и госпожа Като!»

Она решила вернуться.

Но мальчик уже спрыгнул с камня, почтительно поздоровался с ней и предложил свое место:

— Присаживайся, отдохни! Ты, как и я, наверное издалека идешь?

— Нет, — ответила Мака, — я только что поднялась сюда с чердака.

— С какого чердака? — удивился мальчик.

— С того... — Мака обернулась, чтобы показать мальчику дверцы, через которые вошла сюда, но, к ее удивлению, сзади не оказалось никаких дверей.

Мальчик удивленно покосился на Маку, недоверчиво улыбнулся и еще раз показал на свой валун:

— Не стесняйся, присаживайся... Ты, наверное, устала с дороги...

Мака поняла, что ей нечем доказать свою правоту, и бесполезно объяснять, что никакая дальняя дорога ее не утомила. И, чтобы не вступать в спор, она притворилась усталой, поблагодарила и присела на камень.

— Нам, наверное, до скончания века придется ждать, — сказал мальчик, — а может статься, что ворота совсем не откроют.

— Почему? — спросила Мака.

— Чтоб им лопнуть! — видимо, у мальчика была такая присказка.—Чтоб им лопнуть!.. Не впустили меня! Попытайся ты, может быть, тебе не откажут.

— Если тебе не открыли ворота, то мне и подавно не откроют.

— Странный город, — заметил мальчик и продол-

жал после недолгого молчания: — Меня зовут Олиле — бродячий музыкант. Бродячим музыкантом меня прозвали потому, что я брожу по городам и селам и развлекаю народ песнями и игрой на волынке. До сих пор любая дверь распахивалась передо мной, всюду меня встречали с радостью. Никогда не представлял, что найдется такое место, где перед моим носом захлопнут ворота.

— Попробуй еще раз, может быть откроют.

— Попробую, попытка не пытка!

Олиле постучал в ворота. Маленькое окошечко, вырезанное в одной из створок, тотчас отворилось, и в него выглянул страж крепости — привратник в железном шлеме. Привратником оказался стертый медяк достоинством в пол-гроша.

— Предъяви родовой знак! — пронзительным голосом потребовал привратник, просовывая голову в окошечко.

Мака представить себе не могла, чтобы пол-гроша мог верещать так противно.

— Откуда у меня родовой знак? — ответил Олиле, — я всего-навсего бродячий музыкант.

Олиле хотел еще что-то добавить, но привратник уже исчез, громко захлопнув смотровое окошечко.

— Видала? — повернулся Олиле к Маке. — Не успел даже сказать, что я не один, как — раз! — И никого нет!

— Что же нам теперь делать?— спросила обеспокоенная Мака и только сейчас заметила медный герб, прибитый над сводом крепостных ворот. Герб представлял собой старинную монету, окруженную лавровым венком.

Мака прочитала выбитую на монете надпись: «Королевство Драхмы Первого».

— Не знаю, что и предпринять, госпожа, — после долгого раздумья проговорил Олиле, видимо, так ничего и не придумавший.

— Я не госпожа, я...

— Расскажи мне, кто ты, откуда пришла и куда держишь путь?

Мака замялась, она сама теперь не знала, откуда она пришла, куда собирается идти дальше, и не совсем ясно представляла, кто, собственно, она такая.

— Меня зовут Мака, — шепотом начала девочка и растерялась, не зная, сказать Олиле, что она дочь солнца, или не говорить? Все эти чудеса настолько запутали ее, что при всем желании она бы не смогла ответить определенно, кто же она есть в самом деле.

Видимо, Олиле не понял ответа и переспросил:

— Так кто же ты?

— Я Мака... Дочь солнца, — ответила Мака и тут же залилась краской смущения.

— Милая дочь солнца, я знаю твою песню, и если ты позволишь, я спою тебе ее.

Мака покраснела еще больше, но ей все же было приятно такое почтительное обращение. Она стыдливо кивнула головой.

Олиле — бродячий музыкант снял с плеча волынку, надул мехи, сунул их под мышку и, перебирая пальцами по рожку, затянул песню:

Солнце — мой родитель,
Месяц — мой создатель,
Звездочки — сестрицы,
Небо — дом прекрасный.

Если предо мною
Ляжет путь далекий,
Песней сокращаю
Дальние дороги.

Мне не заблудиться
Ни за что на свете:
Днем мне солнце светит,
Ночью месяц светит.

Солнце — мой родитель,
Месяц — мой создатель,
Звездочки — сестрицы,
Небо — дом прекрасный.

Мака была в восторге. «Как ты славно поешь, — хотелось сказать ей, — ты, наверное, участвовал в какой-нибудь районной олимпиаде?» Но не успела она и рта открыть, как окошечко в воротах снова распахнулось.

— Сейчас же прекратить пение, — завизжал привратник, побагровев от злости, — не то вытолкаю взашей!

— Полугрошник, послушай-ка минуточку, — обратился к привратнику Олиле, — я здесь не один, со мной дочь солнца Мака.

— Какой у нее родовой знак?

— Знак?.. Какой знак?! — растерялся было Олилэ, но в это время заметил на груди у Маки золотой талисман, и светлая мысль промелькнула у него в голове. — Ее родовой знак — золотой талисман с ликом солнца.

— Золотой?

— Червонного золота.

— Может быть, подделка?!

— Что вы! Да неужели дочь солнца станет носить на груди фальшивое золото!

— А-ну, покажите! — по грудь вылез в окошечко привратник.

— Вот, извольте!—Олиле взял Маку за руку и подвел к воротам. — Смотрите, если не верите на слово!

— О-о-охх! — задохнулся полугрош. — Невероятно!

Окошечко захлопнулось.

Привратник исчез, будто сквозь землю провалился.

ВОРОТА ОТКРЫВАЮТСЯ

— Эх, и твой талисман не помог, — махнул рукой бродячий музыкант. — Они сегодня не с той ноги встали... Что ж, бывало и хуже! Надо нам убираться отсюда, глядишь, до наступления ночи и добредем до какого-нибудь города.

— А если и там не откроют ворота?

— Об этом не тревожься.

Их разговор был прерван звуком горна. Мака и Олиле переглянулись. Это еще что такое?

За оградой вторично протрубил горн. Явно сигнал тревоги. Тем более, что вслед за ним ударили барабаны.

К пению горна и барабанной дроби присоединились боевые крики и шум множества голосов. Олиле превратился в слух, встревожился, и хотя он всячески старался скрыть тревогу, она передалась Маке.

— Что там происходит? — испуганно пролепетала Мака.

— Чтоб им лопнуть! — ответил Олиле. — Видимо, я был прав, когда говорил, что пора сматываться отсюда, не по душе мне этот переполох.

— И мне...

— Как бы нам в беду не попасть, пора удирать...

— Как скажешь...

Но бежать было уж поздно. Ворота растворились со скрипом. Боевые крики обитателей королевства Драхмы Первого и бой барабанов потрясли окрестности.

Перепуганная Мака спряталась за спину Олиле.

Происходило непонятное. Старые, допотопные медяки, выбегавшие из ворот, походили на сумасшедших— ревели, кувыркались, хохотали... Некоторые даже плакали навзрыд.

И вдруг галдеж разом оборвался.

Медяки подались в стороны, освобождая дорогу, по которой катилось кресло на колесиках. Это кресло толкал сзади представительный богатырь-грош.

В кресле сидел старик — гнутая допотопная монета, тепло закутанная в кацавейку, со старинным пятаком на груди, который, по всей вероятности, был ее родовым знаком.

Старик дремал, а вернее, спал беспробудным сном.

Кресло на колесиках остановилось в воротах. Оно немного походило на то, в которых возят безногих. Богатырь-грош почтительно наклонился и шепнул что-то на ухо старику.

Старик тут же проснулся, вылупив глаза и рассеянно осматриваясь, словно удивлялся, — где это, мол, я, и что мне здесь надо? Потом окончательно пришел в себя и обратился к богатырю-грошу:

— Чиче-грош, я не вижу здесь никакой дочери солнца!

— А ну, кто тут дочь солнца? — гаркнул Чиче-грош.

Олиле — бродячий музыкант быстро шагнул в сторону, открывая Маку, и гордо обратился к старику, сидящему в кресле:

— Вот эта золотоволосая девочка, сударь, и есть дочь солнца!

— Чиче-грош, прикажи дочери солнца приблизиться.

— Прекрасная дочь солнца, соизвольте подойти к нашему великому советнику Пятаку-Книжнику, — почтительно обратился к Маке Чиче-грош.

Макой овладела нерешительность. Она колебалась, не зная, как поступить, подходить или нет к этому старику в кацавейке.

Зато Олиле не растерялся, подал руку Маке и представил ее Пятаку-Книжнику.

— Чиче-грош, кто этот юноша? — удивился великий Книжник.

— Ты кто такой? — спросил Олиле Чиче-грош.

— Бродячий музыкант, — ответил Олиле.

— Чиче-грош, попроси этого юношу отойти в сторону.

— Музыкант, отойди в сторону!

Олиле — бродячий музыкант не стал спорить и отошел.

Великий советник пожелал взглянуть на Макин талисман. Чиче-грош вынул из кармана футляр, достал оттуда очки, подышал на стекла, протер платком и водрузил на горбатый нос старого Пятака. Советник протянул дрожащую руку, дотронулся до талисмана, поднес его сначала к левому, потом к правому глазу. Наконец, вытянув руку с талисманом, впился в него обоими глазами.

Толпа старинных монет, затаив дыхание, следила за движениями советника, который считался первейшим специалистом в королевстве по части определения родовых знаков. Ни одна подделка не могла ускользнуть от его зорких глаз.

Закончив проверку, советник Пятак перевел дух, бессильно откинулся на спинку кресла, не выпуская, однако, талисмана.

Он тяжело отдувался.

Минуту спустя собрался с силами и свободной рукой подал знак Чиче-грошу.

Чиче-грош вытащил из-за пазухи сложенную вчетверо бумагу и вложил ее в руку своего господина.

— Королевство антикварных монет... — начал замирающим голосом великий советник и умолк, на ходу заклевав носом. Однако сразу же встрепенулся, спросил, на чем остановился, и снова сунул нос в бумажку...

Да!.. То есть, королевство Драхмы Первого чрезвычайно счастливо приветствовать на своей земле прекраснейшую дочь солнца...

Пятак-Книжник не закончил речи, потому что снова задремал, а точнее — захрапел с переливами.

Старинные медяки, столпившиеся вокруг, видимо, вообразили, что в этом месте необходимо захлопать, и так дружно забили в ладоши, что испуганные птицы взвились с крепостных стен и с криком взмыли в небо.

Гром аплодисментов разбудил советника.

— На чем я остановился, Чиче-грош?.. Да... Король Драхма Первый и королева Зуза почтут за честь принять у себя прелестную дочь солнца! Добро пожаловать! — столь долгая речь вконец истощила силы старого советника, и он снова погрузился в сон.

— Ура! — грянула толпа старинных монет.

Этот рев спугнул сон дряхлого Пятака.

— Чиче-грош, дочь солнца поместится в этом кресле?

— Если ваше сиятельство соизволит подвинуться...

— Изволю, изволю, а как же....

Советник заерзал, но не смог сдвинуться с места. Тут на помощь к нему поспешил Чиче-грош и одним движением могучей руки отодвинул его в угол кресла. Потом с превеликим почтением подал руку Маке и помог ей сесть рядом со старым Пятаком.

Затем развернул кресло, ухватился за спинку, и оно, тарахтя и скрипя, двинулось по дороге.

— Олиле! — обернулась Мака, — до свидания, Олиле! Не забывай меня!

Олиле засмеялся и помахал рукой.

— Не бойся, не забуду!

ВО ДВОРЦЕ ДРАХМЫ ПЕРВОГО

Маке и в голову не могло прийти, что незнакомая страна примет ее с таким почетом. Все улицы, балконы, крыши домов были забиты медяками. Фиалки, подснежники, ландыши и цикламены сыпались на нее со всех сторон, восторженные крики не смолкали ни на минуту.

— Да здравствует дочь солнца!

— Добро пожаловать!

— Ура дочери солнца!

— Ура!

Подняв руку, Мака приветствовала воодушевленную толпу медяков, улыбаясь в душе. Вот если бы Тако и Эка могли слышать, с каким триумфом вступает она в незнакомую страну.

Скрипя и трясясь, продвигалось кресло вперед. «Не очень-то удобно сидеть на этой развалюхе, — думала Мака. — Неужели для такого торжественного случая нельзя было подыскать более порядочный транспорт? Меня растрясло вконец».

Откуда было знать Маке, что в королевстве древних монет не было иных средств передвижения. Обитатели королевства или ходили пешком, или ездили на таких же креслах. Причем только четверо самых значительных персон во всем государстве пользовались этой привилегией и, разумеется, каждая такая поездка подчеркивала значительность того, кто восседал в этой шаткой колымаге.

И куда везут ее, Мака тоже не знала. Она с любопытством разглядывала городские дома, которые напоминали старинные сундуки, лари, ларцы, шкатулки, не забывая улыбаться тусклым медякам и махать рукой.

При этом она испытывала некоторое неудобство, словно теленок, которого ведут на веревочке, — советник Пятак на протяжении всего пути ни на секунду не выпустил из рук ее талисмана. Он все время вертел его, рассматривал со всех сторон, гладил, прикладывал к своему родовому знаку, сравнивая их.

Мака даже обиделась, настолько оскорбительной казалась ей недоверчивость советника, и вызывающе спросила:

— Вы находите, что мой талисман намного меньше вашего родового знака?

— Помилуйте, такое мне даже в голову не приходило! — бурно запротестовал советник Драхмы Первого. Но и мой родовой знак не просто пятикопеечная монета. Нет! Он чрезвычайно древнего происхождения. Его подлинное имя — Шахури, что означает — Шахский. Когда-то он пользовался большим почетом при шахском дворе.

— У вашего пятака завидное прошлое.

— О, разумеется! Однако если он вам нравится, мы тут же можем поменяться!

«Зачем мне менять мой талисман на какой-то пятак», — подумала Мака и учтиво отказала:

— К сожалению, я никак не могу...

Старый советник совсем сник. Закручинился так сильно, что снова уснул, выводя носом прелюбопытные трели.

А кресло тем временем въехало во дворец, украшенный гирляндами цветов и королевскими флагами.

Маку тотчас представили королю Драхме Первому и его супруге королеве Зузе.

Король и королева восседали на одном троне в конце длинного тронного зала. Королевская чета являла

собой такую дряхлость, что по сравнению с ними советник Пятак мог сойти за юношу.

Серебряные родовые знаки украшали грудь короля и королевы.

Не только правители, но и каждый житель королевства носил на груди значок с каким-нибудь изображением. Как видно, в королевстве все от мала до велика гордились своим происхождением.

Мака оглядела зал.

Вдоль стен, слева и справа от трона, стояли придворные и молча разглядывали Маку.

— Советник Двугривенный, — произнес король. — Где вы, советник?!

— Я здесь, ваше бессмертное величество! — послышался справа дребезжащий голос, и вперед выступил старый полустертый двугривенник.

«Если это не сам советник Пятак, то наверняка его родной брат», — подивилась Мака необычайному сходству двугривенника с советником Пятаком.

— Советник Двугривенный, — приподнялся король, — проверьте ее родовой знак, действительно ли он золотой, или просто искусная подделка!

— Бессмертный король, — выдавил советник Двугривенный, — специалист по родовым знакам — советник Пятак.

— Так пусть он на моих глазах проверит сей родовой знак!

Мака снова обиделась: издеваются они что ли, на каждом шагу проверяя ее талисман, но сдержалась из уважения к старшим.

Советник Пятак, по-видимому, успел выспаться. Он приковылял собственной персоной и дрожащей рукой с такой силой дернул талисман, что Маке показалось,

будто он хочет оторвать его, и она едва сдержалась, чтоб не оттолкнуть дряхлого советника. Но нет, он просто с неожиданным для столь почтенного возраста проворством сунул талисман в рот. В темной дыре рта на мгновенье показались два зуба, по одному сверху и снизу.

Возможно, советник Пятак потому и считался виднейшим специалистом по нумизматике, что ухитрился сохранить пару зубов, в то время как вся дворцовая знать была сплошь беззубой.

Видимо, дряхлый Пятак не рассчитал силы или просто в порыве рвения так кусанул талисман, что чуть не сломал оба зуба. Зажимая руками челюсть и кривясь от боли, он заковылял на свое место, недовольно ворча:

— Тысячу раз докладывал, что он в самом деле золотой, как еще прикажите проверять его?!

Мака, безусловно, рассмеялась бы, не возопи король страшным голосом:

— О-о-о-ох!

Королева Зуза только горестно вздохнула, но тут же кокетливо прокашлялась и обратился к Маке:

— В самом деле, премиленький талисманчик! Не будешь ли ты добра сказать мне, откуда он у тебя?

— Этот талисман был на платье, — ответила Мака.

— И платье премиленькое... Где его шили?

— На нашей улице есть ателье мод... если не ошибаюсь, там и шили.

— А-тель-е мо-од, — насилу произнесла по слогам королева Зуза, не скрывая изумления. — А-тель-е?

— Да, сударыня... в Чугурети... на Песках...

— Я никогда не слышала ни о таком городе, ни о такой улице.

— Чугурети не город, а район, сударыня.

— Правда? — удивилась королева.

Наконец и король Драхма пришел в себя.

— Советник Двугривенный, известна ли дочери солнца стоимость моего родового знака?

— Известно ли вам, дочь солнца?.. — начал советник, но Маке уже наскучило такое множество вопросов, и она быстро ответила:

— Не знаю... — «и знать не хочу», — хотелось добавить ей, но она сдержалась из вежливости.

— Тогда скажи ей, чего же ты медлишь?! — грозно крикнул король своему советнику.

— Первый и единственный король нашей великой державы, бессменный Драхма Первый...

— Как? — удивилась Мака. — Неужели у вас никогда не меняются короли?

— Конечно нет, — гордо ответил советник Двугривенный.

— Вот никогда бы не подумала. У нас даже в учебнике истории не найдешь такого случая, чтобы король правил вечно. Король на то и король, чтобы его сменяли... У него всегда наследник — принц или противник, который свергает его. Я никогда не слышала о бессмертных и бессменных королях.

— Боже! — в один голос ужаснулись придворные. — Какое кощунство!

— Наш король бессмертен!

— Наш король единственный и неповторимый!

Никто не знает, чем бы закончилась эта история, если бы не звуки фанфар.

Церемониймейстер провозгласил на весь зал:

— Их императорское высочество, повелитель страны копилок Гипс Двадцать седьмой!

— Вот это я понимаю! — воскликнула Мака. — Слышали, в стране копилок уже двадцать шесть императо-

ров сменилось! — И она невольно обернулась к дверям, в которые совсем недавно входила сама.

В широко распахнутых дверях показался император Гипс Двадцать седьмой, сопровождаемый многочисленной свитой, и тяжелой, неторопливой походкой направлялся к трону Драхмы Первого.

— Это же настоящие копилки! — захлопала в ладоши обрадованная Мака.

ВИЗИТ ИМПЕРАТОРА ГИПСА

Мака не заметила, как оказалась позади королевского трона. Не подумайте, что ее перенесла волшебная сила. Нет, это советник Двугривенный, воспользовавшись суматохой, схватил Маку своей железной рукой и затащил сюда, а сам устремился навстречу императору Гипсу.

Мака очутилась между двумя пожилыми придворными дамами. Те, не мешкая, приступили к расспросам:

— Не скажете ли нам, где можно заказать такой талисманчик, как ваш?

«Что им ответить?» — подумала Мака и сказала:

— Когда мама водит меня в серную баню, мы всегда проходим по Серебряной улице, в конце которой расположены ювелирные мастерские. Я точно не знаю, но наверно там можно заказать такой талисман.

— Попробуем проще разрешить этот вопрос, — вмешалась вторая дама, — давайте обменяемся...

— Нет, обмен мне и король предлагал, но я отказалась...

Тишину тронного зала нарушали тяжелые шаги. Строевым шагом приближался Гипс Двадцать седьмой к трону короля.

— Как вам понравился наш главнокомандующий? — неожиданно спросила первая дама.

— Я ни разу не видела вашего главнокомандующего.

— Неужели? — удивилась вторая дама. — Возможно ли не знать маршала Гривенника?

— Не знаю, что же здесь невероятного? — Маке успела надоесть болтовня старых дам, и ответ ее прозвучал довольно резко.

— Послушайте, милочка! Мы вам откроем одну тайну, — зашептали вместе обе дамы, одна в одно ухо, другая — в другое. — Только обещайте не выдавать нас.

Маке не по душе были все эти секреты, касавшиеся незнакомого маршала Гривенника, и она не стала ничего обещать.

— Взгляните направо.

Мака равнодушно посмотрела направо.

— Видите вон того представительного кавалера в доспехах?

— Вижу. — Мака в самом деле видела блестящую монету в начищенных доспехах.

— Он — фальшивый! — известили дамы в голос.

— Как это фальшивый?

— Мы все — монеты государственной чеканки, а он — поддельный! А в нашей стране подделка преследуется законом.

— Почему же в таком случае остался безнаказанным маршал Гривенник?

— О его поддельности мы узнали только тогда, когда он уже стал главнокомандующим. Сейчас это известно всем, но что поделаешь?

Мака не понимала, почему нельзя наказать главнокомандующего, коли все знают, что он поддельный.

Выяснять не было времени. Тяжелый топот разда-

вался совсем рядом. Наконец, и он оборвался. Мака приподнялась на цыпочки, просунула голову между королем Драхмой и королевой Зузой.

Император Гипс оказался тучным и круглым, как мячик. Когда он склонил в приветствии голову, Мака заметила на макушке гипсового императора щель, точно такую, какая бывает у обыкновенных копилок.

— Здравствуй, сосед! — загремел гипсовый император.

— Здравствуйте, мой дорогой друг! — голос Драхмы Первого казался кошачьим мурлыканьем по сравнению с ревом Гипса Двадцать седьмого.

Мака еще больше вытянула шею и увидела двух борзых собак, которые кружили вокруг хозяина, с величайшим вниманием принюхиваясь ко всему вокруг. На их спинах Мака заметила точно такие же щели, как у императора, и успела подумать, что и собаки — гипсовые копилки.

— Сосед!—снова грохнул Гипс Двадцать седьмой.— Нынче на охоте я случайно узнал, что к нам пожаловал дорогой гость!

— Совершенно верно, у нас гостит дочь солнца, — ответил Драхма Первый.

— Родная дочь или, не дай бог, самозванка?

— Родная!

— А какой у нее родовой знак?

Тут Мака заметила, как советник Двугривенный украдкой подтолкнул локтем короля.

Но ни король, ни Мака не сообразили, что означает этот таинственный жест. Драхма Первый растерянно осмотрелся и ответил:

— Талисман из червонного золота. И тут не приходится сомневаться, наш прославленный советник Пятак чуть зубы об него не обломал. — Знатная гостья посе-

тила вас, сосед, знатная! — тут император захохотал столь громогласно, что несколько свечей потухло.

Борзые залились лаем.

— Не представишь ли меня, сосед, своей гостье? — отсмеявшись спросил император.

Драхма Первый снова получил толчок от своего советника, но и на сей раз не догадался, чего добивается Двугривенный.

— Отчего же нет, отчего же, сию минуту представлю... — король посмотрел по сторонам и, не найдя Маки, изумленно спросил:

— Где же дочь солнца?

Мака быстренько убрала голову.

Затаилась за троном.

— Ваше императорское сиятельство! — склонился перед императором Гипсом советник Двугривенный, — дальняя дорога утомила дочь солнца, и мы отвели ее в опочивальню.

От хохота императора Гипса погасло еще несколько свечей, потом он внезапно оборвал смех и ехидно сказал советнику:

— Я поймал тебя на лжи, советник! Ваша гостья прячется за троном бессмертного царя Драхмы Первого! Я только что видел ее.

— Не может быть?! — изумились король Драхма и королева Зуза, оба перегнулись, стараясь заглянуть за спинку трона и удостовериться, что Мака действительно там.

— До сих пор все ваши гости непременно гостили и у меня! — рокотал Гипс Двадцать седьмой. — Я смею надеяться, что дочь солнца нанесет визит и в мою империю. Будьте уверены, ее ожидает достойный прием.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА ОЛИЛЕ С МАКОЙ

Зал опустел.

Так повелел король Драхма по внушению советника Двугривенного. Все подчинились, только советник Пятак было заартачился, когда и его стали выпроваживать, но мог ли он противиться королевскому приказу?

В зале остались только король и советник Двугривенный.

О Маке никто и не вспомнил. Она сидела на полу, прислонившись к спинке трона, и думала о возможной поездке в страну копилок. «Не захочу — не поеду». Откуда ей было знать, что эта поездка совсем не зависела от ее желания.

— Я неоднократно докладывал вам, ваше величество, — слышала Мака голос советника, — а вы мне не верили. Гипс Двадцать седьмой вероломный и беспощадный правитель.

— Какие у тебя есть подтверждения его вероломства и беспощадности?

Советник Двугривенный заколебался. У него не было доказательств, способных убедить короля.

— Во всяком случае, какой соглядатай донес ему о том, что к нам пожаловала дочь солнца?

— Он же говорил, что узнал случайно, по пути на охоту.

— Превосходно! Но когда это бывало, ваше бессмертное величество, чтобы наших гостей приглашали в страну копилок?

— Что-то не припомню, — задумался король, — хотя, что же здесь невероятного, дорогому гостю все рады.

Услышав слова о «дорогом госте», Мака поднялась с пола, отряхнула платье и приосанилась. В самом де-

ле, что могут подумать хозяева, увидев «дорогую гостью», рассевшуюся на полу?

— Не доверяю я копилкам, — стоял на своем советник, — копилки на то и копилки, чтобы деньги проглатывать.

— Император Гипс ни в каких деньгах не нуждается! Пожелай он, давно бы проглотил всех нас. Слышал, как тяжела его поступь? Он же битком набит золотом.

— Проглотил бы, — покорно согласился советник,— что говорить, непременно проглотил бы, имей мы хоть какую-нибудь цену. К несчастью, ваше величество, мы давно вышли из употребления.

— Именно в этом наше достоинство, советник. Кто еще обладает нашей мудростью и опытом? Кто может потягаться с нами в делах управления государством?!

— Наше время давно миновало, государь! Мы обманываем других, будто лучше всех умеем вершить государственные дела, но не стоит обольщаться самим.

Драхма Первый не нашел, что возразить.

— Если мы хотим придать смысл нашему существованию, — продолжал советник, — мы должны любым путем завладеть золотым талисманом.

— И завладеем, кто нам помешает?

— Гипсовый император! Если мы отпустим дочь солнца в страну копилок, не видать нам больше золотого талисмана.

— Я не могу поверить твоим словам, советник!.. Гипс Двадцать седьмой — достойный венценосец...

Тут их беседа была прервана песней, которая влетела в распахнутое окно тронного зала.

Там, за окном, звонким голосом пел Олиле — бродячий музыкант:

Не сегодня, так завтра,
Иль на день поздней,

Вспыхни, солнце, внезапно
Над дорогой моей!

Небывало огромным
Над землей заалей!
Не сегодня, так завтра,
Иль на день поздней!

— Олиле!—прошептала Мака.—Олиле нашел меня!

Король Драхма Первый и советник Двугривенный продолжали беседу.

— Что означали твои подталкивания, советник?

— Мне хотелось, чтобы мы скрыли от наших соседей дочь солнца.

— К лицу ли нам ложь, советник?!

Мака осторожно стала пробираться к дверям, эти двое стариков так увлечены спором, что обрушься сейчас потолок, и то не заметят.

Она не ошиблась.

Во-первых, ни король, ни советник не подозревали о присутствии Маки, во-вторых, действительно так увлеклись, что не заметили, как девочка выскользнула в дверь.

Мака сбежала по парадной лестнице и выскочила во двор.

Олиле играл на своей волынке, не отводя глаз от дворцовых окон, видимо, ожидая, что Мака выглянет в одно из них.

— Олиле! — радостно окликнула его Мака.

Бродячий музыкант оборвал игру и обрадованно устремился навстречу Маке.

Они так смотрели друг на друга, словно расстались несколько лет назад.

— Мака, дочь солнца!

— Олиле!

— Услышала мою песню?

— Услышала, Олиле.

— У меня прямо сердце оборвалось, когда тебя увезли. Но какой торжественной была встреча... Ты же знала, что все королевство с нетерпением ожидает тебя, а от меня скрыла. Почему ты не сказала мне ни слова?

— Я ничего не знала, Олиле! Все это было полной неожиданностью.

— Не могу поверить.

— Сейчас некогда выяснять, Олиле! — Мака хотела добавить что-то еще, но в этот момент увидела серебряную монету. Оборванная, словно нищенка, вся в лохмотьях, она ползла на коленях, с обреченным лицом, протягивая дрожащую руку.

— Сжалься надо мной, дочь солнца, сжалься, умоляю! — срывающимся голосом обратилась она к Маке. — Почти две тысячи лет нет конца моим мучениям... Все отшатнулись от меня, отвергли, попрали, оговорили, сжалься надо мной, дочь солнца!

— Ты кто? — даже испугалась Мака, отступая.

— Я последний из тридцати серебреников, которые получил Иуда, предавший Христа.

— Чем же я могу помочь?

— Обменяй мне твой золотой талисман...

— Да как у тебя язык повернулся, чучело! — не выдержал Олиле.

— Олиле! — зашептала Мака. — Бежим отсюда! Сейчас же бежим! Мое сердце чует беду.

— Бежим! — вскричал Олиле, а оборванный серебреник грохнулся ничком и зарыдал.

Олиле и Мака были готовы бежать, но дорогу им преградил вооруженный до зубов воин.

— Напрасно стараешься, дочь солнца! Все ворота надежно заперты, за эту ограду и муха не вылетит.

— Это еще кто? — воскликнул удивленно Олиле.

— Осмелюсь доложить, милостивый государь, — с достоинством и гордостью отвечал воин, — я — Дырявый Семишник[1].

— Тоже мне начальство! — усмехнулся бродячий музыкант.

Дырявый Семишник снял шлем и гордо ухмыльнулся. На его лбу и впрямь зияла дыра.

— Эту рану я получил в сражении при Ватерлоо, когда воевал против великого Наполеона... — похвастался воин, водружая на голову шлем.

— Олиле, нам надо попытаться скрыться.

— Ну-с, Дырявый Семишник, — обратился к воину Олиле, — освободи дорогу, нам сейчас не до тебя!

Воин моментально выхватил саблю. Но Олиле не дал ему даже размахнуться, подскочил и вырвал саблю из рук.

— Ни с места, не то прикончу! — пригрозил бродячий музыкант.

Что правда, то правда, Дырявый Семишник не сдвинулся с места. Но зато поднял такой рев, что все вокруг на минуту оглохли. «Никогда бы не подумала, что Дырявый Семишник способен реветь, как электровоз», — подумала Мака.

На его крики, откуда ни возьмись, выскочили воины-полугроши. Олиле бросился им наперерез, размахивая саблей.

Солдаты-полугроши окружили Олиле. Тот отбивался, а улучив момент, сам переходил в наступление.

Боевые крики и лязганье сабель всполошили весь город. В королевском дворце забили тревогу.

— Беги, Олиле, спасайся! — закричала Мака.

Олиле крутился как юла, отбиваясь от наседающего

---

[1] Семишник — старинное название двухкопеечной монеты.

противника. Одним ударом уложил нескольких солдат, вскочил на решетку дворцового сада, оттуда взлетел на крышу дворца.

— Поймать, не выпускать! — командовал Драхма Первый, наблюдая за битвой из дворцового окна.

Солдаты-полугроши, облепив ограду, старались залезть на крышу, но Олиле сбрасывал их вниз.

В самый разгар боя появился маршал Гривенник. Он выдернул из ножен шпагу и указал ею на Олиле, стоящего на самом краю крыши:

— Вперед, орлы! Не пощадим живота за нашего бессмертного короля! Победа или смерть!

Боевой призыв полководца воодушевил солдат. Они окружили дворец, вскарабкались на плечи друг друга и разом взобрались на крышу.

Олиле побежал, сбросил нескольких воинов, пытавшихся преградить ему дорогу, и перепрыгнул на крышу соседнего дома.

Полугроши с ревом кинулись за бродячим музыкантом.

— Прелестная дочь солнца, извольте следовать во дворец, его королевское величество Драхма Первый ожидает вас!

Мака обернулась и увидела Дырявого Семишника. Семишник злорадно улыбался.

Мака и не думала возвращаться во дворец. С замиранием сердца следила она за каждым шагом Олиле, восхищаясь его отвагой, мужеством и находчивостью.

Но Семишник схватил ее за руку и силой потащил во дворец.

— Олиле! Беги! Спасайся! — закричала Мака.

БИТВА С «ЧУДОВИЩЕМ»

Кресло на колесиках, в котором сидели Мака и маршал Гривенник, покидало царство древних монет.

У ворот им снова повстречался оборванный серебреник. Завидев Маку, он снова повалился на землю и взмолился жалобным голосом: «Обменяй твой талисман на мой родовой знак!»

Но два солдата-полугроша прокатили кресло мимо, даже не замедлив шага. Ворота со скрипом отворились, пропуская их, и снова захлопнулись.

Не думайте, что только двое солдат сопровождали Маку и маршала, нет, следом за ними двигался целый взвод копьеносцев.

Мака была в хорошем настроении. Она видела из дворцового окна, как Олиле отбился от наседавших на него солдат и был таков. Разумеется, ей было жаль расставаться с бродячим музыкантом, но эта жалость сопровождалась радостным чувством, что Олиле сумел избежать плена.

Мака предполагала, что из-за всей этой кутерьмы с Олиле ее не пошлют в страну копилок, но она ошиблась. Несмотря на протесты королевы Зузы, король настоял на своем: «Дочь солнца надлежит препроводить в страну копилок, дабы не возникло раздоров и не нарушились добрососедские отношения с императором Гипсом!».

Скрипя и покачиваясь, кресло медленно катилось по дороге.

Маршал Гривенник сидел, словно аршин проглотил, и, не мигая, смотрел прямо перед собой, стиснув правой рукой эфес шпаги и всем видом показывая, что он в любую минуту готов схватиться с врагом.

Маке надоело молча трястись в кресле, ей хотелось

разговором сократить путь, но полководец словно язык проглотил. Он даже ни разу не взглянул на Маку.

Мака начала сомневаться, не онемел ли прославленный военачальник, и решила проверить:

— Уважаемый маршал, долго ли еще ехать?

— Долго, — буркнул маршал.

— Спасибо! — смиренным тоном поблагодарила Мака, радуясь в душе, что к ее соседу вернулся дар речи, и не стала медлить со вторым вопросом:

— Вероятно, вам тяжело постоянно носить доспехи?

— Настоящему воину доспехи не в тягость! — назидательно изрек полководец, но при этом почему-то снял шлем.

Мака заметила у него шрам над бровью и тут же решила задать еще один вопрос. И задала:

— Уважаемый полководец, где это вас ранило?

— Это ранение я получил в сражении с Онликом Ахмедом Третьим... Долго он будет помнить меня... Расхрабрился, вызвал меня на поединок. И я жаждал сразиться с ним, по всему полю битвы разыскивал его и вот...

«Если его не остановить, до утра будет болтать»,— подумала Мака и в тот момент, когда маршал рассказывал, как он снес голову Онлику Ахмеду Третьему, наивно спросила:

— А я думала, что это след от зубов советника Пятака.

— Что, тебе тоже довелось видеть его зубы? — разволновался прославленный военачальник.

— Конечно, он же проверял мой золотой талисман. С такой силой надкусил его, что чуть зубы не сломал.

Маршал Гривенник покосился на талисман и вздохнул столь огорченно, словно с душой расставался. Да что— вздохнул, слезы на глаза навернулись.

Кресло неожиданно остановилось посреди дороги. Тернистая гора преграждала путь.

— Что за наваждение! — воскликнул полководец Гривенник и тотчас приказал двум копьеносцам разведать, что там такое.

Копьеносцы вернулись быстро.

— Тернистый холм, ваше благородие! — доложили они.

— Не пройдем?

— Никак нет!

— Что-то не припомню, чтобы здесь был холм. Откуда он взялся?

Мака присмотрелась и радостно засмеялась:

— Какой же это холм? Это же самый настоящий ежик.

— Ежик! — сердито протянул маршал и, гремя доспехами, спрыгнул с кресла. Вытащил шпагу. — Ежик... н-да... ежик, — повторяя эти слова, он смело двинулся к ежу, размахивая шпагой.

Маршал обошел ежа со всех сторон. Потом, совершенно неожиданно для Маки, взмахнул шпагой и со всей силы рубанул животное по спине.

Испуганный еж подпрыгнул и бросился наутек. Он, видимо, хотел проскользнуть между ног маршала, но застрял, а победоносный полководец не смог удержаться на ногах и грохнулся прямо на иглы.

Еж заметался, таща на спине полководца. Потом, тряхнув иголками, сбросил маршала, юркнул в кусты и исчез.

Полководец Гривенник неподвижно распростерся на дороге.

Копьеносцы подбежали к командиру. Мака слезла с кресла и поспешила за ними.

Гривенника уже перевернули на спину, и сейчас он лежал вверх лицом, широко раскинув руки и ноги.

Все лицо несчастного было изодрано и исколото.

— Воды! Скорей воды! — крикнула Мака.

— Не в чем, с нами даже котелка нет! — ответил один из солдат.

— Вот вам котелок! — Мака подняла шлем полководца, который валялся у обочины, и подала солдату.

Копьеносец схватил шлем и помчался искать воду. Он быстро отыскал какую-то лужу, зачерпнул шлемом и бегом вернулся обратно.

Мака сунула руку в шлем. Шлем был пуст.

— Я не виноват, — оправдывался копьеносец, — в этом решете вода не держится.

Мака потрясла шлемом над лицом маршала, и несколько мутных капель упали ему на лоб. Бесчувственный полководец открыл глаза и слабым голосом спросил:

— Я не умер?

— Никак нет! — успокоили солдаты своего командира и сами успокоились. С трудом подняли Гривенника, подсовывая под него копья и действуя ими, как рычагами, поставили его на ноги. Полководец ощупал лицо и сказал:

— Однако это чудовище запомнит меня, задал я ему трепку!..

— Вы разрубили его надвое, ваше благородие! — в один голос ответили обрадованные воины.

— Правда? — расплылся в довольной улыбке победоносный полководец. — Следовательно, где-то неподалеку должен находиться его труп. Ступайте и найдите!

Воины разбрелись в поисках «разрубленного чудовища».

Напрасно искали они. Не солоно хлебавши вернулись обратно и доложили:

— Не смогли отыскать, ваше благородие!

— Как не смогли! — недоумевал полководец. — Не мог же он сквозь землю провалиться?

— Так точно, ваше благородие, в самую преисподнюю загремел! — радостно ответили солдаты.

— Хватит горланить! — цыкнул израненный маршал. — Пора в путь!

Но не успел он сделать и двух шагов, как сморщился от боли и упал на одно колено.

Солдаты-полугроши бегом подкатили кресло, подняли своего маршала и осторожно усадили на место.

Кресло со скрипом покатилось. Помятый и ободранный маршал стонал столь жалобно, что Мака не могла выдержать и отвернулась, скрывая слезы. Рядом с креслом шествовал воин, и Мака с радостью узнала в нем старого знакомого Чиче-гроша.

— Ой, Чиче-грош! Здравствуй!

— Здравствуйте, дочь солнца!

— Правда, будто наш Гривенник разрубил ежа пополам?

— Так точно, дочь солнца, чудовище убежало разрубленное надвое.

— Почему же я не видела?

— Не могу знать, но он был разрублен.

— И спорить не о чем! — поддержал Чиче-гроша неожиданно оживший маршал. — Одна половина убежала на запад, другая — на восток! Ой-хо-хо... Поэтому и не нашли его.

«Чудесный был ежик, — думала Мака, — принести бы его в школу, пусть бы жил у нас в живом уголке».

ПРАЗДНИК В СТРАНЕ КОПИЛОК

Кто знает, может быть, за всю историю страны копилкам не доводилось быть свидетелями подобного торжества.

И не только свидетелями, но и участниками.

«Интересно бы узнать, отчего это все копилки точно с ума посходили?» — удивлялась Мака.

И верно, восторгу и радости не было предела.

Маку встречали такими громкими криками, что ей приходилось время от времени затыкать уши пальцами, чтобы не оглохнуть.

Этот день был объявлен праздничным. Закрыли все трактиры, лавочки, рынки, лотки и палатки. Все жители империи высыпали на улицы встречать Маку.

На Лебяжьей площади на скорую руку сколотили трибуну, которая тут же наполнилась копилками, однако Маке было оставлено место в первом ряду.

Не успела она усесться, как с противоположного конца площади прямо к ней направился гипсовый император верхом на белом коне.

Конь, разумеется, тоже был гипсовый.

Восторженные крики сопровождали появление Гипса Двадцать седьмого и его свиты. Но внимание Маки привлек искусственный пруд слева от трибуны. В пруду мирно плавали белые лебеди и разноцветные утки, и гуси.

В середине пруда возвышался холмистый островок, на котором стоял фламинго, как всегда поджав под себя одну ногу.

Гарцуя, приближался к трибунам наездник на белом коне. Вскинув руку, император снисходительно приветствовал подданных. Потом, приложив ладонь к сердцу, поклонился Маке.

— Прекрасная дочь солнца! У меня не хватает слов выразить то счастье, которым наполняюсь я, видя вас в моей стране!

Двое придворных схватили коня под уздцы. Гипс Двадцать седьмой с трудом сполз на землю и, преисполненный чувства собственного достоинства, двинулся к трибуне.

Трибуна, как мы уже знаем, была битком набита копилками, — представителями наиболее знатных фамилий, и императору — увы! — не нашлось места.

Но император, работая локтями, стал пробиваться в первый ряд. Слева и справа слышалось, как трещали копилки, стиснутые со всех сторон. Некоторые из них, стоящие с краю, под натиском других свалились с трибуны и разбились. Но на них никто не обратил внимания. Наоборот, все копилки еще больше возликовали, увидев, как император приближается к Маке. Поднятием руки император остановил шум.

— Дети мои! — громовым басом обратился он к своим подданным. — Сегодняшний день войдет в историю: наша страна принимает прекраснейшую и любимейшую дочь солнца!

И император произнес речь. Она была настолько длинной, что пот градом катился с него, не хватало платков, приходилось выжимать их и снова подавать императору.

Мака несколько раз пыталась заставить себя слушать, но не могла. Когда ей надоедало, она переводила взгляд на пруд и любовалась плавным скольжением лебедей. А на фламинго даже рассердилась: подумаешь, какая важная птица, стоит — не шелохнется, а одним глазом все время на меня поглядывает.

Но ее недовольство пропало тотчас же, как она увидела пятнистого щенка. Семеня и переваливаясь, гипсо-

вый кутенок перебежал площадь и уселся прямо против императора. Свесил голову набок, удивленно приподняв лохматое ухо, потом лег, положив на лапы мордашку и попеременно поднимая уши.

Как снаряды из пушки, вылетали слова из императорского рта. Бедняга щенок испугался этого грохота. Вскочил, поджал хвост и, оглядываясь, затрусил восвояси, а на том месте, где он недавно сидел, осталась маленькая лужица. «До чего забавный кутенок», — улыбнулась Мака и пожалела, что у нее дома нет такого щенка. С ним, наверное, ужасно интересно играть.

Гипсовый император все больше входил в раж, и чем больше ярился, тем сильнее стучал кулаком по перилам трибуны.

В своей речи он не обошел и царство древних монет. Он начал с того, что назвал отношения между двумя сопредельными государствами примером мирного взаимопонимания, но под конец обругал короля Драхму и его придворных скупердяями, чем до слез насмешил собравшихся.

Он закончил речь приглашением во дворец почетной гостьи — прелестнейшей дочери солнца.

Маке не терпелось подойти к пруду и поближе рассмотреть фламинго, но что поделаешь, коли гипсовый император ни на шаг не отпускал ее от себя.

Поразительно, что никто не обратил внимания на маршала Гривенника, ни на его изуродованное лицо. Он плелся где-то позади всех в окружении своих воинов, однако совершенно не казался обескураженным и, как всегда, держался за эфес шпаги.

Мака решила сохранять серьезный вид, ей самой было интересно, надолго ли хватит ее серьезности? Можно сказать, что она ни слова не проронила по пути во дворец, если только не считать того, что она подробно

рассказала императору о схватке с чудовищем, о доблести маршала Гривенника, одним ударом разрубившего это чудовище, и о разбежавшихся половинках. Слушая рассказ, император смеялся так громко, что у Маки заложило уши. Она замолчала, мысленно упрекая себя: «Когда я научусь держать язык за зубами! До каких пор буду болтушкой?!»

ЦАРСКИЙ ПИР

Мака много слышала о царских пирах, на которых даже бывает птичье молоко, но, увидев, как накрыт стол во дворце, она поняла, что ее представление было ложным.

На столе стояли пустые приборы. И все. Ни еды, ни питья. Слуги сновали как угорелые, суетились, налетали друг на друга, словно и впрямь тащили из кухни все новые и новые яства. В действительности же они только и делали, что меняли пустые тарелки, бегали с пустыми подносами и делали вид, что разливают суп из огромных суповых мисок.

Сидевшая во главе стола Мака отказывалась верить собственным глазам.

Гипсовый император потребовал большой рог для вина.

Принесли огромный рог.

— Наполните, — приказал виночерпиям император,— я хочу поднять заздравный тост.

Виночерпии притащили огромный кувшин и опрокинули его над отверстием рога.

Представьте, в кувшине не было ни капли вина. Но император Гипс с превеликим трудом поднял рог и показал гостям: смотрите, мол, полон до краев.

Гости почтительно закивали: верим, верим, великий император, не утруждайте себя понапрасну!

— Этот рог, — взревел император, — я хочу поднять за нашу гостью, — прелестную дочь солнца... Каждый обязан выпить до дна...

— Все, как один, выпьем! — вскричали все гости разом, кроме маршала Гривенника.

— Прелестная дочь солнца! — обратился к Маке гипсовый самодержец. — Ваш визит—огромная радость для нас, и мы не в силах выразить ее. Будьте здоровы, живите долго! Желаем вам благополучия и успехов в личной жизни!

— Ура! — грохнули гости.

Император приставил рог ко рту и, медленно поднимая его, осушил до дна. Сотни глаз в безмолвии следили за ним, словно сомневаясь, удастся ли повелителю одолеть такую махину?

— Ура! — снова прогремело в зале, когда император потряс рогом и лихо опрокинул его! Дескать, ни капли не осталось!

«С ума сойти можно! — думала Мака. — Хотелось бы знать, как можно осушить пустой рог?»

— Очередь за маршалом Гривенником! — провозгласил император.

— Господа! — поднялся полководец Гривенник. — Как вам уже известно, мне пришлось сегодня лицом к лицу сразиться с ужаснейшим чудовищем. Мы сошлись не на жизнь. а на смерть. Вы видите, как я изранен, битва отняла у меня все силы. Но если бы я уступил чудовищу, прекраснейшая дочь солнца сегодня не была бы вашей гостьей!

— Да здравствует полководец Гривенник, спаситель дочери солнца!

— Да здравствует истребитель дракона!

— Да здравствует! — провозглашал восхищенный зал.

«Они меня стараются обмануть или самих себя? — удивленно думала Мака, не в силах дождаться конца речи. — Потерплю еще немного, посмотрю, что дальше будет».

— Поэтому, господа, — продолжал маршал, — прошу не принуждать меня и избавить от этого рога!

— Невозможно!

— Кто поверг чудовище, что тому один рог вина!

— Воля государя-императора!

— Пей до дна! — не унимались гости.

И снова виночерпии притащили кувшин и стали наполнять огромный рог.

— Довольно, довольно! — останавливал их встревоженный сокрушитель чудовищ. — Рог уже полнехонек!

Маку так и подмывало сказать что-нибудь, и она изо всех сил сдерживала себя.

— Немыслимо трудной была схватка с чудовищем,— начал свой тост полководец Гривенник. Потом долго расписывал собственную доблесть и в конце добавил: — Если я и совершил героический поступок, то только потому, что меня вдохновляла на подвиги дочь солнца!

— Ура!

— Ура дочери солнца!

Рог обошел стол, все налегли на еду. С лотков и подносов перекладывали на свои тарелки несуществующие яства. С аппетитом двигали челюстями, причмокивали, утирались салфетками, словно и впрямь наелись до отвала, и довольные похлопывали себя по груди: иф-иф-иф, до чего все вкусно! Невидимыми деликатесами угощали друг друга.

— Отведайте этого заливного, чудо, само во рту тает!

— Сначала вы, любезнейший!

— Я уже...

— Не положить ли вам сарделек, отменные!

— Нет, благодарю вас! У меня язва желудка, слишком жирная пища вредна мне.

— Тогда извольте чахохбили!

— Чахохбили — с удовольствием!

Слуги суетились. Меняли тарелки, тащили новые подносы, на которых ничего не было, кувшины с вином, в которых тоже — увы! — не было ни капли вина.

Маршал Гривенник перепил и целовал сидящего рядом гипсового дворянина, обнимая его за шею. «Подобного великолепия, — икал он между поцелуями, — в жизни не доводилось видеть!» Потом облизал пальцы и потребовал:

— Повара! Подать сюда повара, хочу выпить за его мастерство.

Не только Гривенник, все вокруг опьянели, у всех развязались языки, начались объятия, послышались поцелуи, на гипсового императора никто не обращал внимания.

— Почему дочь солнца не отведала ни кусочка? — спросил Маку пьяненький император, сдвигая корону набекрень.—Не ждите, когда за вами поухаживают, им бы свою утробу набить, моя крошка!

Мака еще раз внимательно осмотрела и стол, и всех за столом, недоумевая, чем наелись и с чего опьянели гости — за все время пира им и макового зернышка не поднесли? Потом повернулась к императору и лукаво спросила:

— Посоветуйте, что здесь самое вкусное?

— Отбросьте церемонии, дочь солнца, будьте как дома. Мои повара —искуснейшие мастера своего дела, любое блюдо, какое бы вы ни отведали, вам понравится.

— Я не сомневаюсь, но у меня что-то нет аппетита,— ответила Мака и тут заметила, что император смотрит на

нее, а пожирает глазами золотой талисман. Он так жадно уставился на него, что у бедной Маки сердце сжалось от страха.

Гипс протянул руку и жирными пальцами схватил эту золотую безделушку с ликом солнца. Долго вертел ее, любуясь золотым блеском, расплылся в блаженной улыбке, засюсюкал, зашепелявил, как младенец:

— Маюсенький! Дологой! Длагоценный!.. Плоглоцу тебя, золотце!.. Плоглоцу! Маюсенький! Золоцте! Плоглоцу!..

Мака побледнела.

Во рту пересохло, и она попросила воды.

— Воды для дочери солнца! — хлопнул в ладоши Гипс Двадцать седьмой.

Слуги бегом принесли хрустальный графин с холодной водой. Мака налила в чашу и смочила рот.

У нее закружилась голова. Перед глазами завертелись и смешались стол, копилки, пьяный маршал и сам гипсовый император.

Девочка откинулась на спинку стула. «Наверное, я очень устала, столько впечатлений», — подумала она, закрывая глаза. И в этот момент услышала:

Солнце — мой родитель,
Месяц — мой создатель,
Звездочки — сестрицы,
Небо — дом прекрасный.

«Олиле пришел», — обрадовалась Мака, попыталась встать, но не смогла пошевелить даже пальцем.

Не сегодня, так завтра,
Иль на день поздней,
Вспыхни, солнце, внезапно
Над дорогой моей!

Небывало огромным
Над землей заалей!

Не сегодня, так завтра,
Иль на день позднее!

Пел под окнами Олиле — бродячий музыкант.

Солнце — мой родитель,
Месяц — мой создатель,
Звездочки — сестрицы,
Небо — дом прекрасный.

Мака еще раз попыталась встать и не смогла, попыталась открыть глаза, они как будто слиплись, попыталась улыбнуться — губы не слушались. Теплый туман сна обволакивал ее.

РАЗГОВОР НА ЛЕБЯЖЬЕЙ ПЛОЩАДИ

Когда Мака проснулась, ей показалось, что она одна в зале. Протерла глаза, огляделась: стол был убран, куда-то исчезла и посуда, и копилки, и сам гипсовый император.

Только на том конце стола виднелся знакомый шлем. Этот шлем свалился с головы маршала Гривенника, а сам сокрушитель чудовищ громко храпел рядом, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки.

Мака улыбнулась. Она проснулась в хорошем настроении, а вспомнив о вчерашнем пиршестве, развеселилась еще больше. Ну, разве не смешно, как все объелись и напились до того, что перестали узнавать друг друга, когда ни есть, ни пить было нечего?!

Потом вспомнила, как уснула сама в разгар веселья. «Наверное, очень устала, — подумала она, — а с усталости не мудрено и уснуть». И тут же вспомнила, что ей слышалась песня Олиле.

Чудесная песенка!

Пение Олиле прозвучало в каком-то полусне, и Мака сейчас никак не могла сообразить, приснилось ли ей это или в самом деле пел Олиле. Если не приснилось, тогда Олиле должен быть где-то здесь. Может быть он узнал, что Мака гостит в стране копилок, и пением давал понять ей, что прибыл сюда следом за ней.

Мака спрыгнула с кресла и на цыпочках прокралась к дверям, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не разбудить маршала Гривенника.

Она спустилась по парадной лестнице, пробежала несколько улиц и скоро уже была на Лебяжьей площади.

Необычайная тишина царила в городе.

Империя копилок походила на мертвое царство.

Ни одной копилки не было видно на улицах. Не только копилки, даже лебеди исчезли куда-то. Только один фламинго по-прежнему стоял, поджав ноги, на холмистом островке посреди пруда и холодно смотрел на Маку. Мака обошла пруд, и ей стало очень грустно и одиноко.

Даже словом не с кем перекинуться, а Мака и минуты не могла выдержать без болтовни. Очевидно, поэтому и заговорила с розовым фламинго.

— Здравствуйте, фламинго!

Фламинго не шевельнулся, не проронил ни звука, как изваяние стоял на одной ноге.

— Я в зоопарке видела фламинго, живых... Ты — гипсовый. А у тех были прекрасные розовые перья, они бродили по пруду и ловили рыбешек... Этих рыбешек пускают в пруд служители зоопарка. — Она хотела еще что-то добавить, но здесь раздались чьи-то шаги, она умолкла и быстро обернулась.

К ней шел бродячий музыкант.

— Олиле! — обрадовалась Мака и захлопала в ладоши.

— Мака, дочь солнца!

— Какой ты храбрый, Олиле! Как ты отбился?!

— Ты разве не слышала вчера мою песню?

— Конечно, слышала! Но я так устала с дороги, что не заметила, как уснула.

— Мака, я видел полководца Гривенника и его воинов, они спят, как убитые. Пузатые копилки куда-то подевались. Если мы собираемся бежать, лучшего момента не представится. Бежим, дочь солнца!

— Бежим! — согласилась Мака. — Мне надоело ездить по гостям.

Никто не препятствовал им, не преграждал дороги, но они не двинулись с места. Все дело в том, что Олиле вдруг побледнел и с ужасом воскликнул:

— Где твой золотой талисман, дочь солнца?

Испуганная Мака посмотрела на грудь, дотронулась до талисмана и спросила:

— Разве это не мой?

— Нет, дочь солнца, этот — поддельный!

— Поддельный?!

— К сожалению... Его подменили.

— Как подменили? — Маке никак не хотелось верить, что талисман, висящий у нее на груди, вовсе не тот, который она нашла на чердаке вместе с платьем.

— Чтоб им лопнуть вместе с талисманом! — в сердцах махнул рукой Олиле — бродячий музыкант. — Пошли, уйдем отсюда!

Но Мака вдруг вспомнила наставления филина: «В чужих руках этот талисман будет приносить зло!».

— Нет, Олиле, — покачала она головой, — я должна вернуть талисман во что бы то ни стало, иначе не миновать нам всем беды.

— Что же делать? — задумался Олиле. Долго стоял он и думал и наконец решил. — Хорошо, дочь солнца,

возвращайся обратно в королевство древних монет, а я остаюсь. Попытаюсь разыскать и вернуть тебе твой талисман.

— Хорошо, Олиле.

— Только делай так, как я скажу тебе.

— Я буду послушной, Олиле.

— Никому не открывай, что потеряла талисман, никому не говори, что его подменили. И не только не говори, — виду не подавай, держись так, будто ничего не случилось.

— Спасибо, Олиле.

— Теперь ступай во дворец и разбуди маршала Гривенника.

Мака пошла ко дворцу. Слезы сами собой навернулись на глаза, но она вспомнила совет Олиле и украдкой смахнула их.

— Я непременно приду в королевство древних монет и принесу тебе талисман!

Мака улыбнулась.

— Так-то лучше! — сказал Олиле — бродячий музыкант. — Чтоб я больше не видел твоих слез!

А Мака шла и огорченно корила себя: «Какая же я дура, подумала, что уснула от усталости, а они подсыпали мне сонного зелья и усыпили. Конечно, усыпили, чтобы завладеть моим золотым талисманом».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Маке не пришлось будить полководца, он проснулся сам, как раз в тот момент, когда девочка входила в зал. Сначала зевнул, потом потянулся так, что заскрежетали доспехи, и спросил, ни к кому не адресуясь: «Я не умер?» А когда убедился, что жив, вскочил с солдатской провор-

ностью, нахлобучил свалившийся шлем и, сияя от удовольствия, спросил Маку:

— Прекрасно провели вчера время, не правда ли?

— Да... — ответила Мака. — Только я рано уснула, и мне ужасно хочется узнать, как закончился пир.

— Превосходно! — снова зевнул полководец. — Хотя некоторые из копилок омрачили веселье. До того напились, канальи, что трахнулись друг о друга и разбились.

— Я даже слышала, как одна разбилась.

Полководец Гривенник собирался продолжить свой рассказ, но в это время его взор упал на воинов, вповалку храпевших на полу. Маршал даже рот разинул от удивления:

— Они-то что тут делают?

— Наверное, опьянели, так же как и вы, — ответила Мака.

— У-у-ух, я им этого не спущу, — рассвирепел маршал. — О-о! Чтобы мои воины напивались, как свиньи!..

Воины, облаченные в доспехи, спали на полу, один на другом, с копьями в руках, и Маке на мгновенье показалось, будто она видит не доблестных солдат, а груду металлолома, сваленного в углу школьного двора.

— Подъем! — заревел маршал Гривенник.

Воины моментально вскочили и вытянулись перед командиром. Они никак не могли прийти в себя и ошарашенно хлопали глазами, не понимая, что происходит.

Полководец, напыжась, прошелся перед строем.

Он останавливался перед каждым солдатом и подолгу рассматривал его, словно опасаясь, не подменили ли его гренадеров.

Кто знает, чем бы все это кончилось, не войди в зал двое слуг.

Слуги поздоровались с гостями и почтительно склонились перед Макой:

— Как изволили отдохнуть, дочь солнца?

— Спасибо, превосходно! — поблагодарила Мака.

— А вы, непобедимый полководец?

— Великолепно!

— Не соизволите ли позавтракать, мы мигом!

Маршал открыл рот, но Мака опередила его:

— Если принесете вчерашние яства, с удовольствием.

— Стоит вам только пожелать, дочь солнца, все к вашим услугам!

— А где император? — спросил маршал Гривенник.

— Государь соизволил отбыть на охоту. Он так и сказал: «Мы узнали, что дочь солнца всему на свете предпочитает боровую дичь».

— Какая досада! Мы с удовольствием дождались бы его, однако у нас не осталось времени, мы обязаны сию же минуту отправляться в обратный путь.

— А как с дичью? Император исключительно ради вас отправился на охоту.

— Дичи и вчера было вдоволь, премного благодарен. Мы не можем задерживаться ни на минуту, — отрезал Гривенник почему-то очень обиженным тоном.

Причина его обиды стала ясна, когда при выходе из зала он процедил под нос: «Если этот пузан собирался на охоту, почему же не пригласил меня, или он воображает, что его мазилы более меткие стрелки, чем я?»

Молодцы-полугроши взялись за кресло, и оно покатилось. За ними строевым шагом тронулись вооруженные до зубов копьеносцы.

Полководец с достоинством сидел в кресле, стискивая правой рукой эфес шпаги.

— Уважаемый маршал, как вам понравилось вчерашнее вино? — спросила Мака.

— Нектар, — не замедлил полководец с оценкой,— лучшего и представить невозможно!

— В самом деле?

— Как, разве вы не пробовали?

— Нет.

— В таком случае вы очень многое потеряли.

— А угощение?

— Великолепное! Такого мне еще не приходилось вкушать. Я даже позвал повара, чтобы выпить за его мастерство.

— А мне показалось, будто стол был совершенно пустой.

— Что вы, дочь солнца! — возразил полководец Гривенник и вдруг осекся. Взглянул налево и едва не вывалился из кресла. — Стоп! — крикнул он не своим голосом.

Кресло остановилось. Маршал, чеканя шаг, подошел к кустам и, гордо обернувшись, произнес:

— Здесь должен быть воздвигнут памятник в честь моей победы над драконом! Именно на этом месте я прикончил мерзкое чудовище. Я заметил его, растянувшегося поперек дороги, и тотчас взялся за шпагу, — с этими словами маршал обнажил шпагу. — Приблизившись, я одним взмахом...

Тут полководец Гривенник размахнулся и ударил шпагой по кустам.

Кусты вздрогнули. Из них выскочил перепуганный насмерть ежик и кинулся в ноги храбрецу, тот ничком повалился на его колючую спину. Не разбирая дороги, еж помчался прямо на солдат, завертелся на месте, сшибая их в кучу, и опрометью кинулся обратно в кусты.

Посреди дороги, словно куча-мала, валялись поверженные воины.

Мака умирала со смеху, глядя на них. «Никогда еще я так не смеялась», — рассказывала она потом.

Полугроши с помощью Маки привели в чувство копьеносцев.

— А где наш командир? — бестолково озирался Чиче-грош. — Уж не похитило ли его чудовище?

Но когда все воины были подняты на ноги, под ними обнаружили маршала.

Потерявший сознание маршал, казалось, не дышал. Свернутый набок нос почти касался мочки правого уха.

— Я не умер? — прохрипел полководец, приходя в сознание.

— Никак нет! — успокоил его Чиче-грош.

— Второе чудовище повержено, — проговорил маршал, поднимаясь на четвереньки и отряхиваясь. — Мы возвращаемся в свое отечество с двойной победой!

«Какой чудесный ежик, — думала Мака, — вот бы такого в наш живой уголок».

ПЕРЕПОЛОХ ВО ДВОРЦЕ

Исколотый и исцарапанный маршал Гривенник во главе своего изрядно помятого воинства подъехал к воротам столицы древних монет.

Снова загремели фанфары.

Весть о героическом подвиге главнокомандующего каким-то неведомым путем дошла до королевства древних монет, и население встретило маршала так, как положено встречать вернувшегося с победой героя.

Разумеется, обитатели королевства не подозревали, что прославленный полководец на обратном пути успел схватиться со вторым чудовищем, иначе трудно представить, во что бы вылилась радость встречающих.

Подвиг маршала Гривенника заставил горожан забыть о дочери солнца. Только ему предназначались все эти цветы, взлетающие в воздух шапки, приветствия. Облаченный в парадный камзол, король Драхма Первый и королева Зуза, сопровождаемые сияющей свитой, встретили полководца в дверях, горячо поздравили с победой и пожелали ему долгой героической жизни.

Очевидно, вслед за этим последовал бы небывалый бал, но отчаянный крик советника Двугривенного привел всех в замешательство:

— Погибли! — вскричал он, без чувств падая к ногам Маки.

На мгновение все оцепенели, никто не мог понять, что стряслось, почему так отчаянно кричал советник?

— Что погибли? Как погибли? Кто погиб? — пронеслось по рядам придворных.

— Весь триумф насмарку! — процедил сквозь зубы маршал. — Завидно стало, что нас встретили с таким почетом, вот и притворился, что потерял сознание.

Оцепенение, охватившее всех, прошло. Придворные засуетились, забегали, кинулись к упавшему советнику.

— Отойдите!

— Воздуха ему, воздуха!

— Откройте окна!

— Воды!

— Воды!

Кричали все, кто был в состоянии вымолвить хоть слово.

Как назло, именно в этот день испортился водопровод, и, сколько ни крутили краны, даже капли воды не вытекло из них.

Но советник Двугривенный пришел в себя без посторонней помощи. Он приподнял голову, ища кого-то

глазами. Едва его взгляд отыскал Маку, как он снова испустил отчаянный крик:

— Ограбили! Погибли!

Все обернулись к Маке.

— Советник! — склонился к старику Драхма Первый. — Что означают ваши слова? Какое еще несчастье обрушилось на нас?

Советник вскочил на ноги с прыткостью, удивительной для столь почтенного возраста, подбежал к Маке, обеими руками ухватился за талисман и впился в него глазами.

— Император Гипс подменил наш талисман!

Вопль ужаса пронесся по тронному залу.

Королева, как подкошенная, села на пол.

Но никто даже не обратил на нее внимания, все были заняты талисманом.

— Погибли мы! Подменили! — как безумный твердил советник Двугривенный.

— Как подменили? Да кто посмеет?! — возмущенно воскликнул маршал Гривенник.

— Этот талисман не золотой! — упрямо стоял на своем советник.

Мака стояла ни жива ни мертва, растерянно переводя взгляд с одного придворного на второго. Прав был филин, когда предупреждал: «Попади талисман в чужие руки, не миновать беды».

— Как не золотой?! Сейчас же проверить! Император Гипс ответит мне за подлог! — кипятился король. — Позвать сюда советника Пятака!

Двое полугрошиков внесли на руках советника. С большим трудом старца разбудили и велели проверить, золотой талисман или фальшивый.

Пятак тут же потянул талисман ко рту, обнажив на миг два свои зуба.

Все почему-то посмотрели на маршала Гривенника.

Прославленный полководец побледнел и задрожал. Видимо, зубы советника Пятака пробуждали в нем тяжелые воспоминания. Тем временем советник успел откусить кусочек металла от талисмана и выплюнуть его на ладонь:

— Подделка!

— Обманули нас!

— Подменили!

— Провели! — стонал зал.

Придворные рыдали. По щекам Драхмы Первого ручьем лились слезы.

— Что со мной сделали... — вне себя от горя причитал король. — Подменили мой золотой талисман... Мою собственность... Мою...

Мака совсем растерялась, не в силах разобраться, кому же на самом деле принадлежал талисман. «До сих пор я считала его своим, а этот выживший из ума король почему-то утверждает, что талисман — его собственность!»

— Если они не вернут его добром, — громогласно заявил вдруг маршал Гривенник, обнажив шпагу, — я силой заставлю их вернуть!

— Это ты во всем виноват, ты, фальшивый лицемер! — погрозил король своему полководцу и даже полез на него с кулаками, но советник Двугривенный остановил короля и отвел его в сторону, шепча на ухо:

— Ваше высочество, мы никогда не нуждались в его услугах так, как сейчас! Повремените ссориться с ним...

НЕБОЛЬШОЕ ДОРОЖНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

К Гипсу Двадцать седьмому был срочно снаряжен гонец с королевской грамотой, в которой было всего четыре слова: «Мы объявляем вам войну!»

— Какой талисман?! Что за талисман?! — прочитав грамоту и выслушав гонца, разъярился император Гипс и велел прогнать посланца пинками.

Великий совет короля Драхмы постановил: Война!

Война!

Мир нарушен!

Как отмечает летописец, все мужчины королевства записались в ополчение.

Ворота отворились, и боевые отряды старинных монет, вооруженные копьями и саблями, двинулись на страну копилок.

Мака плелась в хвосте. Она шла со всеми не потому, что ей хотелось, нет, ее заставили.

Совет постановил: поскольку император Гипс может не вернуть талисман, сославшись на отсутствие хозяина, держать дочь солнца при армии, и в ответ на наглое заявление императора предъявить ее с тем, чтобы она потребовала назад свой родовой знак. Если и в этом случае император не вернет талисман, начать военные действия.

Прежде, чем отправиться в поход, полководец Гривенник обратился к воинам:

— Вы — гвардия непобедимых! Дерзайте, и противник будет повержен.

И в самом деле, могут ли противостоять хрупкие копилки закаленным старым монетам?!

Мака прочиклась признательностью к королю и всем его подданным за то, что они все, как один, поднялись на защиту ее талисмана, хотя ее грызло сомнение, что

король может воспользоваться случаем и не вернуть талисман.

Войска шли.

Девочка была немного удивлена, что на этот раз ее не усадили в кресло, а заставили тащиться пешком по пыльной ухабистой дороге. Но что делать? Если все королевство двинулось воевать за тебя, то ты должна делить с ними невзгоды ратного пути.

Между прочим, преподаватель физкультуры в ее школе всегда говорил ученикам:

— Больше ходите пешком. Ходьба—залог здоровья.

Один из воинов передового отряда отстал от своих, остановившись на дороге, он поправлял амуницию. Когда Мака поравнялась с ним, воин снял шлем, и девочка узнала старого знакомого Чиче-гроша.

— Здравствуй, Чиче-грош! — поздоровалась она.

— Здравствуй, прелестная дочь солнца! — поклонился Чиче-грош.

— Отстал от своих?

— Да вот латы поправляю.

— Как ты думаешь, Чиче-грош, вернут мне талисман?

— И сомневаться нечего, дочь солнца... Только ты должна знать, что никто, кроме меня, не сможет этого сделать...

— Почему?

— Прикинь сама, дочь солнца... Полководец Гривенник—фальшивый хвастун. А что касается нашего короля и его советников, то стоит императору Гипсу только дунуть — и их, как не бывало. Кто остается? Только я. Я один могу вернуть тебе родовой знак, но, — тут Чиче-грош возвысил голос, — ты должна поделиться со мной, дочь солнца. Когда я возвращу тебе талисман, он должен стать не только твоим, но и моим, то есть нашим общим, тогда...

— Что же тогда будет?

— Тогда... Тогда ты станешь царицей, а я...

— А ты, Чиче-грош?

Вам кажется, что это спросила Мака. Ничего подобного. Перед ними вырос маршал Гривенник. Он вскипел, услышав слова Чиче-гроша, и дал ему такой подзатыльник, что тот кубарем покатился по земле.

— Ишь ты, царствовать вознамерился! — побагровел маршал и стал похож на раскаленную на огне монету. Потом отошел и обернулся к Маке. — О, дочь солнца, на что способен этот негодный грош? Только я смогу вернуть вам вашу пропажу, а если вы согласитесь, чтобы мы владели ею сообща, тогда вы станете царицей, а я...

— А ты, кем ты станешь, маршал Гривенник? — и на этот раз спросила не Мака. Неслышно подкрался к ним советник Двугривенный.

— Я знаю, кем ты вознамерился стать! Сию же минуту, чтоб ноги твоей не было! Иди, командуй воинами!

— На царство метит этот фальшивый ветрогон, — проворчал вслед полководцу рассерженный Двугривенный. — Никому не верьте, — подошел он к Маке, — особенно этому поддельному маршалу. Каждый скажет вам, что умнее меня не сыщется ни одного человека во всем королевстве... Только я могу отыскать ваш золотой талисман. И стоит вам пожелать, прекрасная дочь солнца...

— Что должна пожелать прекрасная дочь солнца?— это уже сам король спрашивал советника Двугривенного. — Двурушник! Изменить задумал! Сейчас же убирайся. Я знаю, чего должна пожелать дочь солнца.

Советник исчез.

— Прекрасная дочь солнца! — взял Маку под руку

Драхма Первый. — Я — король, и лишь мое слово непоколебимо. Этот выживший из ума старик вообразил, будто я настолько одряхлел, что не способен управлять государством. Не верь им, у меня вполне достаточно сил и ума, чтобы отстоять свой трон.

— Ваше высочество, — ответила Мака. — Я — гость в вашем королевстве и не думаю долго задерживаться у вас. Мой дом далеко отсюда, и остаться здесь я не смогу... Вчера я пришла к вам, завтра уйду...

— И золотой талисман унесешь?

— Если отыщется, непременно унесу.

— Может быть, обменяешь на мой родовой знак? — и король поднес к ее глазам старинную серебряную монету, висевшую на его груди. — О, это древнейшая монета!

Мака подумала: «Возможно, что она действительно древняя. Если подарить такую нашему историку, интересно, выставит он мне пятерку за эту четверть?»

Но даже такая заманчивая перспектива не соблазнила ее:

— Нет, ваше величество, — твердо сказала она, — мне бы хотелось унести мой талисман.

— Избави господи! — возвел глаза к небу король, молитвенно складывая руки, затем повернулся и пошел прочь, шамкая при этом под нос: — Этому не бывать, не бывать этому!

Маке показалось, что в отместку король тут же повернет войско, и ей уже никогда не видать талисмана.

Но армия продолжала двигаться прежним путем. Тяжелая поступь вооруженных до зубов солдат не оставляла сомнений в том, что они не только не повернут назад, но и на шаг не отступят.

«ЛАЗУТЧИК»

Неожиданно войско остановилось.

«Вот сейчас они и повернут домой», — подумала Мака, но ее опасения не оправдались.

— Лазутчика поймали, шпиона копилок! — пронеслось по строю, и эти слова долетели до Маки.

Мака наслышалась об императорских лазутчиках, и сейчас ей захотелось собственными глазами увидеть его.

Любопытство толкало Маку, ноги сами несли девочку к тому месту, где собралась свита короля Драхмы.

Вам трудно представить, как она обрадовалась и, как удивилась вдобавок, увидев вместо императорского лазутчика бродячего музыканта Олиле, стоящего перед Драхмой Первым.

— Олиле! Олиле! — закричала Мака, пробираясь сквозь толпу придворных.

— О, Мака! Дочь солнца!

Но тут Мака вспомнила, как совсем недавно эти же самые воины гонялись за Олиле, как он скидывал их с крыши, и она постаралась умерить радость, чтобы не выдавать своего друга, которого каждую минуту могли признать и заковать в цепи.

— Вот вам доказательство моей правоты, ваше величество, — обратился Олиле к королю, — дочь солнца может подтвердить вам, что я не лазутчик. Я — бродячий музыкант, а музыкант не может быть шпионом.

— Это же Олиле! — подтвердила Мака, — он прекрасно играет на волынке и великолепно поет.

— Если дело обстоит именно так, то что понадобилось тебе в империи копилок? — спросил советник Двугривенный.

— Я уже докладывал вам, что я бродячий музыкант,

брожу по городам и селам и развлекаю людей музыкой и пением.

— Допустим! — продолжал допрашивать советник.— Тогда расскажи нам, каково настроение в стране копилок? Готовы ли они к войне? Если готовы, сколько у них солдат, как они вооружены? Не собираются ли использовать какое-нибудь новое оружие?

— Они живут по-прежнему, — ответил Олиле. — Никаких приготовлений к войне я не заметил, да способны ли воевать пустые копилки?

— Пустые?! — вскричал маршал Гривенник. — Какие же они пустые? Каждая так набита золотом, что еле ноги передвигает.

— Не знаю, мне кажется, что во всех дырявого семишника не сыщешь.

— Я здесь! — гаркнул кто-то из рядов воинов и сделал шаг вперед.

— Это еще кто? — удивился король.

— Ты кто такой? — презрительно посмотрел на воина советник Двугривенный.

— Я Дырявый Семишник!

— Что ему нужно? — спросил король.

— Что тебе надо? — снова обдал презрением советник Двугривенный.

— Жду ваших приказаний! Вы сами вызвали меня. — Дырявый Семишник сделал несколько шагов вперед и встал рядом с Макой.

— Никто тебя не вызывал! — строго сказал Советник.

— Как не вызывал! Я собственными ушами слышал, как кто-то сказал: «Дырявого Семишника не сыщешь». Что, думаю, за клевета?! Не я ли Дырявый Семишник!— при этих словах воин снял шлем, чтобы каждый мог убедиться в правдивости его слов.

«Никогда бы не подумала, что Дырявый Семишник может быть таким выскочкой», — улыбнулась Мака.

Наверное эта улыбка ободрила Семишника и придала ему смелости. Когда советник Двугривенный снова приступил к допросу Олиле, Семишник подошел к Маке и вступил с ней в разговор:

— Меня, дочь солнца, больше всего беспокоит пропажа талисмана.

— Меня тоже, — ответила Мака.

— О, не стоит тревожиться, прекрасная дочь солнца, я верну вам его, но при одном условии...

Однако полководец Гривенник не дал Семишнику договорить, напустившись на него:

— Так, значит, и у тебя есть условия? И этот скоморох туда же, на царство метит!

— Каждый солдат, если не о царствовании, то на худой конец о маршальском звании должен мечтать! — гордо изрек Семишник.

— Ах, вот как! Маршальское звание для тебя худой конец! — разозлился Гривенник и отвесил Семишнику звонкий подзатыльник.

Тем временем допрос Олиле продолжался.

Как ни старался Олиле, он не мог убедить Драхму Первого и его советника, что копилки не готовы к войне.

— Вы-то почему объявили им войну? — попытался выяснить Олиле.

— Они прикарманили наш золотой талисман.

— Ваш? — удивился Олиле.

— Вернее, не наш...—смешался советник, — а дочери солнца... Мы хотим отвоевать ее родовой знак.

— В таком случае считайте меня вашим бойцом, — заявил Олиле, — только дайте мне саблю.

Каждый солдат моментально схватился за свою саб-

лю, но всех опередил маршал Гривенник. Он проворнее других снял шпагу и поднес ее Олиле:

— Не откажитесь взять мою!

— А ты не собираешься сражаться? — в недоумении воззрился на него король, — видано ли, чтобы полководец ходил безоружным.

— Мой стратегический талант важнее всякой шпаги! — успокоил своего повелителя маршал.

И армия тронулась вперед.

Дорогой Олиле упрекнул Маку:

— Я же предупреждал тебя...

— Я даже полслова не произнесла, — сказала Мака,— они сами раскусили, что талисман поддельный.

— Может быть, это к лучшему. Теперь они сами убедились в коварстве гипсового императора. Твой родовой знак только силой оружия можно вернуть, иного выхода нет.

— Ты не нашел его?

— Где его найдешь? Надо думать, за семью замками спрятали.

За беседой они не заметили, как перешли границу страны копилок.

ВСЕ КОПИЛКИ ПУСТЫ

Олиле оказался прав.

Копилки не готовились к войне. Более того, сам гипсовый император долго не мог прийти в себя, когда ему доложили, что столица обложена войсками древних монет.

Оправившись и не мешкая ни минуты, император Гипс поспешил в ставку Драхмы Первого и вскоре предстал перед королем:

— Я удивлен и обеспокоен, сосед, тем, что вы подвергли сомнению мою честность. Я не понимаю, чего вы хотите от меня?

— Как не понимаешь? А где талисман, который ты присвоил? — грубо спросил Драхма Первый, убежденный в своем могуществе.

— Я сейчас же докажу вам свою правоту и привлеку к ответу клеветника, оболгавшего меня, — пригрозил вконец разобиженный император.

— Чем ты докажешь?

— Следуйте за мной и убедитесь!

— Убедимся?

— Не соглашайтесь, ваше высочество, — взмолился советник Двугривенный, — он нас заманит и захватит в плен.

— К чему такая подозрительность? — елейно улыбнулся император. — Как я могу пленить вас, когда вся моя империя окружена вашими войсками?

— Пойдем посмотрим на его доказательства! — высокомерно произнес маршал, по привычке хватаясь за шпагу, но, не найдя эфеса, вспомнил, что одолжил ее другому, и, как ни в чем не бывало, поправил портупею.

— Мое сердце обливается кровью, — гудел Гипс Двадцать седьмой, — уязвленное несправедливым подозрением. Я всегда проповедовал добрососедские отношения и всей своей деятельностью поддерживал их.

И Гипс столь долго и красноречиво распространялся о честности и добром соседстве, что Мака чуть было не прослезилась, убежденная в том, что добрейший император совершенно не причастен к краже, а подлог совершен кем-то другим.

И в подтверждение своей правоты император предложил всем последовать во дворец, где он немедленно представит доказательства своей невиновности.

В огромном тронном зале король и император сели рядом.

Маке не терпелось поскорее увидеть все.

Ей очень, очень, очень хотелось узнать, как оправдается гипсовый император.

— Зеркало! — потребовал император.

Слуги, словно с рождения дожидавшиеся этого приказа, моментально притащили зеркало и поставили его перед владыками.

Мака чуть не вскрикнула от удивления: вдоль зеркала пролегла трещина.

Гипсовый император соскочил с трона и повертелся перед зеркалом.

— Ну-с, где же талисман? Убедились, что я пуст?!

Зеркало, как мы уже знаем, было рассечено трещиной пополам, и каждая половинка отражала копилку, стоящую перед ней: правая — внешний вид, левая — все, что находилось внутри копилки. «Это зеркало явно волшебное», — подумала Мака и стала смотреть только на левую половину.

— Император пуст! — подтвердила Мака.

— Я же говорил, что во мне ничего нет! — довольно урча, вертелся перед зеркалом Гипс Двадцать седьмой. — Пустой я! Пустой.

В левой половине зеркала отчетливо отражалась пустая внутренность императора.

— Никакого сомнения нет, император пуст! — единогласно признали все.

Довольный Гипс Двадцать седьмой вернулся на свое место и загремел:

— Следующий!

Вышел первый придворный и легко запорхал перед зеркалом. И он оказался пустым.

— Пустой? — ликующе спросил император.

— Пустой! — был единодушный ответ.

— Следующий!

Перед зеркалом возник второй придворный.

— Пустой?

— Пустой!

— Следующий!

Третий придворный легко прокружился перед зеркалом.

— Пустой?

— Пустой!

Когда были проверены все придворные с челядью, гипсовый император, потеряв от радости голову, громогласно закричал страже:

— Согнать всех моих подданных!

Двери распахнулись, и началось нескончаемое шествие копилок:

купцы,
барышники,
трактирщики,
коробейники,
мясники,
водоносы,
ремесленники,
кузнецы,
каменщики,
плотники,
портные,
сапожники,

цирюльники, выстроившись в очередь, входили и вертелись перед зеркалом.

— Пустой! Пустой! — подпрыгивал от радости император. — Убедились! Убедились! — он довольным хохотом провожал каждую копилку, успевая похлопать по плечу:

— Молодец! Молодец! Не подкачал!

Мака не могла представить, что в мире существует столько разнообразных копилок.

Затем пригнали животных:
буйволов,
быков,
коров,
лошадей,
ослов,
овец,
коз,
собак,
кошек...

— Пусты! — мычал от удовольствия император.

Пришла очередь птиц:
цесарок,
куриц,
лебедей,
гусей,
уток.

— Пустой! Пустая!

Однако Мака забеспокоилась, не видя среди прошедших фламинго. «Надменности у него на всех копилок хватит, — думала девочка. — Стоит себе на одной ноге и поглядывает на всех свысока, даже явиться не пожелал».

Не успела проковылять последняя утка, как Мака воскликнула:

— Все копилки пустые!

— Все пустые! — хором откликнулись изумленные древние медяки.

— А я что говорил? — хохотал, довольный успехом, гипсовый император. — Из-за чего же вы воевать собирались?

— Прав был бродячий музыкант, когда сказал, что у них за душой дырявого семишника не сыщешь! — заливался смехом маршал Гривенник. — Все до одной пустые!

— Нет, не все! — крикнул кто-то со двора.

Гипсовый император даже подпрыгнул:

— Как не все!

Два воина-полугроша за шиворот втащили в зал барышника. Бедняга был так напуган, что на нем лица не было.

Барышника представили пред очами Гипса Двадцать седьмого.

— Послушайте получше, в этой копилке что-то бренчит! — заявил один из воинов.

Все многозначительно переглянулись.

— Не может быть! — облегченно перевел дыхание император. — Его только что проверяли и признали пустым.

— Ну-ка, поставьте его перед зеркалом, поглядим, что в нем бренчит! — приказал Драхма Первый.

Перепуганного гипсового барышника подтащили к зеркалу.

— Я не виноват, он сам залез!—отбивался барышник.

Возглас удивления вырвался у всех.

В левой половине треснувшего зеркала все отчетливо увидели Дырявого Семишника, скорчившегося в чреве копилки.

Это был тот самый семишник, который недавно так гордо заявлял о своей мечте, если не царствовать, то, по крайней мере, дослужиться до маршальского жезла.

Волна удивления улеглась. Теперь все развеселились. Потешались над Семишником, попавшим в копилку, хохотали, издевались.

— Откуда взялся этот Семишник? — хохоча спросил император.

— Вот, значит, только осмотрели вы меня, — начал оправдываться барышник, — вышел я на свежий воздух. Вышел, а этот малый и прицепился ко мне... Я и не знал, что он дырявый, да и откуда мне знать, у него, небось, шлем на голове...

— Что же он хотел от тебя? — не отставал император Гипс.

— Что?! Да вбил себе в голову, что талисман у меня. Уж как я не уверял, нету, мол, — ни в какую не верит. Своими глазами, кричит, проверю... Своими глазами... Влез на бочку, оттуда ко мне на плечо перелез и заглянул в прорезь. При этом еще всяческие придирки строил, что-то темновато, говорит, у тебя внутри, ничего не видать. «Присмотрись», — отвечаю я. Он и рад стараться, совсем в щель пролез... Сначала голову засунул, потом-то плечи. «Все равно, — ругается, — ничего не вижу!» «Лезь глубже», — советую я. Он аж по пояс залез. А я что, не человек? Не выдержал, да и легонько подтолкнул его пальцем. Вот и все! Вдруг слышу, загремел он...

— Вот это да! — вскричал гипсовый император. — Кто еще смеет после этого сказать, что у нас дырявого семишника не сыщешь?!

Смех прокатился по залу.

Несчастный Семишник, скрючась, сидел в копилке, обхватив руками колени и скорбно опустив голову.

Мака никогда еще так много не смеялась. Она уже подумала, что все копилки проверены, но в это время, семеня и переваливаясь, вбежал знакомый гипсовый щенок. Бестолково тычась носом во все углы, он обежал зал и, удивленно скосив голову, сел перед зеркалом.

Гипсовый император заглянул в левую половину треснувшего зеркала:

— И этот пустой! — довольно рявкнул он.

Щенок перепугался императорского голоса. Поджал хвост и со всех ног кинулся вон. Только на том месте, где он сидел, растекалась маленькая лужица.

РОЗОВЫЙ ФЛАМИНГО

Слов нет, веселье и смех приятны всем. Но разве веселиться пришли древние монеты в страну копилок?! Нет. Они намеревались вернуть талисман.

Хотя о каком талисмане могла идти речь, когда ни в одной копилке не было обнаружено ничего, кроме Дырявого Семишника.

Куда же девался золотой талисман?

— Может быть он никогда и не был золотым? — высказал свое сомнение Гипс Двадцать седьмой. — Не мог ли он с самого начала быть поддельным?

Стоило ему произнести слово «поддельный», как маршал Гривенник отошел к окну и сделал вид, что любуется панорамой города.

— Поддельным? — засомневался зал.

— Разумеется! — убежденно произнес император.— Да кто бы доверил этой матрешке золотой талисман?

— Мой талисман был настоящий! — попыталась протестовать Мака.

— Откуда тебе знать, каким он был?! — цыкнул на нее гипсовый император, и Мака смешалась. — Я уверен, что он всегда был фальшивый!

— И я уверен! — поддакнул императору один из придворных.

При этих словах все облегченно вздохнули, словно

сбросили с плеч тяжелую ношу, словно все сомнения разрешились, и принялись кричать:

— Поддельный! Он всегда был поддельным!

Император Гипс сорвал с груди Маки фальшивый талисман и надкусил его. Потом передал первому придворному и тот, попробовав на зуб, передал второму... Талисман пошел гулять по рукам, и все надкусывали его, чтобы убедиться в его поддельности. Наконец талисман попал в руки маршала Гривенника, и тот так усердно стал кусать его, что забылся и проглотил.

— Ну, господа, решайте, — загремел император, — как нам следует поступить с прелестной дочерью солнца?

Вы, конечно, догадались, что слова «прелестная дочь солнца» были произнесены как можно ехиднее.

— Выгнать!

— Выгнать!

— Выгнать!

Кричали хором копилки и старые монеты.

— Извольте выйти вон, «прелестная дочь солнца»! — со всей учтивостью, но в то же время чрезвычайно язвительнно произнес император, показывая рукой на дверь.

— Да, да, вон! — взвизгнул король Драхма. — Из-за тебя чуть не поссорились добрые соседи!

Слезы душили Маку. Она обвела взглядом зал. Все улюлюкали, злорадствовали, насмехались над ней.

— Убирайся, «прелестная дочь солнца»!

— Здесь тебе не место, «миленькая матрешка»!

— Фальшивка!

— Обманщица!

— Ищи дураков в другом месте!

— Живо убирайся!

— Чтоб ноги твоей здесь не было!

Мака молча повернулась к дверям.

Ее сопровождали таким ревом, что она заткнула уши пальцами.

Униженная и оскорбленная прошла она через весь зал.

Медленно спустилась по лестнице.

А во дворе к ней подбежал Олиле и спросил:

— Мака, что с тобой? Почему ты такая печальная?

— Меня выгнали из дворца.

— Тебя?! — возмутился бродячий музыкант. — За что?!

— Оклеветали, будто мой талисман всегда был поддельный!

— Чтоб им лопнуть! Успокойся, дочь солнца, стоит ли горевать из-за какого-то талисмана?!

— Олиле, — сказала Мака, — на самом деле мой талисман припрятал гипсовый император.

— Пусть и он лопнет! Идем отсюда...

— Нет, Олиле, ты еще не все знаешь... Господин Филин предупреждал меня: «Смотри не теряй этот талисман. В твоих руках он будет приносить добро, а в чужих — зло». Поэтому мы во что бы то ни стало до́лжны найти его...

Разговаривая, они незаметно вышли к пруду. Из открытых дворцовых окон доносились взрывы хохота.

По ровной глади пруда скользили утки и лебеди. Посреди водоема по-прежнему на одной ноге стоял фламинго.

— Олиле, Олиле! — услышали Мака и бродячий музыкант таинственный зов.

Олиле взглянул на фламинго.

— Как прекрасно ты пел, Олиле! Твоя песня напомнила мне о родине... Благодарю тебя, Олиле!

— А где твоя родина? — спросила Мака у фламинго.

— Далеко, очень далеко, за девятью горами и девя-

тью морями, — печально отвечал фламинго. — Меня заколдовали, и мне никогда не избавиться от этих чар, никогда больше не увидеть родины...

— А кто может освободить тебя?

— Только я сам, Олиле.

— Как это?

— Я должен совершить доброе дело.

— За чем же остановка?! Неужели ты до сих пор не мог совершить добро?

— Как я мог, когда я накрепко закован в гипс? И какое доброе дело могу совершить я?! Я же сейчас копилка, гипсовая копилка-фламинго!

Мака и Олиле напряженно слушали фламинго.

— Я не могу быть сообщницей гипсового императора, не хочу помогать его козням... Я хочу быть доброй, вольной птицей. А вольная птица в любой момент может вернуться на родину.

Фламинго с тоской замолчал.

Наступила такая тишина, что Мака слышала, как бьется ее сердце.

— Олиле, — продолжал фламинго, — вероломный император спрятал во мне золотой талисман дочери солнца.

— Мой талисман! — обрадовалась Мака.

— Да, дочь солнца. Я не хочу, чтобы на свете торжествовало зло... Я возвращаю тебе твой талисман...

И тут раздался треск. Мака и Олиле сначала не поняли, что это трещит. Потом треск повторился, и друзья увидели, как гипсовый фламинго покрылся множеством трещин.

Гипсовые черепки посыпались в пруд. Вместо гипсовой копилки на маленьком острове в середине пруда стоял живой фламинго. Легкий ветерок шевелил его нежные розовые перья.

Фламинго повернул голову, и Мака увидела свой золотой талисман, висящий на шее у фламинго. Розовая птица сняла его своим крючковатым клювом и протянула Маке.

Впервые в жизни Мака не смогла выдавить из себя ни слова, она онемела от огромного чувства признательности.

— Я свободен! Мне больше не придется горевать! Доброе дело спасло меня! — сказал фламинго, разбежался, хлопая на бегу крыльями, и взвился в небо.

Гипсовые гуси, утки и лебеди печальными глазами провожали птицу, которая криком, полным счастья, прощалась с ними:

— Прощайте, друзья!

— Доброго тебе полета! — кричали гипсовые птицы.

Фламинго сделал в воздухе круг и попрощался с Макой и Олиле:

— Прощай, дочь солнца! Прощай, Олиле-бродячий музыкант! Твоя песня вдохновила меня на доброе дело, прощай!

— Счастливого тебе пути, добрая птица!

— Дочь солнца! Дочь солнца! — услышала Мака вкрадчивый, дрожащий голос и обернулась.

Рядом с ней, протягивая трясущуюся руку, как попрошайка, стояла серебряная монета. Это был последний из тридцати сребреников Иуды.

— Сжалься надо мной, дочь солнца! — скулил сребреник. — Две тысячи лет ждал я нынешнего дня. Неужели двадцать столетий страданий не искупили моей вины?! Никто не может представить, сколько унижений, сколько обид вынес я за свою невольную вину, ибо я не знал, что творил.

Сребреник скорбно вздохнул, перевел дух и продолжал:

— Неужели остальные деньги честнее меня?! Возьми короля Драхму Первого, возьми его приближенных. Каждый из них во сто крат больше принес зла, совесть их обременена грехами, не чета моим. Измена, обманы, убийства... Вот их дорога к величью... А стоило мне оступиться всего один раз, и дурная молва тянется за мной два тысячелетия, будто преступнее меня нет никого на этом свете... Сжалься надо мной, дочь солнца! Смилуйся... Обменяй твой талисман...

— Олиле, уйдем отсюда! — сказала Мака. — Как можно скоре уйдем отсюда!

— Пошли, дочь солнца.

— Господи, неужели нет мне спасенья! — взывал к небу сребреник, но злоба светилась в его глазах.

— Значит, так? — погрозил он друзьям и кинулся бежать ко дворцу, оглядываясь и ядовито ухмыляясь на бегу.

Он подбежал к парадным дверям дворца и закричал:

— Эй, император, сюда! Твой фламинго улетел! Твой фламинго улетел!

— Фламинго улетел!

— Фламинго улетел! — кричали со всех сторон взбудораженные копилки.

— Фламинго улетел?! — взревел гипсовый император, выскакивая на улицу. — Где мой талисман?!

— О каком талисмане ты говоришь? — спросил удивленный Драхма Первый.

— О том самом, который искали вы! — кусая руки, ответил император. — Проклятый фламинго утащил его.

— Откуда у него наш талисман?

— Я его спрятал, я! Я схоронил его в копилке-фламинго!

ПОБЕГ МАКИ

Что тут началось, трудно себе представить.

Драхма Первый не сдержался и назвал гипсового императора жуликом.

— Да как ты смеешь?! — вышел из себя Гипс Двадцать седьмой и закатил королю звонкую оплеуху.

— Наших бьют! — возмутились древние монеты, мигом выхватили сабли и набросились на копилки.

Копилки обнажили мечи.

Началось ужасное побоище.

— Эй, шпагу, всю империю копилок отдам за шпагу!—кричал маршал Гривенник, как угорелый, мечась по двору в поисках оружия.

— Ах, мою империю за одну шпагу, да?! — с этими словами император схватил маршала Гривенника и швырнул его в пруд.

Несмотря на то, что воды в пруду было едва по колено славному сокрушителю чудовищ, он, мокрый с головы до ног, никак не мог выбраться на берег. Видимо, дно пруда заросло илом, вот он и застрял в трясине. Король Драхма свалился с самого верха лестницы, шлепнулся оземь и никак не мог разогнуть спину.

В залах и переходах дворца, в саду и на улицах кипел страшный бой. Кто кого бил, разобрать было невозможно.

— Фламинго не утащил талисман! — кричал сребреник, ехидно осклабясь. — Он вернул его дочери солнца!

Словно холодной водой окатили дерущихся, они замерли с раскрытым ртами, уставясь на Маку.

На ее груди сиял золотой талисман с отчеканенным на нем ликом солнца!

Олиле выхватил шпагу и заслонил Маку.

— Мака, беги! — приказал бродячий музыкант. —

Скорее, пока не заперли ворота! Спасайся! Я задержу их!

— А ты? Что с тобой будет?!

— Отобьюсь! Беги, пока они не опомнились!

Мака побежала к воротам.

— Бежит! — заорали старые монеты и копилки, с криком кидаясь за Макой.

Перепуганная Мака оглянулась: размахивая шпагой, Олиле преграждал дорогу обезумевшей толпе, самоотверженно встав на ее пути.

— Олиле! — закричала Мака. — Олиле!

— Беги, Мака, потом поздно будет!

Каким бы героем ни был Олиле, он не смог сдержать всех сразу. Нескольким воинам-полугрошикам и копилкам удалось проскочить.

Они бежали к Маке.

Мака припустилась от них.

Несколько шагов отделяло ее от ворот, а враги настигали.

Вот-вот схватят!

Мака собрала последние силы.

На какие-то полшага опередив погоню, выскочила она за ограду и захлопнула створки ворот.

СНОВА ГОСПОДИН ФИЛИН И ГОСПОЖА КАТО

Мака изо всех сил приперла спиной ворота, зажмурив от напряжения глаза.

С трудом переводила дыхание.

Сердце готово было выскочить из груди.

Она была уверена, что взбешенные монеты и копилки навалятся на ворота и распахнут их и у нее не хватит сил сдержать их натиск. Определенно не хватит. Догонят ее и отберут талисман.

Но из-за стены не доносилось ни звука: ни криков, ни брани. Никто не ломился в ворота.

Мака открыла глаза.

Необычайная, непроглядная мгла окружала ее. Мака не стала задумываться, отчего так сразу стемнело вокруг.

Все ее мысли были с Олиле: как он сумеет отбиться, удастся ли ему выкрутиться?

— Наверное, мне придется долго ждать, пока он сумеет вырваться, — сказала она, отходя от ворот. — Спрячусь-ка я пока в темноте, чтобы эти монеты не нашли меня.

Места, где она находилась сейчас, показались ей чем-то знакомыми. Сердце Маки вздрогнуло, она быстро обернулась в сторону ворот.

Крепостных ворот не было.

— Ой, что же будет с Олиле, если и он не найдет выхода? — забеспокоилась Мака, огорченно осматриваясь. — Надо же было так заблудиться!

Вдруг ей на глаза попался знакомый буфет, заставленный кувшинами и глиняными пиалами.

Мака взглянула вверх — сквозь разбитую черепицу светилось небо. «Неужели я снова на чердаке?» — удивилась она.

Затем подошла к ларцу, наполненному медяками. По ту сторону ларца стояло зеркало.

— Караман, Караман, — услышала она знакомый голос, — проснись, посмотри, кто к нам пожаловал!

Филин зевнул, потянулся, поморгал круглыми желтыми глазами и поворотился к сове:

— Что у вас за манера вечно перебивать мой сон, госпожа Като?!

— Взгляника-ка вниз, Караман!

— Теперь уже Караман! — надулся филин. — Какой я вам Караман, я же был Соломон?

— Прочисть уши, Караман, я говорю...

— Госпожа Като! — оборвал ее Филин. — Я не Караман и прошу вас впредь не называть меня этим именем. Я родился в Аджаметском лесу и был воспитан в достойной и уважаемой семье.

— Караман, неужели не узнаете дочь солнца?

— Как, разве наша девочка уже вернулась?

— Вернулась, Караман!

— Опять Караман! Раз и навсегда запрещаю вам, госпожа Като, называть меня этим именем.

— Здравствуйте, госпожа Като! Здравствуйте, господин Филин, — поздоровалась Мака.

— Здравствуй, милейшая дочь солнца! — поздоровались в один голос филин и сова. И тут же филин обернулся к сове и голосом, переполненным достоинства, прошептал:

— Вы слышали, госпожа Като, она назвала меня господином?!

Но госпожа Като не обратила никакого внимания на слова филина, она с улыбкой любовалась Макой, видимо, от всего сердца была рада видеть ее. И филин не скрывал радости.

— Очень рада вас видеть, прелестная дочь солнца!

— Спасибо, госпожа Като!

— Откуда вы явились к нам? — не скрывая любопытства, спросил Филин.

— Из страны копилок.

— Слышите, госпожа Като, оказывается, дочь солнца пришла из страны копилок?

— Слышу, Караман, я же не глухая!

— Господи, чего надо от меня этой особе! — вздохнул филин. — Откуда-то выдумала Карамана!

— Раз ты была в стране копилок, то, значит, видела гипсового императора? — спросила сова.

— Видела.

— Он по-прежнему пустой? — спросил в свою очередь филин.

— Пустой.

— Слышите, госпожа Като, гипсовый император попрежнему пустой!

— Сколько раз говорить вам, что я не глухая?!

Филин надулся и стал расхаживать по краю комода.

— Этот император такой пройдоха, всех за пояс заткнет, — сказала сова. — Удивительно, как уцелел твой талисман!

Мака подробно рассказала сове и филину обо всем, что произошло с ней. Когда она дошла до королевства древних монет и вспомнила про короля, сова воскликнула:

— Неужели этот простофиля еще жив?!

А при упоминании о маршале Гривеннике от смеха даже поперхнулась.

Но больше всего сову и филина обрадовала весть об Олиле. Филин даже крыльями всплеснул, намереваясь по старой привычке облететь чердак, но почему-то сдержался.

— Ох, Олиле, Олиле, — с сожалением вздохнула госпожа Като, — сколько времени я не слышала его пения.

Большую радость вызвало известие о розовом фламинго.

— Слава тебе, господи, наконец-то освободился от гипсового плена, — сказал филин.

При упоминании о гипсовом плене грустное настроение снова овладело Макой. Она вспомнила Олиле и загрустила. Сможет ли он выбраться, сможет ли отбиться

от копилок и старых монет. Каково теперь ему, оставшемуся в полном одиночестве?!

Мака поделилась своей тревогой с совой и филином.

— Олиле — молодец! Так легко не дастся им в руки, не бойся! — успокаивали Маку сова и филин.

— Я не покину Олиле, пока он в опасности! — решительно сказала Мака. — Я хочу вернуться в страну копилок!

— Это очень трудно сделать, дочь солнца, — сказала сова.

— Почему? Я же только что оттуда, неужели так трудно найти дорогу обратно?

— Почти невозможно!

— Я должна преодолеть невозможное! — возразила Мака. — Олиле — мой друг, и я не могу бросить его в беде!

Госпожа Като с сомнением покачала головой и взглянула на филина. Тот пожал плечами, словно говоря: я бессилен помочь ей.

— Неужели мне нельзя снова увидеть тех старух?

— Увидеть-то можно, но... — госпожа Като не закончила, с сожалением и сочувствием глядя на Маку.

— Вы только помогите мне найти тех старух, а дальше я сама знаю, что делать... Я хорошо помню, на какой глаз указала тогда.

— Тебе думается, что старухи до сих пор сидят в прежнем порядке. Нет, дорогая моя, они постоянно меняются местами, поэтому невозможно дважды угадать один и тот же глаз.

— Я все-таки попытаюсь, госпожа Като.

— Попытайся. Попытка, говорят, половина удачи. Только не забудь повернуться три раза.

Мака, не сходя с места, трижды прокрутилась и смело отправилась искать старух.

— О-о, наша дочь солнца стала совсем другой девочкой, — слышала Мака голос филина. — Ее сердце наполнено добром... Ради друга она готова пожертвовать собой.

— Она стала доброй и смышленной. Ее сердце исполнено любви. Счастливая она, дочь солнца!

— Я всегда был уверен в ней, госпожа Като!

— И я, мой Караман!

— Госпожа Като, если вы хоть раз еще позволите себе назвать меня Караманом, я с вами разговаривать не стану.

— Как же прикажете называть вас?

— Мы договорились, что меня зовут Соломон.

— О-о, это так давно было...

— Не знаю, давно или нет. Во всяком случае, госпожа Като, если вы хоть раз произнесете имя...

— Караман был величайшим из героев!

Мака уже ушла настолько далеко, что не слышала, чем закончилась перепалка между совой и филином.

Она сначала растерялась, увидев снова трех старух, но быстро справилась с волнением.

Ей показалось, что со дня ее последнего посещения, старухи не трогались с места. Она внимательно оглядела их. Никаких изменений.

Тогда она быстро повернулась три раза и вытянула руку: указательный палец нацелился в левый глаз средней старухи.

Старухи безмолвно поднялись, так же безмолвно повернули налево и скрылись в чердачной мгле.

Мака очень обрадовалась, что указала именно на тот глаз, что и в прошлый раз.

Она стала ждать.

Ждала, что вот сейчас откроются крепостные ворота,

и она вновь очутится в стране копилок, увидит своего друга Олиле, и может быть спасет его.

Долго ждала она.

Напрасно.

Ворота не открывались.

Потеряв надежду, Мака села и разревелась.

МАКА ПОКИДАЕТ ЧЕРДАК

Она решила снова вернуться к госпоже Сове и господину Филину с тем, чтобы попросить у них совета, как выручить Олиле. Не мешкая, она встала, утерла слезы и осмотрела платье, не перепачкалось ли оно.

Но стоило ей увидеть платье, как она вскрикнула от радости и изумления и захлопала руками. На ней был тот самый летний сарафан и сандалии, в которых она поднялась на чердак.

Она принялась лихорадочно осматривать руки, ноги, ощупала лицо, шею, плечи, — неужели она снова стала прежней Макой?!

— Чудеса да и только, — радостно повторяла он. — Я — снова я.

И правда, по чердаку вместо дочери солнца разгуливала прежняя золотоволосая Мака, ученица четвертого класса одной из тбилисских школ.

Но чтобы рассеять все сомнения, Мака взглянула на грудь, здесь ли золотой талисман или нет? Нет, не было талисмана с выбитым на нем ликом солнца, не было и золотой цепочки, на которой висел он.

— Вот красота-то! — ликовала Мака. — Наверное, я угадала тот единственный зрячий глаз. Говорила же госпожа Като, как угадаю, моментально превращусь в прежнюю Маку.

И вот она не ошиблась, она отгадала именно тот единственный зрячий глаз.

Куда же делось волшебное платье? Вот оно, валяется у ног девочки. Мака нагнулась и подняла его. «Теперь уж ни за что не надену», — решительно сказала она, подошла к высокому шкафу, на котором сидели сова и филин. «Сейчас покажусь им, какой я стала. Вот они обрадуются!»

Только одного не понимала она, кто же снял с нее это платье? Но она не стала ломать голову над этим вопросом, потому что успела привыкнуть ко всяким чудесам и неожиданностям.

Она приблизилась к шкафу, приветливо улыбаясь сове и филину, да так и замерла с улыбкой на губах.

На шкафу стояли два запыленных чучела, бессмысленно таращивших огромные желтые стеклянные глаза.

Мака снова улыбнулась, только улыбка вышла очень грустной. Медленно выдвинула она ящик шкафа и положила на место белое бальное платье.

Посмотрела на часы: стрелки замерли у цифры двенадцать. Мака просунула руку и толкнула пальцем маятник. Часы сердито задребезжали, на мгновение нарушив тишину чердака.

На пыльном зеркале по-прежнему красовалась смешная кукла, под которой было написано «МАКА».

Мака вспомнила чудесное путешествие в королевство древних монет и империю копилок. Вспомнила короля Драхму и королеву Зузу, советника Пятака и советника Двугривенного, маршала Гривенника, Чиче-гроша, Дырявого Семишника, гипсового императора, смешного глупого щенка и розового фламинго.

А Олиле?

Неужели она не вспомнила об Олиле?

Как не вспомнила!

Больше всего она тревожилась о бродячем музыканте, добром и отважном Олиле.

Но как быть?! Олиле остался в сказке, и никакая сила не вызволит его оттуда. Да и нужно ли, чтобы Олиле покидал сказку?

Пусть живет в сказке.

Почти в каждой сказке добро борется со злом, борется и побеждает.

И пусть Олиле борется.

Пусть сражается с жадностью, с ложью, с вероломством, с лицемерием... Одним словом, со всяческим злом.

И Мака уверена — Олиле победит!

Увлеченная такими мыслями, она подошла к чердачному люку. В проеме его виднелась деревянная хлипкая лестница и часть балкона.

По этой лестнице Мака сошла на балкон.

Едва она успела подойти к перилам, как друзья хором закричали ей со двора:

— Мака! Мака! Где ты пряталась?

И Маке стало ужасно весело. Она обрадовалась, увидев друзей и услышав их голоса, так сильно, как никогда не радовалась раньше.

СОДЕРЖАНИЕ

СУЛАКАУРИ АРЧИЛ САМСОНОВИЧ
ЛУКА

Редактор **В. Корхова**
Художник **С. Кинцурашвили**
Художественный редактор **А. Сарчимелидзе**
Технический редактор **А. Якимова**
Корректор **Н. Гигиадзе**

Сдано в набор 28 ноября 1975 г.
Подписано в печать 14 мая 1976 г.
Бумага № 1 70×108$^1/_{32}$.
Учетно-издат. листов 11,93.
Печатных листов 8,75.
Условно-печатных листов 12,25.
Заказ № 196. Тираж 50.000.

Цена 50 коп.

Издательство «Мерани»,
Тбилиси, пр. Руставели, 42

Типография изд.-ва «Таврида»
Крымского ОК КП Украины,
Симферополь, пр. Кирова 32/1.

არჩილ სამსონის ძე სულაკაური
ლუკა
(რუსულ ენაზე)

50 коп

